

Карлос Луис

БАДФОН

Трилогия тумана

Трилогия тумана

Карлос Сафон

Трилогия тумана (сборник)

«АСТ»

1993, 1994, 1995

Сафон К. Р.

Трилогия тумана (сборник) / К. Р. Сафон — «АСТ», 1993, 1994,
1995 — (Трилогия тумана)

ISBN 978-5-17-086816-2

В сборник включены романы Карлоса Руиса Сафона «Владыка тумана»,
«Дворец полуночи» и «Сентябрьские огни».

ISBN 978-5-17-086816-2

© Сафон К. Р., 1993, 1994, 1995
© АСТ, 1993, 1994, 1995

Содержание

Владыка Тумана	6
От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	56
Глава 13	61
Глава 14	67
Глава 15	70
Глава 16	74
Глава 17	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Карлос Руис Сафон

Трилогия тумана (сборник)

Carlos Ruiz Zafon

LA TRILOGIA DE LA NIEBLA

EL PRINCIPE DE LA NIEBLA

EL PALACIO DE LA MEDIANOCHE

LAS LUCES DE SEPTIEMBRE

Печатается с разрешения компании Dragonworks S.L. и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Dragonworks S.L., 1993, 1994, 1995

© Перевод. Е.В. Антропова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Владыка Тумана

Посвящается моему отцу

От автора

Любезный читатель!

Возможно, ты поступил бы благоразумно, если бы пропустил эти строки и сразу перешел к началу повествования, ибо книга должна говорить сама за себя и не нуждается в преамбулах. Но если тебе любопытно, как появилась на свет история, которую ты держишь в руках, то я обещаю быть кратким и не злоупотреблять твоим вниманием.

«Владыка Тумана» стал моим первым опубликованным романом, ознаменовав начало пути: после этой книги я полностью посвятил себя своеобразному занятию, каковым является труд писателя. В ту пору мне исполнилось лет двадцать шесть или двадцать семь, что казалось мне тогда довольно преклонным возрастом. Издателя у меня не было, и мне пришлось в голову представить рукопись на конкурс юношеской литературы. Причем я не имел ни малейшего представления о том, что такое юношеская литература. Мне повезло, и я выиграл.

Откровенно говоря, в отрочестве я не читал книг, причисленных к категории литературы для юношества. По моему разумению роман для подростков и произведение, предназначенное для широкого круга читателей, почти ничем не отличаются. Мне всегда казалось, что юные читатели более восприимчивы и проницательны, чем люди старшего возраста. К их чести надо сказать, что они наделены смелостью и прямоотой и лишены предрассудков. В их лице автор получает благодарных читателей, или же они отвергают его, решительно и бесповоротно. Молодые люди – непростая и требовательная аудитория, но мне нравятся правила игры, навязанные юностью. Я считаю их справедливыми. Что касается «Владыки Тумана», то, не располагая иными ориентирами, я решил написать такой роман, какой сам прочитал бы с удовольствием в тринадцать-четырнадцать лет и который по-прежнему вызывал бы у меня интерес в двадцать три, сорок три и восемьдесят три года.

С момента первой публикации в 1993 году «Владыке Тумана» сопутствовала удача. Книга имела успех в молодежной среде, и ее также хорошо приняли читатели, давно перешагнувшие порог зрелости.

Перечитывая вещь, написанную много лет назад, писатель испытывает неодолимое искушение переделать и переписать сочинение заново, вооружившись опытом и знаниями, приобретенными за годы литературного труда. Но в данном случае я предпочел оставить работу в первоначальном варианте, сохранив в неприкосновенности все недостатки и присущую ей индивидуальность.

«Владыка Тумана» открывает серию романов для юношества, куда вошли также «Дворец полуночи», «Сентябрьские огни» и «Марина». Эти книги я написал до публикации «Тени ветра». Быть может, соблазнившись известностью последнего сочинения, кто-то из читателей более зрелого возраста захочет познакомиться и с этими историями о тайнах и загадках. И я надеюсь, что читатели уже нового, молодого поколения получат удовольствие и, возможно, почувствуют вкус к чтению, которое откроет перед ними путь к увлекательнейшим в мире приключениям.

И тем и другим, новым читателям и читателям неофитам, мне остается лишь выразить признательность скромного рассказчика, надеющегося завоевать их симпатии, и пожелать приятного чтения.

Карлос Руис Сафон
Май 2006 г.

Глава 1

Наверное, пройдет немало времени, прежде чем Макс забудет лето, когда он ненароком столкнулся с магией. Шел 1943 год, и суровый ветер войны неумолимо гнал мировой челн по течению. В середине июня Макс исполнилось тринадцать лет. В тот знаменательный день его отец – часовщик, на досуге занимавшийся изобретательством, – собрал семью в гостиной и объявил, что они в последний раз ночуют в доме, служившем им верой и правдой в течение десяти лет. Семейство перебиралось на побережье, подальше от столицы и от войны, в маленький приморский городок на краю Атлантики.

Решение было окончательным: семья уезжала на рассвете грядущего дня. К утру следовало упаковать вещи и подготовиться совершить дальнейшее путешествие к новому домашнему очагу.

Члены семейства часовщика выслушали новость без удивления. Все они догадывались, что почтенный Максимилиан Карвер уже давно лелеял планы покинуть большой город и поселиться в местах более пригодных для жизни. Догадывались все, кроме Макса. Известие ошеломило мальчика: если бы на его глазах взбесившийся паровоз врезался в лавку китайского фарфора, эффект был бы таким же. Макс стоял как оглушенный, с открытым ртом и лишенным выражения взглядом. В этот краткий миг транса в сознании Макса прочно обосновалась ужасающая уверенность, что его личный мир, включая школьных друзей, уличную компанию и прилавки с комиксами на углу, вот-вот безвозвратно исчезнет, развеется как дым в одно мгновение.

Остальные домочадцы зашевелились и начали расходиться с покорным выражением на лицах, настраиваясь на сборы. Макс же стоял неподвижно и смотрел на отца. Почтенный часовщик опустился перед сыном на колени и положил руки ему на плечи. В глазах Макса, как в открытой книге, отец прочитал все его чувства.

– Сейчас тебе кажется, что наступил конец света, Макс. Но я обещаю, что тебе понравится место, куда мы поедем. У тебя появятся новые друзья, вот увидишь.

– Это из-за войны? – спросил Макс. – Мы должны уехать из-за войны?

Максимилиан Карвер обнял сына, а затем, не переставая улыбаться, вынул из кармана пиджака сверкающий предмет на цепочке и вложил в руки Максиму. Карманные часы!

– Я смастерил их для тебя. С днем рождения, Макс.

Корпус часов был сделан из чеканного серебра. Макс поднял крышку луковицы: на круглом циферблате часы обозначались картинками – изображениями прибывающей и убывающей по движению часовых стрелок луны. Стрелки тоже оказались не просто стрелками, а лучами солнца, улыбавшегося в центре. На крышке была выгравирована каллиграфическая надпись: «Машина времени Макса».

В тот день, сжимая в руках подаренные отцом часы и наблюдая, как родные спуют вверх и вниз по лестнице с чемоданами, Макс, сам того не осознавая, навсегда распрощался с детством.

В ночь после своего дня рождения Макс не сомкнул глаз. Пока все спали, мальчик ждал наступления рокового рассвета, предвестника вечной разлуки с маленькой вселенной, которую он для себя создавал на протяжении многих лет. Час за часом Макс тихо лежал на кровати, рассматривая голубоватые тени, плясавшие на потолке комнаты. Он будто надеялся, что прозрачный рисунок предскажет, как сложится его судьба начиная с завтрашнего дня. В руке Макс держал часы, сделанные отцом. Улыбающиеся рожицы луны поблескивали в ночной темноте. Возможно, они-то знали ответ на все вопросы, которые беспокоили Макса с того вечера.

Наконец на синеватом горизонте забрезжили первые лучи зари. Макс быстро выбрался из постели и поспешил в гостиную. Максимилиан Карвер, полностью одетый, уютно устроился

в кресле. Он читал книгу, по двинув ее поближе к свету керосиновой лампы. Макс понял, что не только он бодрствовал ночь напролет. Часовщик улыбнулся сыну и закрыл книгу.

– Что ты читаешь? – спросил Макс, указывая на пухлый том.

– Это книга о Копернике, – ответил отец. – Ты знаешь, кто такой Коперник?

– Я хожу в школу, – резонно заметил Макс.

У отца была манера задавать, казалось бы, совершенно нелепые вопросы.

– И что ты о нем знаешь? – не унимался он.

– Коперник открыл, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот.

– Примерно так. А ты представляешь, что это означало?

– Проблемы, – отозвался Макс.

Часовщик расплылся в улыбке и протянул толстую книгу мальчику:

– Возьми. Она твоя. Прочитай ее.

Макс с любопытством осмотрел со всех сторон загадочный фолиант в кожаном переплете. Можно было подумать, книге не меньше тысячи лет. Она походила на обитель духа древнего гения, прикованного к страницам вековым заклятием.

– Ладно, – перешел к делу отец, – кто пойдет будить твоих сестер?

Макс, не поднимая глаз от книги, кивком дал понять, что уступает ему честь вырвать из объятий глубокого сна Алисию и Ирину, своих сестер пятнадцати и восьми лет.

Отец отправился трубить подъем для всей семьи, а Макс тем временем угнезвился в кресле, спокойно открыл книгу и начал читать. Через полчаса семейство Карвер в полном составе в последний раз переступило порог родного дома. Они отправлялись навстречу новой жизни. Вот так началось лето.

Макс как-то раз прочитал в одной из отцовских книг, что некоторые детские впечатления сохраняются в альбоме подсознания как фотографии или яркие картины, которые не тускнеют от времени. Сколько бы ни прошло лет, человек возвращается к ним, перебирая в памяти, как драгоценности, и помнит о них до конца дней. Макс понял, что означают эти слова, впервые увидев море. Они ехали в поезде целых пять часов. Внезапно, когда состав вынырнул из темного туннеля, взору Макса открылась прозрачная, пронизанная светом безбрежная гладь. Синее море, искрившееся и переливавшееся золотистыми бликами под полуденным солнцем, отпечаталось на сетчатке его глаза, словно сверхъестественное явление. Поезд катил по рельсам всего в нескольких метрах от моря. Макс высунул голову в окошко и почувствовал кожей прикосновение ветра, насыщенного влагой и запахом соли. Мальчик повернулся и посмотрел на отца, с загадочной улыбкой наблюдавшего за ним из угла купе. Тот едва заметно кивнул, отвечая на невысказанный вопрос. И тогда Макс почувствовал, что ему безразлично, что ждет их в конце путешествия и на какой станции остановится поезд: отныне он всегда будет жить только там, где, проснувшись поутру, увидит ослепительное голубоватое сияние, волшебной прозрачной дымкой устремлявшееся к небу. Такой он дал себе обет.

Макс стоял на перроне провинциальной станции и глядел вслед удалявшемуся поезду. Максимилиан Карвер оставил свое семейство вместе с багажом перед конторой начальника станции. Сам он ненадолго отлучился, чтобы договориться с кем-нибудь из местных извозчиков о доставке за приемлемую плату пяти человек, узлов и прочего барахла к месту назначения. Городок напоминал архитектурный макет – по крайней мере таково было первое впечатление Макса. И станция, и домики на окраине поселения, крыши которых скромно выглядывали из-за купы деревьев, походила на миниатюрные поделки для коллекционеров игрушечных электропоездов. Казалось, в таком городишке стоит зазеваться, и можно упасть со стола. Представив себе это, Макс задумался над новой любопытной версией теории Коперника об устройстве мира. Громкий голос матери, стоявшей рядом, побудил его спуститься с небес на землю.

– И как тебе? Оценка положительная или неуд?

– Скоро станет ясно, – отвечал Макс. – Похоже на макет. Из тех, что стоят в витринах магазинов игрушек.

– Пожалуй, есть сходство, – улыбнулась мама.

Когда она улыбалась, то выражением лица неумовимо напоминала Максу младшую сестру Ирину.

– Только не говори этого отцу, – продолжала мама. – Вон он идет.

Максимилиан Карвер вернулся в сопровождении двух носильщиков – богатырей в широких робах, испещренных пятнами жира, сажи и какого-то вещества неизвестного происхождения. Оба были обладателями роскошных усов и щеголяли в морских фуражках, точно этот головной убор являлся частью униформы.

– Познакомьтесь, Робин и Филипп, – представил своих спутников отец. – Робин повезет багаж, а Филипп – нас. Договорились?

Не дожидаясь согласия семейства, силачи устремились к горе чемоданов и без каких-либо видимых усилий взвалили на плечи самые объемистые. Макс достал свои часы и посмотрел на циферблат с улыбающимися лунами. Стрелки показывали два часа дня. На старых станционных часах была половина первого.

– Часы на станции отстают, – пробормотал мальчик.

– Вот видишь! – с воодушевлением откликнулся отец. – Не успели приехать, и уже есть работа.

Мама слабо улыбнулась, как улыбалась всегда, столкнувшись с проявлениями лучезарного оптимизма Максимилиана Карвера. Но в ее глазах Макс уловил тень грусти и особый, хорошо знакомый свет, с детства внушавший ему веру в то, что она видит будущее, которое не дано предугадать другим.

– Все будет хорошо, мама, – подбодрил ее Макс и почувствовал себя очень глупо, как только слова сорвались с языка.

Мама погладила его по щеке и улыбнулась:

– Конечно, Макс. Все будет хорошо.

И тут Макс определенно почувствовал, будто кто-то на него смотрит. Он быстро огляделся и увидел среди прутьев решетки на окне станции большого полосатого кота. Кот не сводил с Макса глаз, словно читая его мысли. Представитель кошачьего племени зажмурился и одним прыжком (что свидетельствовало о необычайном проворстве, немислимом для такого крупного животного, будь то кошка или не кошка) очутился рядом с малышкой Ириной и принялся тереться боком о белые носочки сестренки Макса. Девочка присела на корточки и погладила сладко мяукавшего кота. Когда Ирина взяла его на руки, кот, кротко мурлыча, деликатно лизнул пальцы девочки. Ирина заулыбалась, очарованная ласковым животным. Крепко прижав кота к себе, девочка шагнула туда, где стояли в ожидании все члены семейства.

– Мы только приехали, а ты уже подобрала какую-то тварь. Интересно, у него есть блохи? – высказалась Алисия с явным отвращением.

– Это не тварь. Это кот, и его бросили, – возразила Ирина. – Мама?

– Ирина, мы еще даже не приехали домой... – начала мать.

Девочка состроила жалостливую рожицу.

– Он может жить во дворе. Пожалуйста... – Кот вторил ей вкрадчивым, обольстительным мяуканьем.

– Он толстый и грязный, – вновь вступила в разговор Алисия. – Но ты непременно хочешь опять настоять на своем.

Ирина послала старшей сестре колючий, пронзительный взгляд, суливший объявление войны, если только та немедленно не закроет рот. Алисия с минуту держала марку, потом повернулась, сердито фыркнув, и зашагала туда, где извозчики грузили багаж. По пути она

столкнулась с отцом. От его внимания не ускользнуло выражение раскрасневшегося лица Алисии.

– Уже воюем? – спросил Максимилиан Карвер и тут заметил кота. – А это кто?

– Он одинокий и брошенный. Можно мы его возьмем? Он поживет во дворе, и я буду за ним ухаживать. Обещаю, – поспешила объяснить Ирина.

Удивленный часовщик посмотрел на кота и тотчас перевел взгляд на жену.

– Не знаю, что скажет мама...

– А что скажешь ты, Максимилиан Карвер? – отозвалась его супруга. Ее развеселила проблема, с которой столкнулся муж. Об этом красноречиво свидетельствовала ее улыбка.

– Хорошо. Но его следовало бы показать ветеринару, а кроме того...

– Пожалуйста, – захныкала Ирина.

Часовщик с женой переглянулись с видом заговорщиков.

– Почему бы и нет? – Максимилиан Карвер был не в силах начинать лето с семейного конфликта. – Но ты должна о нем заботиться. Даешь слово?

Ирина просияла. Кошачьи зрачки сузились, превратившись в стрелки на позолоченном, светящемся циферблате глаз.

– Вперед! Поехали! Багаж уже погрузили, – скомандовал часовщик.

Прижимая кота к груди, Ирина побежала к грузовичку. Кот, положив голову на плечо девочки, уставился на Макса. «Он ждал нас», – подумал мальчик.

– Не спи, Макс. Идем, – позвал его отец, направляясь к машинам под руку с матерью.

Макс последовал за родителями.

И в этот момент что-то заставило его обернуться и снова посмотреть на потемневшие от копоти станционные часы. Макс понимал, что столкнулся с необъяснимым явлением. Он хорошо помнил: когда семейство высадилось на перрон, на часах была половина первого. Теперь стрелки показывали без десяти двенадцать.

– Макс! – нетерпеливо позвал его отец, уже сидевший в машине. – Мы уезжаем!

– Иду, – пробормотал мальчик, не сводя глаз с закопченного циферблата.

Станционные часы не испортились и работали превосходно, но имели занятную особенность: они отсчитывали время назад.

Глава 2

Новый дом семейства Карвер находился на северной оконечности длинного пляжа, обрамлявшего море, подобно драгоценной оправе из мерцающего белого песка. Тут и там росли островки дикой травы, колымавшейся на ветру. Пляж, по сути, являлся продолжением городской улочки. Само селение состояло из деревянных домиков, максимум двухэтажных, выкрашенных в приятные пастельные тона. Каждый домик был окружен садом и обнесен белой, идеально ровной оградой, отчего они еще больше походили на кукольные, подкрепляя первые впечатления Макса. По дороге путешественники пересекли весь городок, проехав по центральной улице и главной площади, где находилось здание муниципалитета. Попутно Максимилиан Карвер с воодушевлением провинциального гида показывал им местные достопримечательности.

Местечко казалось благодатно спокойным. И оно было окутано тем голубоватым сиянием, которое заворожило Макса, как только он увидел море. В основном местные жители в качестве средства передвижения использовали велосипеды или просто ходили пешком. Улицы сверкали чистотой. Никакой посторонний шум не нарушал их мирного покоя (не считая звука мотора редких автомобилей), слышался только тихий шелест морских волн, набегавших на берег. Пока машины ехали по городку, Макс с интересом наблюдал за близкими. На лицах его родных как в зеркале отражались разнообразные мысли, возникавшие при виде декораций, среди которых теперь будет протекать их жизнь. Малышка Ирина и подобранный кот дружно производили смотр улиц и домов с безмятежным любопытством, словно уже освоились и почувствовали себя как дома. Алисия полностью замкнулась в себе и, казалось, находилась за тысячи километров от приморского городка. Макс осознал себе, что он, в сущности, ничего или почти ничего не знал о своей старшей сестре.

Мать рассматривала городок со смиренным доброжелательством. Она старательно сохраняла дежурную улыбку, чтобы не выдать беспокойства, владевшего ею. Причину ее тревоги Макс понять не мог. А Максимилиан Карвер с видом победителя обозревал новую среду обитания, бросая торжествующие взгляды на членов своего семейства, которые отвечали ему одобрительными улыбками. Здравый смысл подсказывал, что любая критика разобьет сердце доброго часовщика, убежденного, что он привез семью в рай.

Макс смотрел на улицы, исполненные света и покоя, и призрак войны представлялся теперь таким далеким, словно его не существовало вовсе. И Макс подумал, что отец, возможно, проявил гениальную прозорливость, решив переехать к морю. К тому моменту, когда грузовики выехали из города на дорогу, которая вела к дому на пляже, Макс выбросил из головы и станционные часы, и невнятную тревогу, которую внушал ему поначалу новый питомец Ирины. Мальчик смотрел на горизонт, и ему почудился силуэт корабля: черный и узкий, он тенью скользил вдоль цепочки пробковых бакенов, протянутой по поверхности океана. Спустя мгновение тень исчезла.

Двухэтажный коттедж возвышался метров на пятьдесят над уровнем моря. Его окружал скромный сад, обнесенный белым заборчиком, отчаянно нуждавшимся в покраске. Дом был целиком белым, не считая темной крыши, и сохранился довольно хорошо, учитывая, что он стоял на берегу и ежедневно подвергался воздействию влажного ветра, пропитанного солью.

По дороге Максимилиан Карвер рассказал жене и детям, что дом построили в 1928 году в качестве летней резиденции на море для семьи известного хирурга из Лондона – доктора Ричарда Флейшмана и Евы Грей, его жены. Одно время местные жители смотрели на коттедж с недоумением и настороженностью. Супруги Флейшман не имели детей, вели уединенный образ жизни и как будто не испытывали желания знакомиться с соседями. Приехав сюда в первый

раз, доктор Флейшман отдал четкое указание доставить строительные материалы, равно как и рабочих, непосредственно из Лондона. Такого рода каприз практически утраивал стоимость дома, но состоятельный хирург мог себе это позволить.

Зимой 1927 года горожане с иронией и опаской наблюдали, как сновали туда-сюда многочисленные грузовики и сутились бригады рабочих. Строительство продвигалось медленно, но дом в конце пляжа рос потихоньку с каждым днем. Наконец весной следующего года маляры в последний раз прошли по стенам коттеджа кистью, и через несколько недель супруги поселились в новом доме, планируя провести в нем лето. Дом на пляже стал оазисом счастья для четы Флейшман. Он, как талисман, принес им удачу. Жена хирурга, вроде бы лишившаяся возможности иметь детей из-за давнего несчастного случая, сразу забеременела. Двадцать третьего июня 1929 года она произвела на свет ребенка. Роды, проходившие под кровом прибрежного дома, принимал муж. Мальчика назвали Якобом.

Якоб явился благословением небес, с его рождением привычки и манеры прежде нелюбимых, предпочитавших одиночество супругов Флейшман преобразились как по волшебству. Очень скоро доктор с женой поладили с местными жителями, снискав всеобщую любовь и уважение. Идиллия длилась несколько лет. Все это время семья счастливо жила в доме на пляже, вплоть до трагедии, разразившейся в 1936 году. В августе, ранним утром, маленький Якоб утонул, когда играл перед домом у моря.

Свет и радость, которые принес в семью долгожданный ребенок, померкли в тот день навсегда. Зимой 1936 года здоровье доктора Флейшмана стало неуклонно ухудшаться, и вскоре его лечащие врачи признали, что лето 1938 года ему увидеть не суждено. Через год после несчастия поверенные вдовы выставили коттедж на продажу. Покупателя не нашлось, и дом много лет стоял в дальнем конце пляжа пустой и всеми забытый.

Максимилиан Карвер узнал о существовании дома по чистой случайности. Однажды часовщик поехал за инструментами и запасными деталями. На обратном пути он остановился на ночлег в прибрежном городке. За ужином в маленькой местной гостинице он вступил в беседу с хозяином и поделился мечтой жить в небольшом тихом городе – таком как этот. И хозяин гостиницы вспомнил, что неподалеку продается дом. Максимилиан решил тогда повременить с отъездом, чтобы на другой день осмотреть владение. Возвращаясь домой, Карвер прокручивал в голове цифры, прикидывая, можно ли открыть в городишке часовую мастерскую. Он сообщил своей семье о переезде только через восемь месяцев, но в глубине души принял решение сразу.

День приезда запомнился Максусу как калейдоскоп престранных, порой забавных, не связанных между собой картин. Для начала, едва машины остановились перед домом и Робин с Филиппом начали разгружать вещи, Максимилиан Карвер ухитрился споткнуться о предмет, похожий на старое ведро. Совершив короткий головокружительный полет по немислимой траектории, он приземлился на белую изгородь, сокрушив около четырех метров забора. Происшествие не имело серьезных последствий: члены семейства часовщика повеселились, тщательно скрывая улыбки, а жертва отделалась парой синяков.

Дюжие извозчики перетащили баулы к террасе дома и, посчитав свою миссию выполненной, испарились, предоставив семейству честь самостоятельно внести вещи вверх по лестнице. Когда Максимилиан Карвер торжественно отворил дверь, из проема пахнуло затхлостью, словно вырвался на свободу призрак, долгие годы находившийся в заключении в этих стенах. Помещение было подернуто тонкой дымкой пыли, сквозь опущенные жалюзи сочился неяркий свет.

– Боже мой, – пробормотала мать Макса, представив, сколько тонн пыли предстоит убрать.

– Чудесно, – поспешил поделиться впечатлениями Максимилиан Карвер. – Я же вам говорил.

Макс и Алисия безнадежно переглянулись. Малышка Ирина в растерянности взирала на обстановку дома. Но прежде чем кто-то из домочадцев успел открыть рот, кот Ирины спрыгнул у нее с рук и, пронзительно мяукнув, устремился вверх по лестнице.

Последовав его примеру, Максимилиан Карвер переступил порог новой семейной резиденции.

– Хорошо, что хоть кому-то тут понравилось, – едва слышно прошептала Алисия. Во всяком случае, Макс показалось, что она произнесла эту фразу.

Первым делом мама распорядилась, как водится, открыть настежь двери и окна, чтобы проветрить комнаты. А затем на протяжении пяти часов семья в полном составе самозабвенно трудилась, чтобы навести порядок и сделать новое обиталище пригодным для жизни. Точно хорошо обученные бойцы спецподразделения, каждый четко выполнял свою миссию. Алисия убирала комнаты и стелила постели. Ирина, вооружившись метелкой, выгребала из потаенных уголков залежи пыли, а Макс, следуя за ней по пятам, собирал грязь. Тем временем мама раскладывала багаж и мысленно брала на заметку, что нужно сделать прежде всего. Максимилиан Карвер прилагал титанические усилия, чтобы оживить трубы, светильники и прочие механизмы, впавшие в летаргию за годы бездействия. И стоит отметить, задача выдалась не из легких.

Наконец семейство собралось на террасе. Сидя на ступенях крыльца своего нового дома, дети и родители наслаждались заслуженным отдыхом, любясь морем, наливавшимся золотом с наступлением заката.

– На сегодня достаточно, – признал Максимилиан Карвер. С ног до головы он был покрыт сажей и пленкой неизвестного происхождения.

– Недельки через две, если потрудиться, дом приобретет божеский вид, – добавила мать.

– В комнатах на втором этаже полно пауков, – пожаловалась Алисия. – Они громадные.

– Пауки? Ух ты! – воскликнула Ирина. – На что они похожи?

– На тебя, – отозвалась Алисия.

– Не ссориться, ладно? – вмешалась мама, потирая кончик носа. – Макс их уничтожит.

– Не обязательно их убивать. Достаточно поймать и выпустить в сад, – возразил часовщик.

– Всегда мне везет. Вечно я должен совершать подвиги, – пробурчал Макс. – Можно подождать с истреблением насекомых до завтра?

– Я и не подумаю спать в комнате, кишасей пауками и бог знает какой другой нечистью, – заявила Алисия.

– Неженка, – с осуждением изрекла Ирина.

– Чучело, – огрызнулась Алисия.

– Макс, пока не началась война, разберись с пауками, – устало попросил Максимилиан Карвер.

– Их убить или только попугать? Я могу заломить пауку лапу и...

– Макс! – резко оборвала его мать.

Макс встал, потянувшись, и вошел в дом с твердым намерением расправиться с его коренными обитателями. Мальчик двинулся к лестнице на второй этаж, где располагались спальни. С верхней ступеньки за ним пристально наблюдал кот Ирины: сверкающие глаза смотрели в упор, не мигая.

Макс продефилировал мимо животного, охранявшего подступы на второй этаж подобно часовому. Как только мальчик сделал шаг в сторону ближайшей спальни, кот тотчас последовал за ним.

Деревянные половицы нежно поскрипывали под ногами. Макс начал охоту на паукообразных с комнат на юго-западной стороне дома. Из окон открывался вид на пляж. Солнце на горизонте клонилось к закату. Макс внимательно исследовал пол, высматривая мелких мохнатых и прытких тварей. После уборки деревянный настил выглядел довольно чистым, и Макс не сразу обнаружил первого представителя семейства арахнид. Он увидел, как из угла к нему решительно направился паук внушительных размеров, как будто сородичи выслали вперед воина, чтобы он обратил врага в бегство. Длина паука достигала примерно половины пуглы¹, у него были восемь лап и желтоватое пятно на черном туловище.

Макс протянул руку к венику, мирно стоявшему у стены, намереваясь отправить насекомое в мир иной. «Просто смешно», – подумал он, тихонько потрясая веником и представляя, что держит в руках палицу или меч. Он примеривался нанести смертельный удар, как вдруг кот Ирины бросился на паука и, как маленький лев, разинув пасть, схватил добычу и смачно принялся жевать. Макс выпустил веник и с изумлением уставился на кота, ответившего ему недоброжелательным взглядом.

– Ай да кот, – пробормотал мальчик.

Животное проглотило паука и удалилось из комнаты, вероятно, в поисках его сородичей. Макс подошел к окну. Семья все еще отдыхала на террасе. Алисия вопрошающе посмотрела на брата.

– Не волнуйся, Алисия. Вряд ли ты снова увидишь пауков.

– Проверь как следует, – наказал Максимилиан Карвер.

Макс кивнул и отправился в комнаты, окна которых выходили на северо-запад, на задворки дома.

Мальчик услышал, как где-то рядом мяукнул кот, и предположил, что еще один паук принял смерть в когтях полосатого истребителя насекомых. Комнаты в задней части дома оказались меньше тех, что располагались вдоль главного фасада. Из окон Макс увидел панораму, открывавшуюся позади дома. К коттеджу примыкал небольшой задний двор с сараем, где можно было держать ненужные вещи или даже автомобиль. В центре двора возвышалось могучее дерево – его крона возвышалась над слуховыми окнами чердака. Выглядело дерево очень старым, Макс решил, что ему уже лет двести, не меньше.

Двор заканчивался забором, отмечавшим границы приусадебной территории, за ним простирался луг. Поодаль, на расстоянии примерно ста метров, виднелось нечто вроде укрепления, окруженного стеной из беловатого камня. Дикая растительность заполонила пространство внутри ограды, превратив его в кусочек джунглей. В зарослях угадывались очертания фигур – человеческих фигур, как определил Макс. Окрестности освещали последние лучи заходящего солнца, и мальчику пришлось усиленно напрягать глаза. То был заброшенный сад. Сад скульптур. Макс завороченно созерцал необычную и печальную картину, которую являли собой белые статуи, оплетенные сорняками. Место напоминало маленькое деревенское кладбище. Входом служили кованые ворота с пиками на концах балясин, запертые на цепь. Над воротами, на верхушках пик, Макс разглядел герб – шестиконечную звезду. Дальше, за стеной сада скульптур, лежала опушка густого леса, растянувшегося на много миль.

– Сделал какое-то открытие? – Прозвучавший за спиной мальчика голос матери вывел его из транса, в который он погрузился под влиянием удивительного зрелища. – Мы уже подумали, что тебя съели пауки.

– А ты знаешь, что за домом, у леса, есть сад скульптур? – Макс указал на каменную ограду, и мама выглянула в окно.

¹ Мера длины, 1 пуглыга = 2 см 3 мм. – Здесь и далее примеч. пер.

– Вечереет. Мы с твоим отцом собираемся в город, чтобы купить хоть что-нибудь на ужин. Так чтобы продержаться до завтра, когда мы сможем запасти продукты. Вы с Алисией остаетесь за старших. Присматривайте за Ириной.

Макс согласно кивнул. Мать коснулась губами его щеки и стала спускаться по лестнице. Макс вновь устремил взгляд на скульптуры в саду. Их силуэты постепенно растворялись в сумеречном тумане. Ветер посвежел, повеяло прохладой. Макс закрыл окно и собирался сделать то же во всех остальных комнатах. В коридоре к нему присоединилась малышка Ирина.

– Они были большими? – спросила она с трепетным восторгом.

Макс на миг растерялся.

– Пауки, Макс. Они были очень большими?

– С кулак, – важно ответил он.

– Ух ты!

Глава 3

На другой день, незадолго до рассвета, Макс услышал, как статуя, окутанная ночным туманом, что-то прошептала ему на ухо. Мальчик рывком сел на постели, часто дыша, с гулко бьющимся сердцем. Он находился в комнате один. Пригрезившийся ему темный призрак, шепчущий в темноте, исчез в мгновение ока. Макс протянул руку к прикроватной тумбочке и зажег ночник, который отец починил прошлым вечером.

За окном над лесом занималась заря. Над лугом плавно стелился туман, ветер рвал его покровы, образуя просветы. Сквозь эти прогалины виднелись контуры застывших фигур в саду скульптур. Макс взял карманные часы с тумбочки и поднял крышку. Смеющиеся лунные диски мерцали, как золотые монеты. Было без малого шесть утра.

Юный Карвер неслышно оделся и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить домашних, спустился по лестнице. Он направился на кухню, где на деревянном столе лежали остатки вчерашнего позднего ужина. Открыв дверь, которая вела на задний двор, мальчик вышел на улицу. Холодный и влажный утренний воздух покалывал кожу. В тишине Макс пересек дворик, добрался до калитки забора и, закрыв ее за спиной, зашагал к саду скульптур, углубившись в плотный туман.

* * *

Путь сквозь туман оказался длиннее, чем рассчитывал Макс. Из окна спальни казалось, что каменная стена возвышается примерно в сотне метров от дома. Однако когда Макс преодолел заросший полевыми травами луг и в тумане проступили очертания ворот, увенчанных острыми пиками, у мальчика возникло чувство, будто он прошел метров триста.

Почерневшие металлические балясины ворот опутывала ржавая цепь. Она скреплялась старым висячим замком, облупившимся и траченным временем. Макс прижался лицом к прутьям ворот и заглянул в сад. За долгие годы сорняки заплонили участок земли, придав ему сходство с заброшенной оранжереей. Макс решил, что уже тысячу лет сюда не ступала нога человека и сторож сада скульптур, кем бы он ни был, давным-давно испарился.

Макс огляделся по сторонам и у стены заметил камень размером с ладонь. Он схватил камень, размахнулся и ударил по замку, соединявшему концы цепи, – ударил один раз, другой, стуча, пока старая дужка замка не уступила натиску камня. Цепи распались и закачались на балясинах, будто косы, сплетенные из металлических волос. Макс с силой толкнул ворота и почувствовал, как они тяжело, словно нехотя, подаются внутрь. Наконец щель между двумя створками расширилась настолько, что он мог проникнуть внутрь. Мальчик секунду переводил дух, а потом вошел в сад.

Очувтившись за оградой, он понял, что сад на самом деле намного больше, чем ему представлялось вначале. Навскидку тут притаилось около двух десятков скульптур, полускрытых дикой растительностью. Макс шагнул вперед, нырнув в густые заросли. На первый взгляд статуи располагались концентрическими кругами. Макса удивило, что все скульптуры обращены лицом на запад. Скульптуры образовывали единый ансамбль и представляли нечто вроде цирковой труппы. Переходя от одной скульптуры к другой, Макс узнавал дрессировщика, фокусника с орлиным носом и в чалме, девушку-акробатку, силача и других персонажей, словно сбежавших из какого-то призрачного цирка.

В центре сада на пьедестале разместилась самая большая статуя. Она изображала улыбавшегося клоуна с курчавой шевелюрой. Шут стоял, воинственно выставив вперед сжатый кулак в огромной перчатке, он будто боксировал с невидимым предметом, висевшим в воздухе. Макса заинтересовала широкая каменная плита у основания статуи. На поверхности плиты

угадывался рельефный рисунок. Мальчик присел на корточки и развел руками побеги сорняков, оплетавших прохладный камень. Его глазам открылась шестиконечная звезда, вписанная в круг. Макс узнал этот знак – точно такой же красовался над пиками ворот.

Увидев звезду, Макс внезапно сообразил: скульптуры были расположены вовсе не концентрическими кругами, как ему показалось сначала. На самом деле композиция повторяла форму шестиконечной звезды. Статуи находились в точках пересечения прямых линий, образовавших звезду. Макс выпрямился и осмотрел окружавшую его фантастическую картину. Скользя взглядом по скульптурам, увитым побегами диких растений, трепетавших на ветру, он вновь сосредоточил внимание на фигуре шута. Рука статуи, несколько секунд назад сжатая в кулак (Макс ведь хорошо это запомнил), теперь была вытянута и обращена раскрытой ладонью вверх, словно шут делал приглашающий жест. Макс почувствовал, как холодный утренний воздух обжег ему легкие, и ощутил пульсацию крови в висках.

Ступая медленно, будто опасаясь нарушить вечный покой скульптур, он возвратился к ограде, оглядываясь на каждом шагу. Когда Макс очутился за стеной, ему показалось, что дом на пляже находится бесконечно далеко от него. Долго не раздумывая, мальчик бросился бежать. На сей раз он не оборачивался, пока не очутился у забора дома. Только тогда он осмелился посмотреть назад: сад скульптур снова утонул в тумане.

Кухню наполнял запах горячего масла и гренков. Алисия без всякого интереса разглядывала свой завтрак, уныло уставившись в тарелку. Ирина наливала в блюдечко молоко для недавно обретенного питомца. Кот не удостоил угощение вниманием. Понаблюдав за ними, Макс подумал, что сестра хлопочет напрасно: у этого кота совсем иные гастрономические предпочтения, как выяснилось накануне. Максимилиан Карвер держал в руке чашку горячего кофе. Он взирал на семейство с выражением счастья и восторга на лице.

– Сегодня рано утром я покопался в гараже, – завел он речь очень таинственным тоном. К подобному тону он обычно прибегал в тех случаях, когда ему хотелось, чтобы домочадцы стали немедленно допытываться, что интересного он обнаружил.

Макс знал все уловки отца как свои пять пальцев. Иногда он даже недоумевал, кто из них на самом деле более взрослый.

– И что же ты раскопал? – снисходительно спросил он.

– Ты не поверишь, – ответил отец. «Конечно, поверю», – подумал Макс. – Два велосипеда!

Макс вопросительно поднял брови.

– Они, конечно, старые, но если капельку смазать цепи, будут летать как метеоры, – пояснил Максимилиан Карвер. – И там оказались не только велосипеды. Кто знает, что еще я нашел в гараже?

– Муравьеда, – пробормотала Ирина, продолжая поглаживать своего котика.

Всего восьми лет от роду, младшая дочь Карвера уже освоила убойную тактику подрыва морального духа родителя.

– Нет, – с явным огорчением отозвался часовщик. – Ну, кто рискнет предположить?

Макс краем глаза заметил, что мать внимательно наблюдает за сценой. Поняв, что детективные подвиги мужа никого особенно не впечатлили, она ринулась ему на помощь.

– Альбом с фотографиями? – голосом сладким, как мед, поделилась догадкой Андреа Карвер.

– Теплее, теплее, – откликнулся часовщик, заметно повеселев. – Макс?

Мать искоса посмотрела на сына.

– Не знаю. Дневник? – послушно подал реплику Макс.

– Нет. Алисия?

– Сдаюсь, – равнодушно сказала Алисия, витавшая в облаках.

– Ну ладно. Итак, приготовьтесь, – начал Максимилиан Карвер. – Я нашел настоящий проектор. Кинопроектор. И целый ящик с фильмами.

– И какие там фильмы? – встряла Ирина, в первый раз за четверть часа оторвав взгляд от кота.

Максимилиан Карвер пожал плечами:

– Не знаю. Фильмы, и все. Разве это не чудесно? У нас будет домашний кинотеатр.

– В том случае, если проектор работает, – заметила Алисия.

– Спасибо за доверие, дочка. Напоминаю, что твой отец зарабатывает на жизнь ремонтом испорченных механизмов.

Андреа Карвер положила руки на плечи мужу.

– Отрадно слышать это, господин Карвер, – сказала она, – поскольку нужно, чтобы кто-то поладил с котлом в подвале.

– Положись на меня, – отвечал часовщик, вставая из-за стола.

Алисия последовала его примеру.

– Барышня, – остановила ее Андреа Карвер. – Сначала завтрак. Ты к нему не притронулась.

– Я не голодна.

– Тогда я все съем за нее, – вызвалась Ирина.

Андреа Карвер категорически отвергла такой вариант.

– Она не хочет толстеть, – ехидно прошептала Ирина коту.

– Я не могу есть, когда эта тварь тут трясет хвостом и от нее летит шерсть, – возразила Алисия.

Ирина и кот посмотрели на нее с одинаковым выражением негодования.

– Кривляка, – бросила напоследок Ирина, удаляясь в сад вместе с питомцем.

– Почему ей всегда все сходит с рук? Когда мне было столько лет, сколько ей, ты мне не позволяла и половины, – возмутилась Алисия.

– Давай сейчас не будем начинать этот разговор, – спокойно сказала Андреа Карвер.

– А я и не начинала, – возразила старшая дочь.

– Хорошо. Я все понимаю. – Андреа Карвер нежно потрепала Алисию по длинным волосам. Та строптиво нагнула голову, уклоняясь от примирительной ласки. – Но все же позавтракай. Пожалуйста.

В этот момент под ногами у них раздался грохот металла. Все переглянулись.

– Ваш отец взялся за дело, – пробормотала Андреа Карвер, допивая кофе.

Алисия принялась меланхолично жевать гренки, а Макс тем временем старался выбросить из головы навязчивую картину: улыбающийся в тумане шут из сада скульптур протягивает ему руку, выкатив глаза.

Глава 4

Велосипеды, вызволенные Максимилианом Карвером из круга забвения в маленьком гараже, сохранились гораздо лучше, чем ожидал Макс. На самом деле они выглядели так, словно ими почти не пользовались. Вооружившись замшевыми тряпочками и жидкостью для чистки металла, всегда имевшейся в запасе у матери, Макс обнаружил под слоем грязи и плесени настоящие сокровища – отличные велосипеды, сверкавшие новенькой краской. С помощью отца Макс смазал маслом цепи и шестерни, а также накачал колеса.

– Вероятно, придется заменить камеры, – предупредил Максимилиан Карвер, – но ездить уже можно.

Один велосипед был меньше другого, и Макс, пока начищал и смазывал машины, все время спрашивал себя, неужели много лет назад доктор Флейшман купил их, чтобы кататься вместе с Якобом по дороге вдоль моря. Максимилиан Карвер заметил в глазах сына тень смущения и вины.

– Не сомневаюсь, что старому доктору было бы приятно, что ты катаешься на его велосипеде.

– А я сомневаюсь, – пробурчал Макс. – Почему их здесь оставили?

– Плохие воспоминания не нуждаются в подпитке, – пояснил Максимилиан Карвер. – Думаю, велосипедами давно перестали пользоваться. Ну посмотрим, садись. Давай попробуем.

Они вынесли велосипеды на улицу, и Макс отрегулировал высоту сиденья, одновременно проверяя упругость тормозных тросов.

– Надо бы еще смазать тормоза, – высказал он свое мнение.

– Пожалуй, – согласился отец, принимаясь за работу. – Послушай, Макс...

– Да, папа?

– Не изводи себя из-за велосипедов, хорошо? Мы не виноваты в горе, которое постигло несчастных родителей. Наверное, мне вообще не стоило вам рассказывать о той семье, – добавил часовщик с выражением озабоченности на лице.

– Ничего страшного. – Макс вновь нажал на тормоз. – Вот теперь отлично.

– Тогда вперед.

– А ты со мной не поедешь? – спросил мальчик.

– Вечером, если у тебя еще останутся силы, я задам тебе жару. Но в одиннадцать мне нужно встретиться в городе с человеком по имени Фред. Он согласен уступить мне помещение под мастерскую. Нужно подумать о делах.

Максимилиан Карвер начал собирать инструменты и вытирать руки замшей. Макс наблюдал за отцом, пытаясь представить, каким тот был в его возрасте. По укоренившейся семейной традиции считали, что они с отцом очень похожи. Ирина будто бы походила на мать. В сущности, все это было из рода тех благоглупостей, набивших оскомину, которые повторяли из года в год (кудахтая как куры) бабушки, тети и противные кузины, являвшиеся в полном составе на рождественские обеды.

– Макс опять грезит, – с улыбкой заметил Максимилиан Карвер.

– А ты знал, что у леса, за домом, есть сад скульптур? – невольно вырвалось у Макса. Он сам удивился, услышав свой вопрос.

– Думаю, тут масса вещей, которых мы еще не видели. В том же гараже полно коробок и ящиков. А утром я обратил внимание, что подвал похож на музей. По-моему, если мы продадим антиквару весь хлам, собранный в доме, мне не придется открывать часовой магазин. Мы припеваючи проживем на ренту. – Максимилиан Карвер испытующе посмотрел на сына: – Послушай, если ты не сядешь на велосипед, он снова зарастет грязью и превратится в ископаемое.

– Уже сажусь, – ответил Макс, нажимая на педаль велосипеда, который Якоб Флейшман не успел обновить.

Макс покатил к городу по прибрежной дороге. Она тянулась вдоль длинного ряда домов, с виду похожих на новое жилище семейства Карвер, и выходила прямоком к устью небольшой бухты, где располагалась рыбацкая пристань. У старых причалов замерли на якоре всего четыре или пять суденышек. Местная флотилия состояла в основном из небольших деревянных шлюпок, в длину не превышавших четырех метров. С этих лодок рыбаки тралили древними сетями дно на расстоянии ста метров от берега.

На берегу же вокруг причалов ремонтировались лодки и висели штабеля деревянных ящиков местной торговой биржи. Макс успешно выбрался на велосипеде из этого лабиринта. Не спуская глаз с маленького маяка, он вырулил на изогнутый волнорез, полумесяцем обнимавший бухту. Доехав до конца пирса, мальчик остановился и, прислонив велосипед к подножию маяка, сел отдохнуть на одну из каменных глыб, наваленных на внешней стороне дамбы и обточенных прибоем. Отсюда открывался вид на океан, расстилавшийся у ног, словно лучезарное полотнище, без конца и края.

Не прошло и нескольких минут после того, как Макс устроился на краю волнореза, когда на пристани появился второй велосипедист. Высокий худой мальчик, почти юноша (Макс дал бы ему лет шестнадцать-семнадцать) направил велосипед к маяку и поставил его рядом с великом Макса. Потом, неторопливо поправив упавшие на лицо густые волосы, он зашагал туда, где примостился юный Карвер.

– Привет. Это твоя семья поселилась в доме в конце пляжа?

Макс кивнул.

– Меня зовут Макс.

Парень, с бронзовой от солнечного загара кожей и живыми пронизательными зелеными глазами, протянул руку:

– Роланд. Добро пожаловать в наш тоскливый город.

Макс улыбнулся и ответил Роланду рукопожатием.

– Ну и как дом? Вам нравится? – спросил новый знакомый.

– Кому как. Отец очарован. А все остальные его восторга не разделяют, – пояснил Макс.

– Я с твоим отцом познакомился несколько месяцев назад, когда он приезжал в нашу деревню, – сказал Роланд. – Он мне показался занятым малым. Он ведь часовщик?

Макс снова кивнул.

– Отец бывает занятым – иногда, – подтвердил он. – Когда его не осеняют идеи вроде переезда сюда.

– Почему вы переехали? – спросил Роланд.

– Из-за войны, – ответил Макс. – Отец считает, что сейчас не время жить в большом городе. Наверное, он прав.

– Из-за войны... – повторил Роланд, потупившись. – Меня забирают в армию в сентябре.

Макс онемел. Роланд заметил, что собеседник притих, и улыбнулся.

– Война требует свое, – сказал он. – Возможно, это мое последнее лето в городе.

Макс несмело улыбнулся парнишке, подумав, что через несколько лет он сам получит повестку о призыве в армию, если только война не кончится. Несмотря на то что день был ослепительно солнечным, невидимый призрак войны окутал будущее грозowymi сумерками.

– Наверное, ты еще не видел города как следует.

Макс молча кивнул.

– Отлично, новенький. Бери велик. Мы совершим экскурсию на колесах.

Максу стоило немалых усилий угнаться за Роландом. Они проехали не больше двухсот метров от начала волнореза, но Макс уже чувствовал, как пот заструился по лбу и спине. Роланд повернулся и одарил Макса насмешливой улыбкой:

– Давно не тренировался? Жизнь в большом городе тебя изнежила! – крикнул он, не переставая энергично крутить педали.

Макс, следуя за Роландом, пересек аллею, проложенную вдоль берега, и углубился в городской квартал. Карвер начал заметно отставать, когда Роланд сбавил скорость и остановился посреди площади у большого, выложенного камнем фонтана. Макс кое-как дотянул до этого места и бросил велосипед на землю. Из фонтана текла восхитительно прохладная вода.

– Не советую, – предупредил Роланд, словно прочитав его мысли. – Живот раздует.

Макс глубоко вздохнул и сунул голову под струю холодной воды.

– Мы поедem помедленнее, – уступил Роланд.

На несколько секунд Макс замер, склонившись над источником, потом привалился к каменному бортику фонтана. Вода текла с волос на одежду. Роланд улыбнулся.

– Откровенно говоря, не думал, что ты столько продержишься. А это, – он повел рукой вокруг, – центр города. Площадь городского совета. В том здании расположена судебная палата, но оно уже не используется. По воскресеньям тут работает рынок. А летом по вечерам на стене мэрии показывают кино. Обычно старое, с катушек, подобранных как попало.

Макс вяло кивнул – он пытался отдышаться.

– Заманчиво звучит, да? – рассмеялся Роланд. – А еще есть библиотека, но даю руку на отсечение, в ней наберется не больше шестидесяти книг.

– А чем тут можно заниматься? – сумел выдать Макс. – Не считая катания на велике.

– Хороший вопрос, Макс. Вижу, ты начинаешь понимать. Ну что, вперед?

Макс вздохнул, и мальчишки вернулись к велосипедам.

– Только теперь поедem с моей скоростью, – решительно заявил Макс. Роланд пожал плечами и закутил педалями.

За пару часов Роланд и Макс прочесали городок и окрестности вдоль и поперек. Они задержались на скалистом обрыве на южной оконечности побережья. По признанию Роланда, интереснее всего было нырять у затонувшей в 1918 году барки, превратившейся ныне в подводные джунгли, поражавшие разнообразием водорослей. Роланд рассказал, что во время сильной ночной бури судно налетело на острые рифы, находившиеся совсем неглубоко. Неистовый шторм и кромешная темнота, изредка прорезаемая грозowymi вспышками молний, стали причиной того, что члены команды при кораблекрушении утонули. Погибли все, кроме одного пассажира. Единственным человеком, выжившим в катастрофе, оказался инженер. В благодарность судьбе, которой было угодно спасти ему жизнь, он поселился в городке и построил маяк на вершине холма с крутыми скалистыми склонами, возвышавшегося над местом ночной трагедии. Этот человек, теперь уже старик, по-прежнему оставался смотрителем маяка и являлся не кем иным, как приемным дедушкой Роланда. После кораблекрушения семейная пара из числа местных жителей привезла инженера в больницу и ухаживала за ним, пока он полностью не поправился. Через несколько лет супруги погибли в автомобильной катастрофе, и смотритель маяка взял на себя заботу о маленьком Роланде – ему тогда не исполнилось и года.

Роланд жил с ним в доме при маяке, правда, большую часть времени проводил в хибарке, которую сам построил на берегу у подножия скал.

Во всех отношениях смотритель маяка был Роланду настоящим дедом. В голосе юноши сквозила горечь, когда он вспоминал о печальных событиях. Макс слушал его молча, не задавая вопросов. Поговорив о кораблекрушении, ребята проехали по соседним улицам к старой церкви, где Макс познакомился кое с кем из жителей городка, все они оказались приветливыми и радушно встретили новосела.

Наконец Макс, совершенно обессилив, решил, что нет необходимости обследовать весь городок за одно утро. Карверы, видно, проживут в этом месте несколько лет, следовательно, будет достаточно времени, чтобы открыть все его тайны, если только они имелись.

– Тоже верно, – признал правоту Макса Роланд. – Послушай, летом я почти каждое утро ныряю на затонувший корабль. Хочешь пойти со мной завтра?

– Если ты ныряешь так же, как гоняешь на велосипеде, я утону, – проворчал Макс.

– У меня есть запасные маска и ласты, – сказал Роланд.

Предложение звучало весьма заманчиво.

– Договорились. Мне нужно что-то взять с собой?

Роланд мотнул головой:

– Я все принесу. Хотя... Если хорошенько поразмыслить, прихвати что-нибудь перекусить. Я заеду за тобой в девять.

– В девять тридцать.

– Не просп.

Когда Макс двинулся в обратный путь к дому на пляже, церковные колокола отбили три часа дня, а солнце стала заволакивать пелена темных туч, явно предвещавших дождь. Не останавливаясь, Макс на миг обернулся, чтобы посмотреть назад. Роланд, стоявший рядом со своим велосипедом, махал ему вслед рукой.

Буря коршуном обрушилась на городок. Разыгравшееся ненастье напоминало кошмар из комнаты ужасов парка аттракционов. В считанные минуты небо превратилось в свинцовый купол, а море обрело тусклый металлический оттенок и походило теперь на озеро ртути. С первыми вспышками молний ураганный ветер пригнал с моря холодную водяную пыль, застлавшую воздух как метель. Макс мчался во весь дух, но ливень застал его в дороге – до дома оставалось еще метров пятьсот. До белого забора он добрался, промокнув до нитки, словно окунувшись с головой в море. Макс добежал до гаража, чтобы поставить велосипед, и ворвался в дом через дверь, выходящую на задний двор. На кухне не было ни души, но в воздухе витали аппетитные ароматы. На столе Макс заметил поднос с бутербродами с мясом и кувшин с домашним лимонадом. Рядом с подносом лежала записка, написанная затейливым почерком матери:

«Макс, вот твой обед. Мы с отцом уезжаем на весь день в город по делам. Не вздумай воспользоваться ванной комнатой на втором этаже. Ирина едет с нами».

Макс отложил записку и решил прихватить поднос наверх. После велосипедного марафона он падал с ног от усталости и был голоден как волк. Дом казался пустынным. Алисия то ли ушла, то ли заперлась у себя в спальне. Макс сразу направился в свою комнату. Он переоделся и растянулся на кровати, предвкушая, как съест восхитительные бутерброды, приготовленные матерью. За стенами дома хлестал проливной дождь, и стекла в окнах дрожали от громовых раскатов. Макс зажег маленький ночник на прикроватной тумбочке и взял в руки книгу о Копернике, подаренную отцом. Прочитав в четвертый раз один и тот же абзац, мальчик понял, что ждет не дождется завтрашнего дня: ему не терпелось понырять на затонувший корабль в компании с новым другом Роландом. Макс быстро съел бутерброды и закрыл глаза, слушая, как ливень барабанит по крыше и оконным стеклам. Макс ему нравилось, когда шел дождь и вода с журчанием бежала по водосточному желобу по краю крыши.

В сильный дождь ему всегда казалось, будто время останавливалось. Слово наступала передышка, когда можно забыть о насущных делах и просто, прикинув к окну, часами смотреть на бесконечную завесу, сотканную из слез неба. Макс снова положил книгу на тумбочку и погасил лампу. Постепенно он заснул, убаюканный гипнотическим шумом дождя.

Глава 5

Мальчика разбудили голоса домашних, доносившиеся с первого этажа, и топот ног Ирины, бегавшей вверх и вниз по лестнице. Макс увидел, что уже наступил вечер, а дождь прошел, выстлав небо за своей спиной ковром из звезд. Бросив взгляд на циферблат, Макс понял, что проспал около шести часов. Он начал вставать, и в этот момент в дверь постучали.

– Пора ужинать, спящий красавец, – пророкотал за дверью голос явно возбужденного Максимилиана Карвера.

Секунду Макс недоумевал, чему так радуется отец. Но он тотчас вспомнил, что не далее как нынешним утром за завтраком отец пообещал устроить киносеанс.

– Сейчас приду, – отозвался Макс, до сих пор ощущая во рту вязкий вкус бутербродов с мясом.

– Лучше поздно... – заметил часовщик, уже шагая по лестнице вниз.

Максу совершенно не хотелось есть, однако он спустился на кухню и сел за стол вместе со всеми. Алисия рассеянно смотрела в нетронутую тарелку. Ирина с наслаждением поглощала свою порцию и что-то бормотала сидевшему у ее ног несносному коту, который не спускал с нее глаз. Семья спокойно ужинала, а Максимилиан Карвер тем временем рассказывал, что нашел в городке замечательное помещение, где можно открыть мастерскую и начать дело заново.

– А чем занимался ты, Макс? – спросила Андреа Карвер.

– Я был в городе. – Все члены семьи уставились на него, явно ожидая подробностей. – Познакомился с одним парнем, Роландом. Завтра мы идем с ним нырять.

– Макс уже нашел друга! – с торжеством воскликнул Максимилиан Карвер. – Видите, что я вам говорил!

– А что за мальчик этот Роланд, Макс? – задала вопрос мать.

– Не знаю. Он славный. Живет с дедушкой, который работает смотрителем маяка. Роланд показал мне город.

– А где, ты говоришь, вы собрались нырять? – поинтересовался отец.

– На южном пляже, за портом. По словам Роланда, там на дне лежат останки корабля, затонувшего много лет назад.

– А мне можно пойти? – встряла Ирина.

– Нет, – отрезала Андреа Карвер. – Макс, а это не опасно?

– Мама...

– Ну хорошо, – сдалась Андреа Карвер. – Но будь осторожен.

Макс кивнул.

– В юности я здорово нырял, – начал часовщик.

– Господи, только не сейчас, – перебила его жена. – Или ты уже передумал показывать нам фильмы?

Максимилиан Карвер пожал плечами и встал, исполненный решимости продемонстрировать таланты оператора.

– Макс, помоги отцу, – велела мать.

Прежде чем выполнить просьбу, Макс коротко покосился на Алисию, которая сидела молча в течение всего ужина. Ее отсутствующий взгляд красноречиво говорил, как она далека мыслями от всего окружающего. Причину апатии сестры Макс понять не мог, а остальные ее настроение либо не замечали, либо предпочитали не замечать. Он сделал попытку привлечь внимание сестры:

– Хочешь пойти завтра с нами? Роланд тебе понравится.

Алисия слабо улыбнулась в ответ и безмолвно кивнула, однако в ее темных бездонных глазах заблестели искорки интереса.

– Все готово. Гасите свет, – распорядился Максимилиан Карвер, вставляя катушку с фильмом в проектор. Аппарат, казалось, был сделан в эпоху самого Коперника, и Макс сомневался, что он способен работать.

– И что мы будем смотреть? – спросила Андреа Карвер, покачивая на руках Ирину.

– Представления не имею, – признался глава семьи. – В гараже стоит ящик с десятками бобин без всяких надписей. Я взял несколько наудачу. Целлулоидная киноплёнка, покрытая эмульсией, легко портится. Весьма вероятно, что изображение утрачено – сколько лет прошло.

– И что это значит? – прервала отца Ирина. – Мы ничего не увидим?

– Есть только один способ проверить, – ответил он, поворачивая выключатель проектора.

Через секунду старый аппарат ожил с мотоциклетным треском. Из объектива упал раздражающий пучок света, пронзив темноту гостиной, точно световое копьё. Макс сосредоточенно уставился на прямоугольную проекцию на белой стене – так человек заглядывает в волшебный фонарь, не зная наверняка, какие изображения появятся в магическом устройстве. Макс задержал дыхание, и через миг стена заполнилась картинами.

Максу хватило минуты, чтобы понять: к архивам старого кино фильм не имеет никакого отношения. Эта плёнка оказалась не копией какой-нибудь известной картины, и даже не давно забытым роликом эпохи немого кино. Мелькавшие на экране изображения, от времени потерявшие четкость и затянутые мутной сеткой, явственно выдавали пристрастия оператора. Лента представляла собой всего лишь любительский фильм. Возможно, его сделал много лет назад прежний владелец дома, доктор Флейшман. Макс не сомневался, что остальные катушки, найденные отцом в гараже вместе со старым проектором, родные сестры первой. Мечты Максимилиана Карвера о домашнем кино клубе обратились в прах в мгновение ока.

В фильме была показана (снятая довольно неумело) прогулка – кажется, по лесу. Оператор неторопливо шагал среди деревьев с камерой в руках – лента крутилась, изображение наплывало скачками, с резкими изменениями света и фокусировки, и потому окрестный пейзаж представлялся некоей абстракцией. Во всяком случае, вычислить место, где велась съёмка, было трудно.

– Но что это? – воскликнула Ирина, заметно разочарованная, поворачиваясь к отцу. Тот в растерянности смотрел странную и, судя по первым кадрам, невыносимо скучную картину.

– Не знаю, – подавленно пробормотал Максимилиан Карвер. – Я такого не ожидал...

Макс тоже стал терять интерес к фильму, как вдруг среди хаотической чехарды изображений нечто привлекло его внимание.

– А если попробовать другую катушку, дорогой? – предложила Андреа Карвер, пытаясь спасти от полного крушения веру мужа в существование кинематографического архива в гараже.

– Погодите, – вмешался Макс, увидев знакомую картинку в кадре.

Камера уже вынырнула из леса и приближалась к сооружению, выглядевшему как небольшая крепость с высокими каменными стенами и коваными воротами, увенчанными пиками. Макс узнал это место – он был там накануне.

Мальчик заворожено смотрел на экран. Камера слегка вздрогнула, а затем медленно двинулась в глубь сада скульптур.

– Похоже на кладбище, – пробормотала Андреа Карвер. – Что это?

Камера проплыла несколько метров по саду. В фильме он совсем не выглядел заброшенным, каким предстал перед Максом вчера. Не было ни следа сорняков, гладкие каменные плиты под ногами сияли чистотой, словно старательный садовник неустанно следил за порядком на территории.

Камера поочередно задерживалась на каждой из скульптур, размещенных в кардинальных точках большой звезды, изображение которой можно было различить на постаментах.

Макс узнал лица, выточенные из белого камня, и костюмы артистов бродячего цирка. За неподвижностью призрачных скульптур, которая сама по себе казалась мнимой, и напряженными позами и выражениями лиц скрывалось что-то, внушавшее тревогу.

Под прицел объектива попали все члены цирковой труппы без исключения. Семейство Карвер смотрело фильм, затаив дыхание. В комнате слышалось только сухое стрекотание проектора.

Наконец камера переместилась в центр звезды, отмеченной фигурами на площадке. Против света нарисовался силуэт улыбавшегося клоуна, вокруг которого группировались остальные статуи. Макс внимательно рассмотрел черты лица клоуна. И снова мальчика пробрала дрожь, как в тот момент, когда он стоял перед изваянием. В фильме имелась информация, не отвечающая картине, отложившейся в памяти Макса после посещения загадочного сада. Однако неважное качество съемки не позволяло получить целостное представление об ансамбле скульптур и определить, где кроется несоответствие. Семья Карвер безмолвствовала, пока последние метры пленки пробегали в луче проектора. Максимилиан Карвер остановил аппарат и включил свет.

– Яacob Флейшман, – прошептал Макс. – Это любительские фильмы Яcobа Флейшмана.

Отец молча кивнул. Киносеанс был окончен. На секунду Макс ощутил, что невидимый гость, много лет назад утонувший неподалеку в море, заполнил своим присутствием каждый уголок дома, каждую ступеньку лестницы, и оттого почувствовал, что сам находится тут не по праву.

Максимилиан Карвер без лишних слов принялся разбирать проектор. Андреа Карвер взяла на руки Ирину и понесла ее вверх по лестнице, чтобы уложить спать.

– Можно я буду спать с тобой? – спросила Ирина, обнимая мать.

– Оставь, – сказал Макс отцу. – Я уберу проектор.

Максимилиан улыбнулся сыну и хлопнул его по плечу, принимая предложение.

– Спокойной ночи, Макс. – Он повернулся к дочери: – Спокойной ночи, Алисия.

– Спокойной ночи, папа, – отозвалась та, наблюдая, как отец поднимается на второй этаж.

Вид у него был усталый и разочарованный.

Как только затихли шаги отца, Алисия пристально посмотрела на Макса:

– Обещай, что никому не проболтаешься о том, что я скажу.

Макс кивнул:

– Обещаю. А в чем дело?

– Клоун. Из фильма, – начала Алисия. – Я его видела раньше. Во сне.

– Когда? – выдохнул Макс. Пульс у него участился.

– В ночь накануне переезда в этот дом, – ответила сестра.

Макс уселся напротив Алисии. Было трудно по лицу прочесть, какие чувства обуревают сестру, но Максону почудилась тень страха в ее глазах.

– Расскажи, – попросил он. – Что именно тебе приснилось?

– Очень странно, но во сне он казался... Не знаю, другим каким-то, – сказала Алисия.

– Другим? – переспросил Макс. – В каком смысле?

– Он не был клоуном. Не знаю. – Она пожала плечами, словно старалась преуменьшить важность события, хотя дрожь в голосе выдавала ее истинное отношение ко всему этому. – Думаешь, это что-то значит?

– Нет, – солгал Макс, – нет, наверное.

– Естественно, нет, – подхватила Алисия. – Насчет завтра – все остается в силе? Пойти нырять...

– Конечно. Тебя разбудить?

Алисия улыбнулась младшему брату. Впервые за много месяцев, а может, и лет, Макс увидел, как она улыбается.

– Я встану раньше, – заявила Алисия, отправляясь к себе в комнату. – Спокойной ночи.
– Спокойной ночи.

Макс подождал, пока не услышал, как за Алисией закрылась дверь спальни, а потом сел в кресло около проектора. Из комнаты родителей доносились их голоса – отец с матерью разговаривали вполголоса. Остальная часть дома была погружена в ночную тишину, которую почти не нарушал шум волн, накатывавших на берег. Макс почувствовал, что от подножия лестницы на него смотрят. Золотистые блестящие глаза кота Ирины следили за ним не мигая. Макс не остался в долгу и тоже посмотрел на кота в упор.

– Убирайся, – приказал он.

Кот еще несколько мгновений словно гипнотизировал Макса, а затем растворился в полумраке. Макс встал и принялся убирать в коробку проектор с пленкой. Сначала он хотел отнести оборудование назад, в гараж, но ему совсем не улыбалось выходить одному на улицу посреди ночи. Макс погасил свет в доме и поднялся к себе. Напоследок он бросил из окна взгляд туда, где находился сад скульптур, неразличимый в густой темноте. Мальчик вытянулся на постели и выключил ночник на прикроватной тумбочке.

Против ожидания последним образом, промелькнувшим у него в голове в тот поздний час, была вовсе не злополучная кинопрогулка по саду скульптур. Прежде чем сон сморил его, Макс вспомнил, как неожиданно улыбнулась ему Алисия, когда они прощались. Ничего особенного в этом вроде бы не было, но Макс интуитивно чувствовал, что между ними словно открылась дверь, протянулась незримая нить, и теперь он больше не сможет относиться к сестре как к незнакомке.

Глава 6

Алисия проснулась чуть свет и обнаружила, что из-за оконного стекла за ней цепко наблюдают два внимательных желтых глаза. Алисия резко села, и кот Ирины не торопясь покинул карниз. Девочке не нравилось это животное. Ее раздражало его высокомерное поведение и распространявшийся от шерсти резкий запах, возвещавший о приближении кота раньше, чем тот успевал войти в комнату. Алисия не раз замечала, как кот тайком ее разглядывает. С тех пор как Ирина притащила эту мерзкую тварь в дом, Алисия частенько видела, как кот шпионил за кем-то из членов семейства: сидя на пороге в комнату или прячась в тени, он замирал неподвижно на несколько мгновений и напряженно отмечал каждое их движение. В глубине души Алисия лелеяла надежду, что как-нибудь во время одной из его регулярных ночных прогулок какой-нибудь бродячий пес разделается с ним.

Небо за окном, как всегда окрасившееся пурпуром на рассвете, бледнело. Первые лучи яркого солнца позолотили лес, поднимавшийся вдалеке, за садом скульптур. Друг Макса должен был зайти за ними только часа через два. Алисия снова легла, закутавшись в одеяло, хотя знала, что больше не заснет. Закрыв глаза, она внимала приглушенному шуму прибора.

Через час Макс тихонько постучал в спальню сестры.

Алисия спустилась по лестнице на цыпочках. Макс с приятелем ждали ее на террасе. В прихожей Алисия замешкалась на мгновение, прислушиваясь к голосам непринужденно болтавших ребят. Глубоко вздохнув, она открыла дверь.

Макс, прислонившись к перилам, повернул голову и улыбнулся сестре. Рядом с ним стоял парень, дочерна загорелый, с густой соломенной шевелюрой. Он был выше Макса примерно на пядь².

– Это Роланд, – начал Макс. – Роланд – моя сестра Алисия.

Роланд приветливо кивнул и перенес внимание на велосипеда, но от Макса не ускользнула игра глаз его друга и Алисии, когда на десятые доли секунды их взгляды встретились. Макс, сдержав улыбку, подумал, что история обещает быть еще интереснее, чем он предполагал.

– Как мы поедem? – спросила Алисия. – У нас только два велосипеда.

– Думаю, Роланд может прокатить тебя на своем, – отозвался Макс. – Верно, Роланд?

Его приятель уставился в землю.

– Да, конечно, – наконец пробормотал он. – Тогда ты повезешь экипировку.

Макс закрепил снаряжение для подводного плавания пружинной клипсой на багажнике велосипеда. Он помнил, что в гараже стоит еще один велосипед, но ему было приятно, что Роланд повезет его сестру. Алисия уселась позади Роланда и обхватила его за шею.

Максу показалось, что под темным загаром парня проступил румянец смущения, с которым тот безуспешно боролся.

– Я готова, – объявила Алисия. – Надеюсь, я не очень тяжелая.

– Тронулись, – скомандовал Макс и устремился по дороге вдоль берега. Роланд с Алисией последовали за ним.

Вскоре Роланд обогнал Макса, и тому снова пришлось усиленно жать на педали, чтобы не отстать.

– Тебе удобно? – спросил Роланд Алисию.

Она кивнула, глядя, как исчезает вдали белый дом с темной крышей.

² Мера длины = 21 см.

Пустынный пляж на южной оконечности бухты лежал за портом, изгибаясь широким полумесяцем. Берег покрывал не песок, а мелкая галька, гладко отшлифованная волнами и усеянная раковинами, морскими водорослями и прочими морскими организмами, обреченными прибоем и приливами высыхать на солнце. За прибрежной полосой почти вертикально вздымалась стена отвесных скал, а на ее вершине возвышалась башня маяка, темная и одинокая.

– Маяк моего деда, – сообщил Роланд, пока ребята пристраивали велосипеды около тропинки, спускавшейся среди скал к пляжу.

– Вы живете вдвоем? – спросила Алисия.

– В общем и целом, – ответил Роланд. – Я в свое время обзавелся маленькой хижинкой тут внизу, на пляже. Можно сказать, она почти стала мне домом.

– Собственной хижинкой? – удивилась Алисия, оглядываясь по сторонам в надежде ее увидеть.

– Отсюда не видно, – пояснил парнишка. – На самом деле раньше это был заброшенный рыбацкий сарай. Я привел его в порядок, и теперь он выглядит прилично. Сами посмотрите.

Роланд вывел брата и сестру Карвер к пляжу. Оказавшись на берегу, он сбросил сандалии. Солнце поднималось на небосклоне, и море сверкало, словно расплавленное серебро. Пляж был пустынен, с океана веяло ветерком, пропитанным запахом соли.

– Осторожнее на камнях. Я привык, но тут легко упасть, если не смотреть под ноги.

Алисия с братом двинулись вслед за Роландом по берегу к его хибарке. Фактически это была маленькая деревянная будка, выкрашенная синей и красной краской. К будке примыкало небольшое крылечко. Макса заинтересовал висевший на цепи фонарь, подернутый ржавчиной.

– Это с корабля, – сообщил Роланд. – Я поднял со дна кучу всяких вещей и принес сюда. Ну и как вам?

– Фантастика! – воскликнула Алисия. – Ты тут спишь?

– Иногда, в основном летом. А зимой становится холодно, да еще мне не хочется бросать деда одного там, наверху.

Роланд открыл дверь хибарки и пропустил вперед Алисию и Макса.

– Входите. Добро пожаловать во дворец.

Внутри хижина Роланда напоминала антикварную лавку, где торгуют корабельным имуществом. Трофеи, которые мальчик годами отвоевывал у моря, мерцали в полумраке, словно волшебные сокровища из сказки.

– Всего лишь безделушки, – сказал Роланд, – но я их собираю. Возможно, мы и сегодня что-нибудь до станем.

Обстановка хижинки состояла из старого шкафа, стола, нескольких стульев и узкой раскладной кровати, над которой висели полки с книгами. Для освещения имелась масляная лампа.

– Я был бы счастлив иметь такой дом, – пробормотал Макс.

Роланд недоверчиво улыбнулся.

– Предложения принимаются, – шуточно сказал он, явно гордясь, что хижина произвела на друзей неизгладимое впечатление. – Ладно, а теперь в воду.

Роланд подвел брата с сестрой к воде и там принялся распаковывать тук с аквалангами.

– Корабль находится метрах в двадцати пяти – тридцати от кромки берега. Дно в бухте глубже, чем может показаться. Через три метра уже нельзя встать. Остов корабля лежит на глубине десяти метров, – ввел спутников в курс дела Роланд.

Алисия и Макс молча обменялись красноречивыми взглядами.

– Да, в первый раз не рекомендуется опускаться на самое дно. Порой, когда прилив достигает наивысшей точки, образуются подводные течения. Они довольно опасны. Однажды я до

смерти перепугался. – Роланд протянул Максу маску и ласты. – У нас только два комплекта снаряжения. Кто ныряет первым?

Алисия ткнула в Макса указательным пальцем.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Макс.

– Не волнуйся, – успокоил его друг. – Главное – начало. Когда я впервые нырнул, то чуть не нарвался на неприятности. В одной из труб сидела огромная мурена.

– Кто? – вскинулся Макс.

– Никто, – откликнулся Роланд. – Шутка. Там, на дне, нет никаких опасных тварей. Честное слово. Что очень странно, поскольку обычно затонувшие корабли кишат всякой живностью, напоминая аквариум. А тут нет. Полагаю, рыбам этот корабль не по вкусу. Эй, ты ведь не испугаешься, да?

– Испугаюсь? – возмутился Макс. – Я?

Надев ласты, он успел заметить, как Роланд исподтишка внимательно разглядывает Алисию. Он буквально просветил девочку взглядом насквозь, когда она сняла ситцевое платье, оставшись в белом купальнике – своем единственном. Алисия зашла в воду по колени.

– Послушай, – шепнул Макс Роланду, – она моя сестра, а не пирожное с кремом. Понятно?

Роланд заговорщицки посмотрел на приятеля.

– Ты ее пригласил, а не я, – ответил он, улыбаясь, как кот.

– В воду, – лаконично сказал Макс. – Тебе полезно будет окунуться.

Вернулась Алисия и с ироничной улыбкой осмотрела с ног до головы ребят, обряженных в акваланги.

– Ну и вид! – Она не сдержала смешок.

Макс и Роланд переглянулись сквозь стекла водолазных масок.

– И последнее, – небрежно заметил Макс. – Я никогда этого не делал. В смысле, никогда не нырял. Конечно, я плавал в бассейнах, но не уверен, что точно знаю как...

Роланд закатил глаза.

– Ты умеешь дышать под водой? – спросил он.

– Я сказал, что не умею нырять, но не говорил, что я идиот, – огрызнулся Макс.

– Если умеешь задерживать дыхание в воде, значит, умеешь и нырять, – объяснил Роланд.

– Будьте осторожны, – напутствовала мальчиков Алисия. – Слушай, Макс, ты уверен, что это была хорошая мысль?

– Ничего не случится, – заверил ее Роланд и, повернувшись, хлопнул Макса по плечу:

– После вас, капитан Немо.

Впервые в жизни Макс погрузился с аквалангом. Перед его ошеломленным взором открылся мир света и тени, превосходивший самые невероятные фантазии. Лучи солнца просачивались сквозь толщу воды, словно сквозь дымчатые завесы света, лениво колыхавшиеся в невидимых потоках. Поверхность моря превратилась в матовое танцующее зеркало. Макс задержал дыхание еще ненадолго и всплыл, чтобы глотнуть воздуха. Роланд, державшийся метрах в двух от приятеля, внимательно за ним наблюдал.

– Все в порядке? – спросил он.

Макс с воодушевлением кивнул.

– Видишь? Это легко. Плыви рядом со мной, – велел Роланд, прежде чем снова погрузиться в воду.

Макс в последний раз оглянулся на берег и увидел, что Алисия с улыбкой машет ему рукой. Он помахал ей в ответ и поспешил пуститься вплавь, по примеру приятеля взяв курс в открытое море. От того места, куда до брались они с Роландом, берег казался далеким-далеким, хотя Макс знал, что от пляжа их отделяет не больше тридцати метров. На уровне поверх-

ности моря расстояния зрительно увеличиваются. Роланд коснулся его руки и указал вниз. Макс сделал глубокий вдох и опустил голову в воду, поправив резиновую ленту, на которой крепилась маска. Его глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к подводным сумеркам. И лишь тогда Макс смог восхититься зрелищем остова затонувшего корабля, окутанного волшебным призрачным светом. Корпус достигал пятидесяти метров в длину. Корабль лежал, накренившись набок, и в борту его зияла глубокая разверстая пробоина от носовой части до люка³. Рваная дыра в обшивке казалась черной бездонной раной, нанесенной острыми каменными когтями. На носу, под слоем зеленоватой патины и водорослей, можно было разобрать название судна: «Орфей».

Судя по линиям корпуса, в свое время «Орфей» был старым каботажным судном, а не пассажирским кораблем. Изломанную и растрескавшуюся сталь обшивки оплетали тонкие щупальца водорослей, однако, как и говорил Роланд, здесь не плавала ни одна рыбешка. Друзья, держась на поверхности, совершили круг почета над затонувшим кораблем, останавливаясь каждые шесть-семь метров, чтобы рассмотреть в подробностях обломки. Роланд упоминал раньше, что судно покоится на глубине десяти метров, но теперь, сверху, Макс это расстояние показалось бесконечным. Мальчик недоумевал, каким образом его приятель ухитрился поднять со дна многочисленные предметы, которые хранил в хижине на берегу. Словно прочитав мысли Макса, Роланд сделал ему знак оставаться на месте, а сам нырнул, мощно взмахнув ластами.

Затаив дыхание, Макс провожал взглядом Роланда. Тот продолжал спуск, пока не коснулся обшивки корпуса кончиками пальцев. Очутившись на дне, он осторожно ухватился за выступы борта и ползком добрался до палубной надстройки, служившей в прежние времена капитанским мостиком. Максудалось разглядеть в рубке уцелевший штурвал и прочие морские приборы. Роланд поравнялся с сорванной дверью командной рубки и поплыл внутрь корабля. Максудало не по себе, когда он увидел, как друг исчез в недрах затонувшего судна. Он с беспокойством следил за его перемещениями в капитанской рубке, мучаясь вопросом, что делать, если случится непредвиденное. К счастью, через несколько секунд Роланд покинул рубку и стрелой устремился вверх, оставляя за спиной шлейф воздушных пузырьков. Макс вытащил голову из воды и глубоко вздохнул. Физиономия Роланда появилась в метре от него. Приятель улыбался до ушей.

– Сюрприз! – закричал он.

Макс убедился, что друг вернулся не с пустыми руками.

– Что это? – спросил Макс, указывая на необычный металлический предмет, извлеченный Роландом из капитанской рубки.

– Секстант.

Макс вопросительно вскинул брови. Он понятия не имел, что это за штука.

– Секстантом пользуются для вычисления местоположения корабля в море, – пояснил Роланд прерывающимся голосом. Не дышать почти целую минуту стоило ему немалых усилий. – Я еще раз спущусь. Подержи.

Макс собирался запротестовать, но Роланд ушел на глубину прежде, чем он успел открыть рот. Макс вдохнул полной грудью и снова опустил голову в воду, чтобы проследить за погружением Роланда. Теперь друг поплыл вдоль корпуса корабля к корме. Наблюдая за траекторией движения Роланда, Макс неустанно работал ластами. Товарищ приблизился к бычьему глазу⁴ и пытался заглянуть внутрь. Макс задерживал дыхание, пока не почувствовал, что легкие горят огнем. Тогда он выпустил сразу весь воздух, приготовившись вынырнуть и подышать.

³ Водосток в нижней части трюма.

⁴ Небольшой глухой водонепроницаемый иллюминатор в носовой части судна.

Но в последнюю секунду перед выходом на поверхность он вдруг увидел картину, от которой кровь застыла в жилах. В тени под водой колыхалось истлевшее и полусгнившее знамя, привязанное к мачте на корме «Орфея». Макс присмотрелся к нему и узнал почти смытый, но все же различимый знак на истрепанном полотнище: шестиконечную звезду, вписанную в круг. Макса пробрала дрожь. Такую же звезду он видел раньше, на пиках ворот сада скульптур.

Секстант Роланда выскользнул у него из пальцев и канул в темную бездну. Подгоняемый безотчетным страхом, Макс торопливо поплыл назад к берегу.

Спустя полчаса Роланд и Макс, сидя в теньке на крыльце хибары, смотрели на Алисию, искавшую старые раковины между камешками на пляже.

– Макс, ты уверен, что уже видел прежде этот знак?

Макс кивнул.

– Иногда под водой вещи кажутся не такими, какие они есть, – начал Роланд.

– Я точно видел его сегодня, – перебил Макс. – Понятно?

– Понятно, – уступил Роланд. – По твоим словам, этот знак ты видел еще на каком-то кладбище за вашим домом. Ну и что?

Макс вскочил и повернулся лицом к приятелю:

– Что? Тебе снова все повторить?

Последние двадцать пять минут Макс рассказывал Роланду о том, что видел в саду скульптур своими глазами, а также в фильме Якоба Флейшмана.

– Не стоит, – лаконично ответил Роланд.

– Тогда почему ты мне не веришь? – рассердился Макс. – Думаешь, я все придумал?

– Я не сказал, что не верю тебе, Макс, – возразил Роланд, приветливо улыбнувшись Алисии, вернувшейся после прогулки по пляжу с небольшой сумкой, наполненной ракушками. – Хороший улов?

– Этот пляж настоящий музей, – сообщила Алисия, позвякивая сумкой с добычей.

Макс в нетерпении поднял глаза к небу.

– Так ты мне веришь? – Он в упор посмотрел на Роланда.

Друг ответил ему таким же пристальным взглядом и несколько мгновений хранил молчание.

– Верю, Макс, – выдавил он, повернувшись и устремив взор на горизонт, не в силах скрыть печаль, омрачившую его лицо. Алисия заметила перемену в настроении Роланда.

– Макс утверждает, что твой дедушка был на корабле в ту ночь, когда произошло крушение, – промолвила она, положив руку на плечо юноши. – Это правда?

Роланд едва заметно кивнул.

– Спасся он один, – сказал он.

– В чем дело? – встревожилась Алисия. – Прости. Наверное, тебе не хочется об этом говорить.

Роланд покачал головой и улыбнулся сестре с братом:

– Нет, мне все равно.

Макс выжидательно смотрел на него.

– Я верю твоим словам, Макс. Все дело в том, что я не в первый раз слышу об этом знаке.

– Кто его видел, кроме меня? – спросил пораженный Макс. – Кто тебе о нем говорил?

Роланд усмехнулся:

– Дед. С самого детства. – Роланд кивнул в сторону хижины. – Становится прохладно. Пойдем туда. Я расскажу историю затонувшего корабля.

Сначала Ирине показалось, что голос матери раздается где-то на втором этаже. Андреа Карвер частенько беседовала сама с собой, занимаясь домашней работой, и никого из близких

не удивляла привычка матери рассуждать вслух. Но секунду спустя Ирина увидела из окна, как мама у крыльца прощается с отцом. Часовщик собирался ехать в город с одним из тех извозчиков, кто привез их багаж со станции несколько дней назад. Ирина сообразила, что в доме, кроме нее, никого нет, следовательно, голос, который она вроде бы слышала, ей просто почудился. Девочка думала так вплоть до того мгновения, когда услышала его снова, на сей раз в собственной комнате – невнятный шепот будто просачивался сквозь стены.

Голос вроде бы исходил из шкафа. Из его недр доносился звук, похожий на приглушенное бормотание, и разобрать слова было невозможно. Впервые после переезда в дом на пляже Ирина испытала страх. Она уставилась на темную дверцу закрытого шкафа и с радостью заметила ключ, торчавший в замке. Не размышляя ни секунды, девочка бросилась к гардеробу и торопливо повернула ключ несколько раз, заперев дверцу крепко-накрепко. Затем она попятилась, отступила на пару метров и вздохнула с облегчением. Но тут она вновь услышала пугающие звуки и поняла, что голос не один. Звучал хор голосов, что-то шептавших и бормотавших в унисон.

– Ирина! – позвала девочку Андреа Карвер с первого этажа.

Громкий оклик матери вывел девочку из транса, в котором она пребывала. Ей стало тепло и спокойно.

– Ирина, если ты наверху, спустись и помоги мне немножко.

Никогда в жизни Ирина не испытывала столь пылкого желания помочь матери независимо от того, что ее попросят сделать. Она ринулась к порогу, приготовившись бежать вниз. Внезапно ее лицо словно обдало ледяным ветром, через комнату сильно потянуло сквозняком, и дверь резко захлопнулась. Ирина со всех ног кинулась к ней и принялась дергать круглую ручку, которую намертво заклинило. Прилагая отчаянные усилия, чтобы открыть упрямую дверь, девочка слышала, как у нее за спиной медленно поворачивается ключ в замке шкафа, и хор голосов, точно поднимавшийся из самых глубин дома, разразился хохотом...

– Когда я был ребенком, – начал свою повесть Роланд, – дед столько раз рассказывал мне эту историю, что она мне снилась многие годы. Все началось очень давно, когда я приехал жить в этот городок, потеряв родителей в автомобильной катастрофе.

– Мне очень жаль, Роланд, – прервала его Алисия. Сердцем она чувствовала: несмотря на то что новый друг непринужденно улыбался и на первый взгляд охотно рассказывал о дедушке и затонувшем корабле, ему намного труднее ворошить горестные воспоминания, чем он хотел показать.

– Я был совсем маленьким. Я их почти не помню, – произнес Роланд, избегая взгляда Алисии, которую небольшая ложь не обманула.

– И что же тогда произошло? – поторопил его Макс.

Алисия бросила на брата испепеляющий взгляд.

– Дед взял на себя заботу обо мне, и я поселился вместе с ним в домике у маяка. По специальности он инженер и уже много лет служит смотрителем на этом участке побережья. Мэрия предоставила ему должность пожизненно, поскольку он построил маяк практически собственными руками в 1919-м. Довольно занимательная история, как видите.

23 июня 1918 года дед ступил на борт «Орфея», стоявшего в порту Саутгемптон. Однако он сел на корабль инкогнито. «Орфей» являлся не пассажирским, а грузовым судном, причем пользовался скверной репутацией. Его капитаном был голландец – пьяница и человек, испорченный до мозга костей. Корабль он предоставлял внаем тем, кто мог больше заплатить. Предпочтение капитан отдавал контрабандистам, желавшим переправиться через Ла-Манш. «Орфей» имел настолько дурную славу, что даже немецкие эсминцы прослышали о нем и, столкнувшись на морских просторах, не топили из чистого благочестия. Так или иначе, но к концу войны дела пошли на спад, и Летучий Голландец, как прозвал его дед, был вынужден

ловить рыбку в совсем мутной воде, чтобы заплатить карточные долги, которыми он оброс в последние месяцы. Похоже, что однажды, основательно сев на мель – а такое происходило с ним постоянно, – капитан проигрался в пух и прах некоему мистеру Каину. Этот мистер Каин являлся хозяином бродячего цирка. В качестве платы мистер Каин потребовал, чтобы голландец взял на борт всю цирковую труппу и тайно переправил ее на противоположный берег пролива. Пресловутым циркачам мистера Каина было о чем беспокоиться, помимо сохранности балаганных палаток, и они стремились исчезнуть как можно скорее, естественно, нелегально. Голландец согласился. Что ему еще оставалось? Или отработать долг, или потерять корабль.

– Минутку, – перебил Макс. – Какое отношение ко всему сказанному имеет твой дед?

– К этому я и веду, – пояснил Роланд. – Как я говорил, мистер Каин – впрочем, это его настоящее имя – имел множество тайн. Дед долгое время следил за каждым его шагом. У них были свои счета, и дед опасался, что если мистер Каин со своими приспешниками переплывет пролив, то шансы поймать его улетучатся навсегда.

– Поэтому он проник на «Орфей»? – уточнил Макс. – Зайцем?

Роланд кивком подтвердил.

– Кое-что мне непонятно, – сказала Алисия. – Почему он не обратился в полицию? Он был инженером, а не детективом. Чем этот мистер Каин так ему насолил?

– Можно мне закончить? – задал вопрос Роланд.

Макс с сестрой дружно кивнули.

– Итак, главное то, что он сел на корабль, – продолжал Роланд. – «Орфей» снялся с якоря в полдень. Ожидалось, что он прибудет к месту назначения глубокой ночью. Но ситуация вышла из-под контроля. После полуночи разразилась буря и прибила корабль обратно к берегу. «Орфей» разбился о скалы и затонул в считанные минуты. Дед выжил потому, что прятался в спасательной шлюпке. Остальные утонули.

Макс поперхнулся:

– Хочешь сказать, что тела все еще лежат на дне?

– Нет, – ответил Роланд. – На рассвете следующего дня берег заволокло туманом, который продержался много часов. Местные рыбаки нашли деда без сознания на этом самом пляже. Когда туман рассеялся, флотилия рыбацких лодок обследовала место крушения. Не нашли ни одного трупа.

– Но в таком случае... – тихо проронил Макс.

Роланд жестом остановил его, дав понять, что хочет закончить рассказ:

– Деда привезли в больницу городка, и он пролежал там в бреду много дней. Поправившись, он решил в благодарность за то, что его выходили, построить маяк на гребне отвесного берега, чтобы подобная трагедия никогда не повторилась. Через некоторое время он сам стал смотрителем маяка.

Когда Роланд замолчал, все трое сидели молча почти целую минуту. Наконец юноша посмотрел в глаза Алисии, а потом Макс.

– Роланд, – начал Макс, с трудом подбирая слова, чтобы не причинить боль другу, – в этой истории концы с концами не сходятся. Думаю, что дед рассказал тебе далеко не все.

Роланд несколько секунд молчал, а потом с печальной улыбкой взглянул на брата с сестрой и медленно кивнул несколько раз.

– Я знаю, – прошептал он. – Знаю.

Руки Ирины онемели от бесплодных попыток повернуть ручку двери. Не дыша, она повернулась и из последних сил вжалась спиной в дверную филенку. Взгляд девочки невольно устремился к ключу, который поворачивался в замке шкафа.

Ключ сделал последний оборот и от толчка невидимых пальцев упал на пол. Очень медленно дверь шкафа начала открываться. Ирина пыталась закричать, но почувствовала, что не в состоянии выдать ни звука – ей не хватало воздуха.

Из темного шкафа сверкнули два хорошо знакомых желтых блестящих глаза. Ирина судорожно вздохнула. Это был ее кот. Всего лишь кот. А ей-то на миг показалось, что сердце вот-вот остановится от ужаса. Она присела на корточки, чтобы взять кота на руки, и лишь тогда заметила, что за котом, в недрах шкафа, есть кто-то еще. Кот обнажил клыки, издав громкое устрашающее шипение под стать змеиному, и снова слился с темнотой. В сумраке полыхнула искра, и глаза, светящиеся, точно расплавленное золото, заглянули в лицо девочки, а невнятные голоса хором позвали ее по имени. Ирина закричала во все горло и с размаху навалилась на дверь. Дверь распахнулась от удара, и девочка, потеряв равновесие, вывалилась в коридор на пол. Не теряя ни секунды, она со всех ног метнулась к лестнице, ощущая затылком чье-то холодное дыхание.

Все случилось в мгновение ока: Андреа Карвер оцепенела, увидев, как дочь прыгает с верхней ступеньки с перекошенным от страха лицом. Мать выкрикнула ее имя, но было уже слишком поздно. Малышка скатилась кубарем, как тряпичная кукла, к подножию лестницы. Андреа Карвер бросилась к дочери и приподняла ее голову. По лбу девочки поползла струйка крови. Мать коснулась шеи малышки и почувствовала слабое биение пульса. Из всех сил сдерживая рыдания, Андреа Карвер взяла на руки безжизненное тело дочери и попыталась заставить себя подумать о том, что необходимо сделать.

Пока тянулись до бесконечности худшие пять секунд в ее жизни, Андреа Карвер случайно взглянула на верхнюю площадку лестницы. С последней ступеньки за ней пристально наблюдал кот Ирины. Долю секунды она как замороженная смотрела на него, в его жестокие, словно издевающиеся глаза. Потом тело дочери забилося у нее на руках, и она, опомнившись, побежала к телефону.

Глава 7

Машина врача еще стояла у крыльца, когда Макс, Алисия и Роланд подъехали к дому. Роланд с недоумением посмотрел на Макса. Алисия соскочила с велосипеда и помчалась к террасе, мгновенно сообразив: произошло что-то ужасное. Максимилиан Карвер, бледный, с остановившимся взглядом, встретил ребят у дверей.

– Что случилось? – выпалила Алисия.

Отец обнял ее, и она прижалась к нему, почувствовав, как трясутся у него руки.

– Несчастный случай. С Ириной. Она в коме. Мы ждем «скорую помощь», чтобы отвезти ее в больницу.

– Как мама? – всхлипнула Алисия.

– Она в доме. С Ириной и доктором. Здесь ей больше ничем нельзя помочь, – промолвил Максимилиан глухим, безжизненным тоном.

Роланд, молча застывший у крыльца террасы, проглотил комок в горле.

– Она поправится? – спросил Макс, осознавая, как глупо звучит его вопрос, учитывая обстоятельства.

– Мы не знаем, – пробормотал часовщик, безуспешно попытался улыбнуться ребятам и отвернулся. – Посмотрю, не нужно ли чего-нибудь твоей маме.

Трое друзей застыли на террасе в полном молчании, словно лишившись дара речи. Роланд пришел в себя первым.

– Мне очень жаль...

Алисия слабо кивнула. Почти тут же на дороге показалась карета «скорой помощи» и свернула к дому. Встречать ее вышел врач. Это заняло всего несколько минут: два фельдшера вошли в дом и вынесли на носилках Ирину, закутанную в одеяло. Макс мельком увидел белые как мел щеки младшей сестры. У мальчика сердце ушло в пятки. Андреа Карвер с искаженным лицом и опухшими покрасневшими глазами села в машину и бросила на Алисию и Макса последний, полный отчаяния взгляд. Фельдшеры заняли свои места. Максимилиан Карвер подошел к старшим детям.

– Мне не по душе, что вы остаетесь в доме одни. В городе есть небольшая гостиница. Может...

– С нами ничего не случится, папа. Ты сейчас о нас не беспокойся, – откликнулась Алисия.

– Я позвоню вам из больницы и сообщу номер. Не могу сказать, как долго нам придется отсутствовать. Не знаю, если что-то...

– Поезжай, папа, – перебила Алисия, обнимая отца. – Все будет хорошо.

Максимилиан Карвер выдавил прощальную улыбку сквозь слезы и тоже сел в карету «скорой помощи». Трое друзей молча провожали взглядом исчезающие вдали габаритные огни автомобиля. Последние лучи солнца увядали на пурпурном полотнище закатного неба.

– Все будет хорошо, – повторила Алисия вслух, обращаясь к себе самой.

Как только ребята переоделись в сухую одежду (Алисия одолжила Роланду старые брюки и рубашку отца), ожидание первых новостей показалось нестерпимо долгим. Телефонный звонок раздался, когда часы Макса с улыбающимися лунными дисками показывали без малого одиннадцать вечера. Алисия, сидевшая между Роландом и Максом на ступенях террасы, стремительно вскочила и побежала в дом. Она схватила трубку раньше, чем телефон успел прозвонить второй раз, и, повернувшись к Максиму с Роландом, закивала головой.

– Хорошо, – сказала она, послушав несколько мгновений. – Как мама?

До Макса слова отца доносились из трубки неразборчивым речитативом.

– Не волнуйся, – сказала Алисия. – Нет, не нужно. Конечно, мы справимся. Позвони завтра. – Она умолкла. – Сделаем обязательно, – пообещала она после паузы. – Спокойной ночи, папа.

Алисия повесила трубку и перевела взгляд на брата.

– Ирина на обследовании, – сообщила она. – Врачи сказали, что у нее сотрясение мозга и она действительно в коме. Но говорят, она поправится.

– Они точно так сказали? – переспросил Макс. – А как мама?

– Можешь представить. Сегодня родители переночуют в больнице. Мама не хочет идти в гостиницу. Они снова позвонят нам завтра утром в десять.

– А нам что теперь делать? – неуверенно спросил Роланд.

Алисия пожала плечами и попыталась вести себя так, будто ничего не случилось.

– Кто голоден? – спросила она мальчиков.

Макс чрезвычайно удивился, обнаружив, что умирает от голода. Алисия тяжело вздохнула, изобразив утомленную улыбку.

– По-моему, нам всем не мешает перекусить, – объявила она. – Есть возражения?

За несколько минут Макс наготовил гору бутербродов, Алисия тем временем выжимала лимоны, чтобы сделать лимонад.

Друзья поужинали на скамейке на террасе при тусклом желтоватом свете фонаря, который покачивался от дуновения легкого ветерка. Вокруг фонаря плясало облако ночных бабочек. На горизонте над морем всходила полная луна, превращая поверхность воды в безбрежное озеро раскаленного добела металла.

Дети ели молча, созерцая морскую панораму и слушая шепот волн. Отдав должное бутербродом и лимонаду, друзья с пониманием переглянулись.

– Вряд ли сегодня ночью мне удастся заснуть, – призналась Алисия, поднимаясь и устремляя взгляд на светлую полоску там, где небо сходилось с морем.

– Думаю, никто не сомкнет глаз, – согласился Макс.

– У меня идея, – сказал Роланд с плутовской улыбкой. – Вы когда-нибудь купались ночью?

– Ты шутишь? – недоверчиво спросил Макс.

Алисия одарила ребят загадочным взглядом сияющих глаз и без лишних слов спокойно направилась к пляжу. Макс с изумлением наблюдал, как сестра идет по песку и, не оборачиваясь, снимает белое ситцевое платье.

Алисия замерла на мгновение на краю берега. Ее кожа казалась бледной, словно источающей сияние в рассеянном, голубоватом свете луны. А потом девушка медленно погрузилась в гигантское озеро мерцающего серебра.

– Ты идешь, Макс? – позвал Роланд, повторяя путь Алисии по песку.

Макс молча качнул головой. Он видел, как приятель окунулся в воду, и услышал сквозь шум прибоя смех сестры.

Мальчик сидел в тишине, пытаясь разобраться, огорчает его или радует, что между Роландом и сестрой происходит мощная неуправляемая энергетическая реакция, в результате которой возникает осязаемая связь, которая не поддается определению и лично ему абсолютно непонятна. Пока они весело резвились в воде, Макс осознал (возможно, раньше, чем они сами), что между ними крепнут узы, которые соединят их неразрывно нынешним летом с необратимостью судьбы.

Вслед за этими размышлениями явились мрачные мысли о войне, гремевшей так далеко и в то же время так близко от залитого лунным светом пляжа. Макс со страхом думал о безликом призраке, который очень скоро потребует дани от его друга Роланда, а может, и от него самого. Мальчик перебрал в памяти все события долгого дня, вспомнив фантастическое зрелище затонувшего «Орфея» под водой, рассказ Роланда в хибаре на пляже и несчастный слу-

чай с Ириной. И, несмотря на веселый смех Алисии и Роланда, звучащий вдалеке, в душе Макса поселилась тягостная тревога. Впервые в жизни он ощутил, что время бежит намного быстрее, чем ему бы хотелось, а блаженные грезы прошлых лет невозможно вернуть. Колесо фортуны пришло в движение, и на сей раз он опоздал сделать ставки.

Позднее, греясь у импровизированного костра на пляже, Алисия, Роланд и Макс наконец заговорили о том, что полдня не давало им всем покоя. На блестящих от воды лицах Алисии и Роланда играли золотистые блики, отбрасываемые ярким пламенем. Макс пристально посмотрел на них и отважился поделиться своими опасениями.

– Трудно объяснить, но мне кажется, будто происходит нечто странное, – начал он. – Не знаю, что именно, но слишком много совпадений. Скульптуры, тот знак, корабль...

Макс ждал, что собеседники ему возразят и приведут разумные доводы, которых сам он найти не сумел. Он надеялся, что их слова его успокоят и убедят в том, что смутные страхи – лишь закономерный итог насыщенного дня, когда произошло столько событий; он устал и потому придает им слишком большое значение. Однако ничего подобного не случилось. Алисия и Роланд безмолвно кивнули, не отводя взгляда от огня.

– Тебе снился тот самый клоун, правда? – спросил Макс.

Алисия подтвердила.

– Кое о чем я вам раньше не говорил, – продолжал Макс. – Вчера вечером, когда все отправились спать, я еще раз посмотрел фильм, снятый Якобом Флейшманом в саду скульптур. Я был там два дня назад. Скульптуры стояли в других позах. Такое впечатление, будто они... умеют двигаться. Картина, которую я видел собственными глазами, отличалась от той, что на пленке.

Алисия покосилась на Роланда, заворуженно следившего за пляской языков пламени.

– Роланд, дед никогда не упоминал ни о чем таком?

Мальчик словно не слышал вопроса. Алисия взяла Роланда за руку, и он поднял голову.

– С пяти лет мне каждое лето снится этот клоун, – сказал он дрогнувшим голосом.

Макс прочитал страх на лице друга.

– Считаю, что мы должны поговорить с твоим дедом, Роланд, – решительно заявил Макс.

Роланд рассеянно кивнул.

– Завтра, – пообещал он едва слышно. – Завтра.

Глава 8

Незадолго до рассвета Роланд опять сел на велосипед и пустился в обратный путь к дому на маяке. Пока он ехал по дороге вдоль пляжа, небосвод, затянутый пеленой низко нависавших облаков, стал наливаясь бледным золотистым сиянием. Голова мальчика пылала от тревоги и возбуждения. Он гнал велосипед на пределе сил в бесплодной надежде, что физическое изнеможение заглушит терзавшие его сомнения и страхи.

Миновав порт и выехав на поднимающуюся в гору дорогу, которая вела к маяку, Роланд остановил велосипед и перевел дух. На вершине скалы прожектор маяка рассекал предупредительную тьму. Яркий свет пронзал туман, словно огненный меч. Роланд знал, что дед, молчаливый и терпеливый, все еще дежурит на маяке и что он не покинет пост, пока не займется заря, полностью вытеснив сумерки. Много лет Роланд мирился с болезненной одержимостью старика, не пытаясь анализировать причины и логику его поведения. С детства он воспринимал это как данность, дополнительную грань его дневного существования, которой он привык не придавать значения.

Со временем Роланд начал осознавать, что история, поведанная стариком, трещит по всем швам. Но до сегодняшнего дня он до конца не понимал, что дед солгал ему или по меньшей мере не сказал всей правды. Роланду не приходило в голову усомниться в честности старика. В сущности же, год за годом дед постепенно выдавал ему части странной головоломки. Ключ к ее разгадке, казалось, теперь найден: это сад скульптур. Иногда дед разговаривал во сне, порой – что случалось гораздо чаще – отвечал недомолвками на вопросы Роланда. Интуитивно мальчик понимал, что дед ограждал его от какой-то тайны из благих побуждений, желая защитить. Но похоже, безмятежному неведению наступал конец, неумолимо приближалась пора узнать истину.

Роланд возобновил путь, постаравшись на время избавиться от тревожных мыслей. Он бодрствовал почти сутки, и усталость настойчиво давала о себе знать. До бравшись до жилища у маяка, он прислонил велосипед к ограде и вошел в дом, не позаботившись включить свет. Поднявшись по лестнице в свою комнату, Роланд мешком рухнул на постель.

Из окна комнаты он мог разглядеть маяк, возвышавшийся над домом метров на тридцать, и неподвижный силуэт деда, который отчетливо вырисовывался на оконном стекле его сторожевой башни. Роланд закрыл глаза и попытался заснуть.

События истекшего дня вереницей проходили перед его мысленным взором: от подводной прогулки на «Орфей» до несчастья, приключившегося с младшей сестренкой Алисии и Макса. Удивляло и в то же время радовало, как быстро они сдружились – всего за несколько часов. Лежа в постели, один в своей комнате, Роланд думал о брате с сестрой как о самых близких друзьях, товарищах, с кем он охотно разделит свои секреты и тревоги.

Роланд отметил, что одна только мысль о них наполнила его уверенностью и чувством защищенности. И сам он испытывал глубокую преданность и признательность за негласный договор, будто соединивший всех троих прошлой ночью на пляже.

Наконец усталость одержала верх над волнениями, накопившимися за бесконечно долгий день, и Роланд стал погружаться в глубокий, освежающий сон. Напоследок он думал не о таинственной смутной угрозе, надвигавшейся на них, не о мрачной перспективе очутиться осенью в армии. В ту ночь Роланд умиротворенно заснул, нежась в объятиях грезы, которая останется с ним до конца жизни: Алисия, окутанная вуалью лунного света, погружается в море расплавленного серебра.

Наступило утро. Небо покрывала плотная пелена темных грозовых туч, растянувшаяся до самого горизонта. Сквозь тучи пробивался слабый туманный свет, навевавший мысли о

холодном зимнем дне. Облокотившись на металлическую балюстраду на площадке маяка, Виктор Крей смотрел на бухту, лежавшую далеко внизу. Он думал, что годы, прожитые на маяке, научили его распознавать необычную, загадочную и неброскую красоту пасмурных дней, облаченных в грозные одежды, которые предвосхищали на побережье разгар лета.

С башни маяка городок походил на игрушечный макет, который старательно смастерил коллекционер. Дальше, на север, бесконечной белой лентой протянулась береговая линия. В солнечные дни с наблюдательного поста Виктора Крея под толщей воды отчетливо виднелся остов «Орфея». Сверху корабль выглядел как огромное механическое ископаемое, зарывшееся в песок.

Но в то утро штормовое море напоминало бездонный сосуд, наполненный темной водой. Обводя взором непроницаемую поверхность океана, Виктор Крей вспоминал те двадцать пять лет, что провел на маяке, который сам же и построил. Мысленно возвращаясь назад, он ощущал каждый год как каменную плиту, непосильной тяжестью давившую на плечи.

С течением времени невыразимая печаль бесконечного ожидания повлияла на него, и он начал склоняться к мысли, что все, возможно, было иллюзией. В угоду навязчивой идее он превратился в стражника, охранявшего человечество от угрозы, существовавшей только в его воображении. Но сновидения вернулись. Наконец призраки прошлого очнулись от многолетней летаргии и опять заполнили все уголки его сознания. А вместе с ними вернулся страх, что он стал слишком немощен и слаб, чтобы противостоять старинному врагу.

Уже много лет Виктор Крей спал не больше двух-трех часов в сутки. Остальное время он проводил на маяке в полном одиночестве. У Роланда, его внука, вошло в привычку несколько раз в неделю оставаться ночевать в лачуге на берегу, и неудивительно, что за целый день они порой виделись считанные минуты. Отчуждение от собственного внука, на которое Виктор Крей обрек себя сознательно, обеспечивало ему хотя бы небольшое душевное спокойствие. То, что он занимал мало места в жизни парнишки, причиняло ему боль, но эту боль старик считал справедливой ценой за безопасность и счастливое будущее Роланда.

Как бы там ни было, но каждый раз, когда с высоты башни маяка Виктор Крей видел, как мальчик ныряет в водах залива рядом с останками «Орфея», у него кровь застывала в жилах. Крей никогда не одобрял тяги Роланда к этому месту. С самого детства мальчика Крей отвечал на его вопросы о корабле и прежней жизни, стараясь не лгать и одновременно не посвящать в детали истинных событий. Накануне, наблюдая за Роландом и его новыми друзьями, расположившимися на пляже, он задался вопросом, уж не совершил ли он тем самым роковой ошибки.

Погруженный в невеселые размышления, Крей задержался на маяке дольше обычного. Как правило, он возвращался домой около восьми утра. Взглянув на часы, Виктор Крей убедился, что уже больше половины двенадцатого. Он спустился с башни по металлической винтовой лестнице и направился к дому, желая насладиться краткими часами отдыха. По дороге он заметил велосипед Роланда и понял, что мальчик остался ночевать на маяке.

Виктор Крей постарался войти в дом бесшумно, чтобы не потревожить сон внука, и обнаружил, что тот ждет его, сидя в одном из старых кресел в столовой.

– Мне не спится, дедушка, – признался Роланд, улыбнувшись старику. – Я проспал часа два, совершенно отключившись, а потом вдруг проснулся и больше не смог заснуть.

– Я знаю, как это бывает, – ответил Виктор Крей. – Но также я знаю один надежный способ восстановить силы.

– Какой? – поинтересовался Роланд.

– Приняться за стряпню. Ты голоден?

Роланд поразмыслил над вопросом. Едва он представил горячие гренки со сливочным маслом и джемом и вареные яйца, как у него засосало под ложечкой. Мальчик кивнул без лишних колебаний.

– Прекрасно, – сказал Виктор Крей. – Будешь поваренком. Пошли.

Роланд последовал за дедом на кухню и приготовился выполнять указания старика.

– Я займусь яйцами, – объявил Виктор Крей, – а ты поджаришь гренки.

Дед с внуком споро принялись за дело, и вскоре кухня наполнилась дымком, а по дому распространился соблазнительный аромат горячего завтрака. Потом оба уселись друг против друга за кухонный стол и подняли в шутовском приветствии стаканы со свежим молоком.

– Завтрак для подрастающего поколения, – весело сказал Виктор Крей, с напускной жадностью набрасываясь на первый гренок.

– Я вчера был на корабле, – сказал Роланд, потупившись. Голос его упал до шепота.

– Знаю, – отозвался дед, пережевывая гренок и по-прежнему улыбаясь. – Есть что-то новенькое?

Роланд замылся на мгновение, поставил стакан молока на стол и посмотрел на старика, пытавшегося сохранить довольный и непринужденный вид.

– Мне кажется, происходит что-то нехорошее, дедушка, – произнес он наконец. – Что-то связанное со статуями.

Виктор Крей почувствовал, как внутри у него все сжалось. Он перестал жевать и положил недоеденный гренок на тарелку.

– Мой друг Макс видел нечто странное, – продолжал Роланд.

– Где живет твой друг? – спокойно осведомился старик.

– В старом доме Флейшманов, на берегу.

Виктор Крей едва заметно кивнул.

– Роланд, расскажи мне все, что ты и твои друзья видели. Пожалуйста.

Роланд пожал плечами и поведал о том, что произошло за последние два дня, начиная со знакомства с Максом и заканчивая недавними ночными событиями.

Закончив рассказ, он уставился на деда, пытаясь угадать его мысли. Старик сидел с непроницаемым выражением лица, потом ободряюще ему улыбнулся:

– Доедай завтрак, Роланд.

– Но... – запротестовал мальчик.

– После того как позавтракаешь, сходи к своим друзьям и приведи их сюда, – добавил старик. – Нам нужно о многом побеседовать.

В одиннадцать часов тридцать четыре минуты утра Максимилиан Карвер позвонил из больницы, чтобы сообщить детям последние новости. Малышка Ирина постепенно приходила в себя, но врачи пока не осмеливались утверждать, что опасность миновала. Алисия отметила относительно спокойный тон отца и сделала вывод, будто худшее позади.

Через пять минут снова раздался звонок. Теперь это был Роланд, звонивший из городского кафе. Он назначил встречу в полдень у маяка. Повесив трубку, Алисия вспомнила, как смотрел на нее Роланд прошлой ночью на пляже. Девочка улыбнулась своим мыслям и вышла на террасу, чтобы поделиться новостями с Максом. Она заметила силуэт брата поодаль: Макс сидел на песке, глядя на море. На горизонте первые всполохи зарниц, предвестники грозы, расцвечивали небосвод, словно огни фейерверка. Алисия приблизилась к берегу и села рядом с Максом. Утро выдалось холодным. Девочку пробрала дрожь, и она пожалела, что не прихватила с собой теплый свитер.

– Звонил Роланд, – сказала Алисия. – Его дед хочет нас видеть.

Макс молча кивнул, не сводя глаз с моря. Над водой сверкнула молния, которая рассекла небо пополам и упала в волны.

– Тебе нравится Роланд, да? – спросил Макс, зачерпнув горсть песка и пропуская его сквозь пальцы.

– Да, – ответила Алисия. – И думаю, я тоже ему нравлюсь. А что, Макс?

Ее брат пожал плечами и метнул пригоршню песка к линии прибоя.

– Не знаю. Я просто вспомнил, что говорил Роланд о войне, и все такое. Что его осенью призовут в армию... Не важно. Полагаю, это не мое дело.

Алисия повернулась к младшему брату и попыталась поймать его ускользающий взгляд. Макс вскинул брови в точности как Максимилиан Карвер, и в серых глазах, как всегда, отразилась буря эмоций.

Алисия обняла Макса за плечи и поцеловала в щеку.

– Пошли домой, – сказала она, отряхивая песок, прилипший к одежде. – Тут холодно.

Глава 9

К тому моменту, когда брат с сестрой достигли подножия холма, откуда вверх уходила дорога к маяку, Макс чувствовал, что мышцы ног у него вот-вот превратятся в желе. Перед выездом Алисия предложила взять второй велосипед, по-прежнему мирно дремавший в темноте гаража. Но Макс гордо отверг предложение, вызвавшись доставить сестру на место на своем велосипеде, как это сделал накануне Роланд. Через какой-нибудь километр Макс начал раскаиваться в необдуманном поступке.

Роланд с велосипедом дожидался гостей в начале дороги: он как будто знал, какие страдания выпали на долю друга по дороге от дома к маяку. Заметив его, Макс остановился и дал сестре возможность спуститься на землю. Глубоко вздохнув, он принялся растирать бедра, онемевшие от напряжения.

– По-моему, ты стал ниже на четыре-пять сантиметров, – сказал Роланд.

Макс решил понапрасну не сотрясать воздух, отвечая на шутку. Алисия, не проронив ни слова, пересела на велосипед Роланда, и эти двое тронулись в путь. Макс отдохнул еще немного, собираясь с духом для подъема по склону холма. Он уже точно знал, на что потратит первую в жизни зарплату: купит мотоцикл.

* * *

В маленькой столовой в доме смотрителя маяка пахло горячим кофе и трубочным табаком. Пол и стены были из темного дерева. Помимо великолепной библиотеки и морских приборов неизвестного назначения, Макс не увидел никаких украшений. Дровяной камин, стол, застеленный темной бархатной скатертью, старые, вытертые кожаные кресла вокруг него – вот и вся роскошь, которую позволил себе Виктор Крей.

Роланд пригласил друзей сесть в кресла, а сам устроился между ними на деревянном стуле. За время недолгого ожидания ребята едва перекинулись парой слов. Через пять минут они слышали шаги старика на втором этаже.

Наконец перед гостями появился смотритель маяка. Он выглядел совсем не так, как представлял Макс. Виктор Крей был среднего роста, бледный, с густой копной посеребренных седых волос, обрамлявших лицо, не выдававшее истинного возраста.

Зеленые пронизательные глаза смотрителя маяка неторопливо изучали брата и сестру: Крей как будто пытался прочесть их мысли. Макс улыбнулся, донельзя смущенный пристальным взглядом деда Роланда. Виктор Крей ответил ему доброжелательной улыбкой, смягчившей его черты.

– Вы первые гости, переступившие порог моего дома за много лет, – сказал он, усаживаясь в свободное кресло. – Простите меня за плохие манеры. Впрочем, когда я был маленьким, то считал, что все эти правила хорошего тона – полная чепуха. И думаю так до сих пор.

– Мы уже не маленькие, дедушка, – напомнил Роланд.

– Во всяком случае, вы намного моложе меня, – отмахнулся Виктор Крей. – Ты, конечно, – Алисия. А ты – Макс. Не требуется большого ума, чтобы разобраться, верно?

Алисия искренне рассмеялась. Они познакомились всего две минуты назад, но чувство юмора старика ее очаровало. Макс, в свою очередь, пытливо смотрел на этого человека и силился представить, как он десятилетиями жил пленником на маяке, став хранителем тайны «Орфея».

– Я догадываюсь, о чем вы думаете, – продолжал Виктор Крей. – Неужели все, что вы видели в последние дни, или думали, что видели, – правда? На самом деле я вообразить не

мог, что настанет момент, когда мне придется с кем-то обсуждать эту тему, даже с Роландом. Но реальность редко соответствует нашим ожиданиям, не так ли?

Ему никто не ответил.

– Хорошо. Приступим к делу. Во-первых, вы должны рассказать мне все, что знаете. Когда я говорю все, я имею в виду действительно все. Включая подробности, которые вам могут показаться незначительными. Все. Вы поняли?

Макс покосился на ребят.

– Я начну? – вызвался он.

Алисия и Роланд не возражали. Виктор Крей жестом предоставил ему первое слово.

Следующие полчаса Макс рассказывал без передышки обо всем, что запомнил. Старик не сводил с него внимательного взгляда, слушая без тени удивления или (чего больше всего опасался Макс) недоверия.

Когда Макс закончил, Виктор Крей взял трубку и принялся методично набивать ее.

– Неплохо, – пробормотал он, – неплохо...

Смотритель маяка раскурил трубку, и по комнате поплыло облако сладковатого ароматного дыма. Виктор Крей смаковал табак особого сорта, расслабившись в кресле. Потом он по очереди заглянул в глаза каждому из ребят и заговорил...

– Нынешней осенью мне исполнится семьдесят два года. Утешает, конечно, что выгляжу я моложе, но каждый прожитый год давит на меня, точно каменная плита. С возрастом человек начинает многое понимать. Например, теперь я знаю, что жизнь делится в основном на три этапа. На первом никто даже не задумывается, что когда-нибудь постареет, что время идет и с самого дня рождения перед нами открывается путь, конец которого предопределен. Юность проходит, и наступает второй этап, когда человек осознает, сколь хрупка его жизнь. То, что поначалу он принимает за обычное смятение, нарастает в душе как лавина сомнений, и в этом состоянии неуверенности люди пребывают до конца дней. Наконец на закате жизни начинается третий этап, когда человек способен принять реальность как есть. Его уделом становятся смирение и ожидание. Я знавал немало людей, кто задержался на одном из этих этапов, будучи не в силах преодолеть себя и двигаться дальше. Это ужасно.

Виктор Крей отметил, что дети внимательно слушают его, не перебивая, но в глазах каждого сквозило недоумение – они не понимали, о чем он говорит. Он сделал паузу, потягивая трубку, потом улыбнулся маленькой аудитории:

– Эти этапы – путь, который каждому из нас полагается пройти самостоятельно, от начала и до конца, моля Господа, чтобы Он помог не заблудиться по дороге. Если бы все мы были способны понять такую простую истину на заре жизни, бед и страданий в мире стало бы намного меньше. Но вот один из величайших парадоксов вселенной – озарение снисходит на нас, когда уже слишком поздно. Конец лекции.

Вы спросите, зачем я говорю вам все это. Объясню: очень редко – в одном случае на миллион – человек, будучи еще совсем юным, понимает, что жизнь есть дорога в один конец, и его подобный расклад не устраивает. Представьте, что вы решили смошенничать в игре, когда проигрываете. Обычно вас ловят за руку и – партия проиграна, вы покрыты позором. Но порой обманщик выходит сухим из воды. Если же вместо забав с картами и костями такой мошенник предпочитает играть с жизнью и смертью, он представляет большую опасность.

Давным-давно, когда мне было столько же лет, сколько вам, судьба свела меня с одним из величайших обманщиков, когда-либо ступавших по земле. Его настоящего имени я никогда не знал. В квартале бедноты, где я жил, его называли Каином. Некоторые величали его Владыкой Тумана, поскольку, по слухам, он всегда являлся из густого тумана, застилавшего ночные переулки, а на рассвете вновь исчезал во мгле.

Каин был молод и хорош собой. Никто понятия не имел, откуда он родом. По ночам в одном из темных переулков квартала Каин подходил к оборванным, покрытым грязью и фабричной копотью мальчишкам и предлагал сделку. Каждый мог загадать одно желание, и Каин обещал его выполнить. Взамен он просил лишь послушания и абсолютной верности. Однажды ночью мой лучший друг Ангус привел меня на такую встречу Каина с местными ребятами. Этот Каин был одет как господин, только что вышедший с оперной премьеры. Он все время улыбался. Казалось, его глаза меняли цвет в полумраке, а голос был низким и тягучим. Мальчишки считали его магом. Я не верил ни одному слову из тех историй, что рассказывали о нем, и в ту ночь собирался посмеяться над самозванцем. Но я хорошо помню, что в его присутствии у меня начисто пропало желание шутить. Едва увидев его, я почувствовал только страх. Стусевавшись, я вообще остерегся открывать рот. Однако некоторые парни стали высказывать свои пожелания Каину. Когда все закончили, Каин устремил ледяной взгляд в темный уголок, где затаились мы с Ангусом. Он поинтересовался, неужели нам не о чем попросить. Я не издал ни звука, но Ангус, к моему изумлению, заговорил. Его отец в тот день потерял работу. Литейный завод, где работало большинство мужчин нашего квартала, увольнял персонал, заменяя людей машинами, работавшими дольше и не доставлявшими лишних хлопот. Первыми на улице оказались смутьяны, самые несговорчивые из рабочих. У отца Ангуса были все выигрышные номера в этой лотерее.

Без работы он не мог прокормить семью (в том числе Ангуса и пятерых его братьев), ютившуюся в убогом доме из заплесневелого от сырости кирпича. Ангус несмело изложил просьбу Каину: он хотел, чтобы отца снова взяли на завод. Каин согласился ее выполнить и – в точности как о том говорили, – шагнул в туман и пропал. На другой день отцу Ангуса по необъяснимым причинам вновь предложили работу. Каин сдержал слово.

Спустя две недели мы с Ангусом возвращались вечером домой, побывав на передвижной ярмарке аттракционов, раскинувшей палатки в предместьях города. Не желая слишком задерживаться, мы выбрали кратчайший путь и свернули к старой заброшенной железной дороге. Мы шли по бесконечному полотну при свете луны, как вдруг в тумане возникла фигура, закутанная в плащ, на котором сверкала золотая шестиконечная звезда, помещенная в круг. Человек двинулся нам навстречу по шпалам бездействующей дороги. Это был Владыка Тумана. Мы окаменели. Каин приблизился к нам и с обычной своей улыбкой обратился к Ангусу. Он сказал, что настало время отблагодарить за услугу. Ангус, насмерть перепуганный, кивнул. Каин сообщил, что поручение его нетрудное, речь идет о небольшом сведении счетов. В ту эпоху самым богатым человеком квартала – фактически единственным богатым человеком – был Сколимовский, польский торговец, владевший магазином, где продавались продукты и одежда. Там закупалась вся округа. Ангус должен был поджечь магазин Сколимовского. И выполнить задание ему следовало ближайшей ночью. Ангус хотел запротестовать, но слова застряли у него в горле. Выражение глаз Каина ясно давало понять: он не примет ничего, кроме слепого послушания. В следующее мгновение маг ушел туда же, откуда явился.

Мы поспешили в город, и, когда я расставался с Ангусом у дверей его дома, в его глазах стоял такой ужас, что у меня сжалось сердце. На следующий день я везде искал друга, но он как в воду канул. Забеспокоившись, что Ангус намерен исполнить преступный приказ Каина, я решил с вечера встать в караул у магазина Сколимовского. Ангус не появился, и в ту ночь лавка поляка не сторежала. Я испытывал чувство вины из-за того, что усомнился в друге, и подумал, мне следовало бы пойти успокоить его. Зная его характер, я догадывался, что он прячется дома и трясется от страха при мысли о возможной мести мага. Утром я пришел к нему. Ангуса дома не оказалось – со слезами на глазах мать сказала, что ее сын отсутствовал всю ночь. Она попросила меня разыскать его и привести домой.

С тяжелым сердцем я обежал весь квартал вдоль и поперек, не пропустив ни одного из его зловонных закоулков. Ангуса никто не видел, он пропал бесследно. К вечеру я чувствовал

себя совершенно измотанным и пребывал в полной растерянности, не зная, где искать друга. И тут меня как ударило. Повинуясь нехорошему предчувствию, я направился к старым железнодорожным путям и пошел вдоль рельсов, тускло поблескивавших под луной в ночной темноте. Мне не пришлось далеко идти. Мой друг лежал на полотне на том самом месте, где позапрошлой ночью Каин вынырнул из тумана. Я бросился искать пульс, но, прикоснувшись к телу, не ощутил кожи под пальцами. Только лед. Тело Ангуса стало жуткой статуей из голубого льда, от которой поднимался пар. Она медленно таяла на рельсах за брошенной железной дороги. На шее статуи висел маленький медальон с изображением знака, красовавшегося на плаще Каина: шестиконечной звезды, вписанной в окружность. Я оставался с Ангусом до тех пор, пока черты его лица не растаяли, превратившись в лужу ледяных слез, замерзающих в темноте.

Этой же ночью, в то время как я на рельсах оплакивал ужасную участь несчастного друга, магазин Сколимовского сгорел дотла в сильном пожаре. Я никому не рассказал, свидетелем каких происшествий тогда невольно сделался.

Через два месяца моя семья переехала на юг, далеко от тех мест. Шло время, и вскоре я поверил, будто Владыка Тумана превратился лишь в горестное воспоминание мрачных лет, прожитых под сенью нищего, грязного, исполненного насилия города моего детства... Потом я встретил его снова и понял: то было только начало.

Глава 10

Моя следующая встреча с Владыкой Тумана состоялась тем вечером, когда мой отец, который сделал успешную карьеру и получил должность главного технического специалиста текстильной фабрики, привез нашу семью на большую ярмарку аттракционов. Ее соорудили на деревянной пристани, далеко вдававшейся в море, и она напоминала хрустальный дворец, словно висевший в воздухе. С наступлением сумерек разноцветные огни аттракционов, загоравшиеся над морем, являли собой волшебное зрелище. Я никогда не видел ничего красивее. Отец был счастлив: он сильно изменил судьбу, сулившую, казалось, лишь унылое прозябание на севере, и стал солидным, уважаемым человеком, достаточно обеспеченным, чтобы его дети могли развлекаться, как и все дети в городе. Мы наскоро поужинали, а затем отец дал каждому из нас денег, чтобы мы потратили их по своему усмотрению, пока он с матерью будет прогуливаться под руку в толпе местных жителей, наряженных в воскресные костюмы, и туристов, разодетых в пух и прах.

Меня пленило огромное колесо обозрения, крутившееся без устали в конце пристани. Его сияющие очертания были видны за много миль по всему побережью. Я побежал к очереди, которая выстроилась к колесу. Томясь ожиданием, я обратил внимание на один из павильонов, расположенный в нескольких шагах от меня среди лотков с лотереей и навесов для стрельбы. Багряный свет заливал таинственную палатку некоего доктора Каина – прорицателя, мага и ясновидящего, как гласила афиша, на которой третьесортный художник намалевал физиономию фокусника. С плаката Владыка Тумана грозно взирал на любопытных, окружавших его новое обиталище. Уродливая афиша и пляшущие тени, отбрасываемые багряным фонарем, придавали палатке вид мрачный и зловещий. Путь в нее преграждала занавеска с шестиконечной звездой, вышитой черными нитками.

Завороженный этим зрелищем, я вышел из очереди к колесу и приблизился к палатке. Я пытался заглянуть внутрь сквозь узкую щелку, когда занавеска внезапно распахнулась и женщина в черной одежде, седая как лунь, с темными пронзительными глазами жестом пригласила меня войти. В недрах палатки я сумел различить сидевшего за письменным столом при свете керосиновой лампы человека, которого в другом месте и в другое время знал под именем Каин. У его ног громадный черный кот с золотистыми глазами облизывал усы.

Без долгих размышлений я вошел и шагнул к столу, где меня с улыбкой дожидался Владыка Тумана. Я до сих пор помню его голос, низкий и тягучий. Он произнес мое имя, и оно странно прозвучало на фоне гипнотической мелодии органчика карусели, крутившейся где-то далеко, бесконечно далеко от палатки мага...

– Виктор, мой добрый друг, – прошелестел Каин. – Не будь я ясновидящим, сказал бы, что судьбе угодно вновь свести нас на одном пути.

– Кто вы такой? – с трудом выдавил юный Виктор, украдкой поглядывая на кошмарную женщину, отступившую в темный угол палатки.

– Доктор Каин. Как написано на афише, – отвечал Каин. – Веселишься с семьей?

Виктор сглотнул и молча кивнул.

– Это замечательно. Развлечения подобны лаудануму, – облеглают горе и боль, хотя и на краткое время.

– Я не знаю, что такое лауданум, – отозвался Виктор.

– Наркотик, сынок, – устало проронил Каин и повернулся к часам, стоявшим на этажерке справа.

Виктору показалось, что их стрелки идут в обратную сторону.

– Времени не существует, а потому его не стоит терять. Ты уже придумал желание?

– У меня нет никаких желаний, – ответил Виктор.

Каин рассмеялся:

– Ну-ну. Каждого обуревают не одно желание, но сотни. И как мало шансов преподносит нам жизнь их осуществить. – Каин посмотрел на загадочную женщину с гримасой сочувствия. – Разве не так, дорогая?

Женщина не ответила, словно он обращался к неодушевленному предмету.

– Но некоторым везет, Виктор, – сказал Каин, чуть наклонившись над столом. – Как тебе, например. Ибо у тебя есть возможность сделать свои желания явью. И ты знаешь как.

– Как Ангус? – выпалил Виктор, в тот момент подметивший одну странность, которая навязчиво занимала его мысли, мешая сосредоточиться: Каин ни разу не моргнул.

– Несчастный случай, друг мой. Трагическая случайность, – проникновенным голосом, исполненным печали, промолвил Каин. – Было бы заблуждением считать, что можно обрести воплощение мечты, ничего не предложив взамен. А ты как считаешь, Виктор? Скажем, это несправедливо по меньшей мере. Ангус позволил себе забыть об обязательствах, что совершенно недопустимо. Но пусть прошлое останется в прошлом. Поговорим о будущем. Твоем будущем.

– Именно это вы и сделали? – спросил Виктор. – Осуществили мечту? Стать таким, как сейчас? И что вам пришлось отдать взамен?

Змеиная улыбка исчезла с губ Каина, и он впился глазами в Виктора Крея. Мальчик на миг испугался, что этот человек набросится на него и разорвет на куски. Наконец Каин улыбнулся снова и вздохнул:

– Умный юноша. Мне такие нравятся. Однако тебе еще многое предстоит узнать. Приходи, когда будешь готов. Тебе теперь известно, как меня найти. Надеюсь, скоро увидимся.

– Сомневаюсь, – ответил Виктор, поворачиваясь и устремляясь к выходу.

Женщина, будто сломанная марионетка, которую неожиданно дернули за веревочку, тоже шагнула к двери, порываясь проводить посетителя. В двух шагах от выхода Виктор снова услышал голос Каина, раздавшийся за спиной:

– Еще одно, Виктор. Относительно желаний. Подумай. Предложение остается в силе. Может, если ты сам не хочешь им воспользоваться, кто-то из членов твоей счастливой дружной семьи лелеет втайне постыдное желание. Подобного рода желания – моя специальность...

Виктор не остановился, чтобы ответить, и выскочил на волю. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он поспешил на поиски родных. Удаляясь, мальчик слышал, как затихает за спиной смех доктора Каина, похожий на песнь гиены. Его заглушал органчик карусели.

До сих пор Макс зачарованно слушал рассказ старика, не озвучив ни одного из тысячи вопросов, теснившихся у него в голове. Виктор Крей как будто прочел его мысли и погрозил пальцем:

– Терпение, молодой человек. Все части головоломки сложатся воедино в свое время. Перебивать запрещено. Понятно?

И хотя предупреждение было сделано Макс, вся троица дружно кивнула.

– Вот и ладно, – пробормотал смотритель маяка.

Тогда же я твердо решил держаться подальше от зловещего типа и навсегда выбросить из головы всякие мысли о нем. Это оказалось непросто. Каким бы ни был доктор Каин, он обладал редким даром проникать в сознание и застревать там. Это как заноза – чем энергичнее вы пытаетесь ее вынуть, тем глубже она вбивается в кожу. Я не мог ни с кем поговорить о нем, если только не хотел, чтобы меня приняли за помешанного, не мог также обратиться в полицию, поскольку было непонятно, как все объяснить. В подобных случаях благоразумно выждать время, и я предоставил событиям идти своим чередом.

Наша семья благоденствовала на новом месте. Я имел счастье познакомиться с человеком, оказавшим мне очень большую помощь. Достопочтенный учитель преподавал в школе математику и физику. На первый взгляд он производил впечатление человека не от мира сего. Но его глубокий ум мог сравниться лишь с бесконечной добротой, которую он пытался скрыть под весьма убедительной маской сумасшедшего ученого, городского блаженного. Он внушил мне, что учиться надо основательно, и увлек математикой. Неудивительно, что после многолетних занятий под его руководством мои способности к точным наукам проявлялись все ярче. Вначале я предполагал пойти по его стопам и посвятить себя преподаванию, но достопочтенный учитель категорически против этого возражал, убеждая, что я должен поступить в университет, серьезно заниматься физикой и стать лучшим инженером в стране. В противном случае он пригрозил лишить меня всяческой поддержки.

Именно он добился для меня университетской стипендии и открыл путь к той жизни, какой по идее она должна была стать. Он умер за неделю до моего выпуска. И мне не стыдно признаться, что я горевал о его кончине так же, если не больше, как и о смерти собственного отца. В университете я познакомился с человеком, который впоследствии снова свел меня с доктором Каином. Юноша учился на медицинском факультете и происходил из баснословно богатой семьи (во всяком случае, мне так казалось). Звали его Ричард Флейшман. Иными словами, это был тот самый будущий доктор Флейшман, кто много лет спустя построил дом на пляже.

Ричард Флейшман отличался пылким и буйным нравом и частенько впадал в крайности. Он привык получать от жизни все, что хотел, по первому требованию, и если по какой-то причине реальность не отвечала его устремлениям, он начинал злиться на весь мир. Судьба, наверное, решила подшутить, когда сделала нас друзьями: мы оба влюбились в одну женщину, Еву Грей, дочь самого невыносимого и деспотичного профессора химии в университетском кампусе.

Сначала мы повсюду ходили втроем и совершали прогулки по воскресеньям, когда этому не препятствовал злобный огр Теодор Грей. Но долго так продолжаться не могло. Самое забавное, что мы с Флейшманом не только не стали соперниками, но сделались неразлучными друзьями. Каждый вечер, провожая Еву до пещеры огра, мы возвращались по домам вместе, прекрасно понимая, что рано или поздно кто-то из нас двоих выйдет из игры.

До рокового дня мы провели вместе два года, и они были лучшими в моей жизни. Но все когда-нибудь заканчивается. Для нашей неразлучной троицы наступил вечер вручения дипломов. И хотя я стяжал все мыслимые лавры, душа моя пребывала в трауре из-за смерти старого учителя. Ева с Ричардом пытались всеми силами развеять мою тоску и придумали меня напоить, хотя в принципе я не пил. Разумеется, злобный огр Теодор, хоть и был глухим как пень, ухитрился подслушать разговор через стену и таким образом проведал о замысле. В результате вечер закончился тем, что мы с Флейшманом вдвоем напились в стельку в вонючем кабаке, где без усталости восхваляли предмет нашей безответной любви – Еву Грей.

Ближе к ночи, когда мы, спотыкаясь, возвращались в кампус, передвижная ярмарка аттракционов будто соткалась из тумана около вокзала. Мы с Флейшманом решили прокатиться на карусели, ни на секунду не усомнившись, что это верное средство поправить самочувствие. Мы отправились на аттракционы и в конце концов очутились около палатки доктора Каина, прорицателя, мага и ясновидящего, как по-прежнему сообщала уродливая афиша. Флейшмана осенила гениальная идея: пойти и попросить доктора Каина открыть нам тайну – кого из нас двоих предпочтет Ева. Несмотря на состояние отупения, у меня сохранилось достаточно здравого смысла, чтобы не соваться туда, но не хватило сил удержать друга. Он решительно переступил порог, скрывшись в павильоне.

Наверное, мне отказал рассудок, поскольку я плохо помню, что происходило в последующие часы. Когда я очнулся, страдая от зверской головной боли, то обнаружил, что мы с

Флейшманом лежим на старой деревянной лавке. Светало, фургоны циркачей исчезли, точно город огней, наполненный шумом и гуляющей толпой, привиделся нам прошлой ночью с пьяных глаз. Мы не без труда сели, удивляясь пустынному виду окрестностей. Я спросил приятеля, помнит ли он что-нибудь из событий минувшей ночи. С некоторым усилием Флейшман пробормотал, что ему приснилось, будто он вошел в палатку ясновидящего и на вопрос, каково его сокровенное желание, ответил, что хочет завоевать любовь Евы Грей. Потом он разразился смехом, потешаясь над мучившим нас жестоким похмельем, убежденный, что всего этого не было и в помине.

Через два месяца Ева Грей и Ричард Флейшман поженились. Меня даже не пригласили на свадьбу. С тех пор я не видел их целых двадцать пять лет.

Однажды в дождливый зимний день господин, закутанный в макинтош, шел за мной по пятам от работы до дома. Из окна столовой я заметил, что незнакомец все еще стоит на улице, наблюдая за моими окнами. Поколебавшись мгновение, я вышел, намереваясь призвать к ответу загадочного соглядатая. Им оказался Ричард Флейшман, постаревший и дрожавший от холода. У него был загнанный взгляд человека, всю жизнь спасавшегося от преследования. Задавшись вопросом, сколько месяцев мой бывший друг не спал, я увел его в дом и напоил горячим кофе. Не осмеливаясь смотреть мне в лицо, он спросил, помню ли я, как давным-давно ночью мы подходили к палатке доктора Каина.

Не тратя времени на пустые любезности, я прямо спросил Флейшмана, что попросил Каин взамен за исполнение его сокровенного желания. Бывший друг с лицом, искаженным стыдом и страхом, упал передо мной на колени, сквозь слезы умоляя о помощи. Меня не тронули его стенания, и я вновь потребовал ответа: что он пообещал доктору Каину в качестве платы за услугу?

– Первенца, – сказал он. – Я пообещал ему первенца...

Флейшман признался, что много лет давал жене без ее ведома лекарство, делавшее невозможным зачатие ребенка. Однако со временем Ева Грей впала в тяжелую депрессию, и отсутствие столь желанного наследника превратило семейную жизнь доктора в ад. Флейшман опасался, что, если Ева не родит ребенка, она сойдет с ума или начнет чахнуть от горя и угаснет, как свеча без доступа воздуха. Он сказал, что ему не к кому обратиться, умоляя меня о прощении и о помощи. Наконец я обещал ему помочь, но не ради него, а ради той привязанности, которую все еще питал к Еве Грей, и в память о нашей прежней дружбе.

В тот вечер я выставил Флейшмана из своего дома, но вовсе не по той причине, о которой он сам подумал. Я последовал за доктором под дождем и шел за ним через весь город, недоумевая, куда он держит путь. Меня выворачивало от одной мысли, что Ева Грей, отвергнув меня в дни нашей молодости, теперь должна отдать своего ребенка подлому колдуну. И для меня это являлось достаточным основанием, чтобы оказать сопротивление доктору Каину, хотя юность давно прошла и по зрелом размышлении я понимал, что на сей раз, возможно, проиграю партию.

Блуждания Флейшмана вывели меня к новому логову моего старого знакомого, Владыки Тумана. Теперь его домом стал странствующий цирк шапито. К моему удивлению, доктор Каин отказался от почетного звания прорицателя и ясновидящего, приняв новое обличье, гораздо скромнее, однако в большей степени соответствовавшее его своеобразному чувству юмора. Теперь он выступал как клоун – с лицом, размалеванным белой и красной красками, хотя беспокойные пронизательные глаза выдавали его сущность даже под десятками слоев грима. Эмблемой цирка Каина являлась шестиконечная звезда, укрепленная на флагштоке. Мага окружала клика приспешников, не внушавших доверия. Казалось, под личиной бродячих артистов таился порок. Две недели я следил за цирком Каина и вскоре обнаружил, что потер-

тый линиялый шатер служит пристанищем для опасной банды преступников – мошенников и воров, совершавших грабежи везде, где бы они ни находились. Я также выяснил, что небрежность, с какой доктор Каин набирал рабов, привела к тому, что за собой он оставлял пылающий след преступлений. Исчезновения людей и ограбления привлекли внимание местной полиции, которая почуяла гнилой душок, исходивший от этого феерического цирка.

Несомненно, доктор Каин осознавал, что у него земля горит под ногами. Потому он решил, что ему со своими приспешниками следует без промедления исчезнуть из страны, незаметно и желательно без соблюдения хлопотных полицейских формальностей. Такую возможность ему преподнес на блюдечке капитан «Орфея». Воспользовавшись глупостью голландца, чей карточный долг пришлось как нельзя кстати, Каин однажды ночью сел на корабль. Я последовал за ним.

Случившееся в ночь катастрофы я сам не в состоянии толком объяснить. Свирепая буря отнесла «Орфей» назад к материку и выбросила на скалы. Сквозь образовавшуюся в корпусе пробоину хлынула вода и потопила корабль в считанные секунды. Я прятался в одной из спасательных шлюпок, которую сорвало в тот момент, когда корабль налетел на рифы. Прибой вынес лодку на берег. Только поэтому мне удалось спастись. Каин со своими людьми путешествовали в трюме. Циркачи притаились под ящиками из опасения, что корабль нарвется на военный патруль посреди пролива. Возможно, когда ледяная вода заполнила трюм, они даже не поняли, в чем дело...

– И все же, – не вытерпел Макс, – трупы не нашли.

Виктор Крей покачал головой:

– Довольно часто во время ураганов такой силы море уносит тела погибших.

– Но оно их возвращает, пусть и через много дней, – возразил Макс. – Я читал.

– Не верь всему, что пишут, – сказал старик. – Хотя в данном случае это правда.

– Но что же тогда могло произойти? – спросила Алисия.

– В течение многих лет я размышлял над одной теорией, в которую сам полностью не верил. А теперь она как будто подтверждается...

– В кораблекрушении «Орфея» выжил я один. Однако когда в больнице ко мне вернулось сознание, я почувствовал во всем этом какой-то подвох. Я решил построить маяк и поселиться здесь, но последнюю часть истории вы уже знаете. Я подозревал: события той ночи не означали, что доктор Каин исчез бесследно. Скорее, наступила передышка. Потому я просидел тут столько лет. Через некоторое время, когда погибли родители Роланда, я взял его на свое попечение, а он, в свою очередь, скрашивал мое одиночество в добровольном изгнании.

Но это далеко не все. Я совершил еще одну роковую ошибку. Мне очень хотелось встретиться с Евой Грей. Вероятно, я желал убедиться, что жертва принесена не напрасно. Флейшман меня опередил. Узнав, где я обосновался, он приехал меня навестить. Я рассказал ему о кораблекрушении. Казалось бы, это избавляло бедолагу от химер, преследовавших его долгие годы. Он загорелся идеей построить дом на берегу моря, а вскоре родился маленький Якоб. Это были самые счастливые годы в жизни Евы. Гибель мальчика положила конец счастью.

В тот день, когда Якоб Флейшман утонул, я понял, что Владыка Тумана никогда не уходил. Он оставался в тени, неторопливо выжидая, что некая сила возвратит его в мир живых. А нет ничего сильнее обета...

Глава 11

Старый смотритель маяка закончил горестную повесть. Часы Макса показывали без малого пять часов дня. Побережье накрыла кисея моросящего дождика, и ветер, задувавший с моря, настойчиво стучал в ставни на окнах дома у маяка.

– Приближается буря, – сказал Роланд, обозревая свинцовые тучи на горизонте над морем.

– Макс, нам надо возвращаться домой. Папа скоро позвонит, – пробормотала Алисия.

Макс неуверенно кивнул. Ему было необходимо тщательно обдумать рассказ старика и попробовать сложить воедино части головоломки. Оживить в памяти давнюю историю стоило смотрителю непомерных душевных усилий, теперь его охватила апатия. Обмякнув в кресле, он молча смотрел в пустоту отсутствующим взглядом.

– Макс... – позвала Алисия.

Мальчик встал и безмолвно попрощался со стариком, который даже не пошевелился. Роланд несколько мгновений смотрел на деда, а потом вышел вместе с друзьями на улицу.

– И что дальше? – спросил Макс.

– Я не знаю, что думать. – Алисия пожала плечами.

– Ты не веришь дедушке Роланда? – допытывался Макс.

– В такое нелегко поверить, – возразила Алисия. – Должно быть другое объяснение.

Макс перевел вопросительный взгляд на друга.

– Ты тоже не веришь деду, Роланд?

– Честно? – отозвался тот. – Не знаю. Поехали, пока нас не накрыла буря. Я вас провожу.

Алисия вскарабкалась на велосипед к Роланду, и, не тратя слов даром, ребята пустились в обратный путь. Макс обернулся на миг, посмотрев на домик у маяка. Его одолевали сомнения. Вдруг, утратив чувство реальности за годы одиночества, проведенные на вершине утеса, Виктор Крей сочинил страшную историю, в которую сам верил всей душой? Мальчик подставил лицо под освежающий дождик и покатил вниз по склону холма.

Выезжая на дорогу, огибавшую берег, он в мыслях снова и снова возвращался к истории Виктора Крея. Крутя педали под дождем, Макс начал систематизировать факты единственным приемлемым для него способом. Если предположить, что рассказ старика соответствовал действительности, чему с трудом верилось, он все равно не давал ответов на все вопросы. Получалось, что могущественный маг, пребывавший долгое время в летаргическом сне, медленно возвращался к жизни. В соответствии с этой теорией первой ласточкой, возвестившей о его пробуждении, явилась смерть маленького Якоба Флейшмана. И все же в истории, которую смотритель маяка так долго никому не рассказывал, было много неясных моментов, ставивших Макса в тупик.

Засверкали молнии, окрашивая небо пурпуром, навстречу подул сильный ветер, осыпая лицо Макса градом тяжелых капель. Мальчик сильнее налег на педали, хотя мышцы ног до сих пор ныли после утреннего марафона. До дома на пляже оставалось еще километра два.

Макс пришел к выводу, что не может принять рассказ старого смотрителя без поправок и считать, что он объясняет все факты. Существование колдовского сада скульптур и случившееся в первые дни жизни в городке подтверждали, что адский механизм запущен и никому не под силу предсказать, что произойдет дальше. С помощью Роланда и Алисии или без нее, но Макс твердо решил не останавливаться на полпути и докопаться до истины. И начинать следовало с того единственного, что как будто содержало все ключи к тайне, – фильмов Якоба Флейшмана. Чем больше Макс размышлял об услышанном сегодня, тем сильнее проникался уверенностью, что Виктор Крей сказал им не всю правду, далеко не всю.

Алисия с Роландом стояли на террасе, когда Макс, промокший до нитки, завел велосипед в гараж и бросился спасаться от потопа под крышу.

– Попадаю под дождь второй раз за неделю, – со смехом сказал Макс. – Так я полиняю. Ты ведь не собираешься ехать сейчас обратно, верно, Роланд?

– Боюсь, придется, – ответил ему приятель, глядя на плотную завесу водопада, лившегося с небес. – Не хочется оставлять деда одного.

– Возьми хотя бы плащ. Иначе схватишь воспаление легких, – забеспокоилась Алисия.

– Не нужно. Я привык. К тому же это летняя гроза. Она быстро пройдет.

– Великая вещь – опыт, – поддел его Макс.

– Конечно, – положил конец дискуссии Роланд.

Друзья молча переглянулись.

– Мне кажется, лучше не касаться этой темы до завтра, – предложила Алисия. – Утро вечера мудренее. По крайней мере так обычно говорят.

– Интересно, кто заснет сегодня ночью после такой истории? – вскинулся Макс.

– Твоя сестра права, – поддержал Алисию Роланд.

– Ну уж нет, – упорствовал Макс.

– Отвлекаясь в сторону, завтра я собирался снова понырять вокруг корабля. Вдруг найду секстант, который некоторые посеяли вчера... – поделился планами Роланд.

Макс мысленно сформулировал убийственный ответ, желая дать ясно понять, что лично он считает безумием снова нырять на «Орфей», но Алисия его опередила.

– Мы придем, – негромко сказала она.

Шестое чувство подсказало Макс: множественное число она употребила из вежливости.

– Тогда до завтра, – ответил Роланд, сияющими глазами глядя на Алисию.

– Я еще тут, – произнес Макс нараспев.

– До завтра, Макс, – попрощался Роланд, направляясь к велосипеду.

Брат и сестра смотрели, стоя на террасе, как их друг уезжает в разгар грозы, пока его силуэт не исчез из вида на дороге, вившейся вдоль берега.

– Тебе нужно надеть сухую одежду, Макс. Пока ты переодеваешься, я что-нибудь соберу на ужин, – промолвила Алисия.

– Ты? Да ты не умеешь готовить, – поддел ее Макс.

– А кто тебе сказал, что я собираюсь готовить, братец? Ты не в гостинице. Идем в комнату, – распорядилась Алисия с лукавой улыбкой.

Макс предпочел не спорить и вошел в дом. Отсутствие Ирины и родителей усиливало ощущение, что они вторглись в чужое жилище. Это чувство преследовало мальчика с самого первого дня. Когда Макс поднимался по лестнице в свою спальню, его неожиданно осенило, что противный кот Ирины уже давно не попадался ему на глаза. Пропажу кота он не считал большой потерей, а потому не придавал этому факту большого значения, тотчас забыв о нем.

Верная слову, Алисия долго на кухне не задержалась, сделав лишь самое необходимое. Она нарезала ржаной хлеб ломтями, намазала их маслом и джемом и налила два стакана молока.

Выражение лица Макса, когда он увидел на подносе так называемый ужин, было весьма красноречивым.

– Ни слова, – предупредила Алисия. – Я создана не для того, чтобы похоронить себя на кухне.

– Не зарекайся, – откликнулся он. Ему все равно не очень хотелось есть.

Дети тихо поужинали, с минуты на минуту ожидая звонка из больницы. Телефон молчал.

– Может, родители звонили раньше, когда мы были на маяке, – предположил Макс.

– Может быть, – пробормотала Алисия.

У сестры был встревоженный вид.

– Если бы что-то случилось, – выдвинул довод Макс, – они обязательно перезвонили бы. Все будет хорошо.

Алисия неуверенно улыбнулась, убедив Макса, что он действительно обладает врожденным даром успокаивать других с помощью аргументов, в которые сам не верил.

– Ну конечно, – согласилась с ним сестра. – Я собираюсь ложиться спать. А ты?

Он допил молоко и кивнул в сторону кухни.

– Скоро лягу, но сначала еще что-нибудь съем. Я голоден, – солгал он.

Услышав, как захлопнулась дверь в комнату Алисии, Макс поставил пустой стакан и отправился в гараж за фильмами из коллекции Якоба Флейшмана.

Мальчик повернул ручку выключателя проектора, и в луче света на стене выступило смазанное изображение, напоминавшее россыпь каких-то символов. Постепенно картинка обрела четкость, и Макс понял, что непонятные символы – это цифры, расположенные по кругу. Он смотрел на циферблат часов. Стрелки часов застыли неподвижно, отбрасывая заметную тень на циферблат, что позволяло предположить, будто съемка велась на ярком солнце или под мощным прожектором. Часы оставались в кадре, пока не ожили стрелки. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стрелки пошли вспять. Камера отодвинулась, предоставляя зрителю возможность убедиться, что луковица часов висит на цепочке. Камера удалилась еще примерно на метр, показывая, что цепочку держит белая рука. Кисть руки принадлежала статуе.

Макс тотчас узнал сад скульптур, уже появлявшийся в том фильме Якоба Флейшмана, который они смотрели несколько дней назад всей семьей. И статуи снова стояли не так, как запомнилось Макс. Камера опять дала полный обзор изваяний, плавно скользя по кругу, как и в первом фильме. Каждые два метра она задерживалась на лице очередной скульптуры. Макс дотошно изучал застывшие черты цирковых персонажей, членов преступной труппы. Разыгранное воображение рисовало картины их гибели в кромешной темноте трюма «Орфея», куда хлынула ледяная вода, отнявшая шансы на спасение.

Наконец камера неторопливо приблизилась к центральной скульптуре, венчавшей центр шестиконечной звезды. Клоун. Доктор Каин. Владыка Тумана. Рядом, у его ног, Макс различил неподвижную фигурку кота, вытянувшего вперед когтистую лапу. Макс, не видевший никакого кота во время своего посещения сада скульптур, готов был поспорить на что угодно: тревожное сходство каменного животного с котом, которого Ирина подобрала на станции, отнюдь не случайно. Выяснилось, что очень легко поверить в историю старого смотрителя маяка, рассказанную нынче днем, если смотреть на эти изображения под аккомпанемент дождя, барабанившего в окна, и гроыхание грозы, удалявшейся в глубь материка. Факта существования зловещных фигур оказывалось достаточно, чтобы заглушить любые сомнения и голос разума.

Камера подплыла почти вплотную к лицу клоуна, застыв на расстоянии около полуметра от него, и задержалась в таком положении на несколько мгновений. Макс покосился на бобину с пленкой и убедился, что досмотреть осталось метра два – фильм заканчивался. Движение на экране вновь привлекло внимание мальчика. Выражение каменного лица неуловимо менялось. Макс вскочил и шагнул к стене, куда проецировалось изображение. Зрачки глаз каменного изваяния расширились, губы медленно изогнулись, сложившись в жесткую усмешку, обнажившую сплошной ряд длинных и острых, как у волка, зубов. У Макса перехватило дыхание.

Секунду спустя изображение исчезло, и мальчик услышал, как крутится вхолостую бобина в проекторе. Пленка закончилась.

Макс выключил проектор и глубоко вздохнул. Теперь он поверил каждому слову Виктора Крея, но от этого ему не стало легче. Совсем наоборот. Мальчик поднялся в спальню и закрыл за собой дверь. За окном, в отдалении он смутно различал сад скульптур. И снова очертания каменной ограды окутывал туман, густой и непроницаемый.

Но на сей раз вихрящаяся мгла напозала не из леса, а будто текла из-за ограды.

Чуть позже, ворочаясь без сна и прилагая титанические усилия, чтобы вытравить из памяти лицо клоуна, Макс вообразил, будто густой туман есть не что иное, как ледяное дыхание доктора Каина, с улыбкой ожидающего часа своего возвращения.

Глава 12

Утром Макс проснулся с ощущением, что голова у него наполнена желатином. То, что он увидел в окно, обнадеживало: день обещал быть жарким и солнечным. Он лениво повернулся и взял с тумбочки свои карманные часы. Сначала Макс решил, что часы испортились. Однако, прижав их к уху, он убедился, что механизм работает прекрасно. Значит, счет времени потерял он сам. Часы показывали полдень.

Макс выскочил из постели и бросился вниз по лестнице. На столе в столовой лежал листок бумаги, исписанный изящным почерком сестры. Макс взял его и прочитал:

«Доброе утро, спящий красавец!

Когда ты прочтешь письмо, я буду с Роландом на пляже. Я одолжила твой велосипед, надеюсь, ты не рассердишься. Сообразив, что ночью ты «был в кино», я не стала тебя будить. Рано утром звонил папа и сказал, что они с мамой еще не знают, когда смогут вернуться домой. Состояние Ирины прежнее, но врачи говорят, что она со дня на день выйдет из комы. Я убедила его, что за нас нечего беспокоиться (это было непросто).

На завтрак, естественно, ничего нет.

Мы будем на пляже. Счастливых сновидений...

Алисия».

Макс три раза прочитал записку, потом положил ее обратно на стол. Он бегом взлетел по лестнице и наскоро умылся. Надев плавки и набросив голубую рубашку, он поспешил в гараж за вторым велосипедом. Как только Макс выехал на дорогу, тянувшуюся вдоль пляжа, его желудок громко потребовал законную утреннюю порцию пищи. Добравшись до городка, Макс взял курс на пекарню на площади муниципалитета. Восхитительный аромат свежей выпечки, распространявшийся на пятьдесят метров от пекарни, и одобрительное урчание желудка убедили мальчика в том, что он выбрал правильное направление. Съев три кекса и две шоколадки, Макс возобновил путь на пляж с улыбкой блаженства на лице.

Велосипед Алисии мирно покоился на подставке в начале тропинки, спускавшейся на пляж, где Роланд построил хибару. Макс поставил своего коня рядом с велосипедом сестры и подумал, что, хотя городок мало похож на место, где полно воров, было бы не лишним купить замки. Он задержался, посмотрев на маяк, высившийся на скалистом утесе, а затем направился к пляжу. В маленькую бухту вела дорожка, сплошь заросшая высокой травой. Макс, не дойдя до конца тропинки метра два, резко остановился.

На краю берега, примерно в двадцати метрах от того места, где замер мальчик, на песке, наполовину погрузившись в воду, лежала Алисия. Роланд склонился над ней и, обнимая за талию, опустил голову и поцеловал ее в губы. Макс отступил на шаг и притаился в высокой траве, надеясь, что его не успели заметить. Застыв неподвижно, он размышлял, как теперь поступить. Появиться как ни в чем не бывало с дурацкой улыбкой и поздороваться с сестрой и приятелем? Или лучше пойти прогуляться?

Макс не имел привычки подглядывать, но в тот момент не смог подавить желание снова бросить взгляд сквозь стебли луговой травы на сестру и Роланда. Макс слышал их смех и видел, как Роланд застенчиво гладил тело сестры. Его руки дрожали, выдавая волнение: он переживал важный для себя момент, и для него наверняка это был первый сколько-нибудь серьезный опыт отношений с девушками. Макс стало любопытно, является ли и для Алисии этот опыт первым. К своему удивлению, он понял, что не в состоянии найти неизвестную величину для

данного уравнения. Сестра оставалась для него загадкой, хотя они всю жизнь прожили бок о бок под одной крышей.

То, что Макс увидел на пляже, повергло его в замешательство. Он с самого начала чувствовал, что между Алисией и Роландом возникло явственное взаимное влечение, но одно дело воображать и совершенно другое – видеть собственными глазами, к чему это приводит. Он подался вперед, чтобы взглянуть на парочку еще раз, но вдруг почувствовал, что не имеет права тут находиться: это мгновение принадлежит только его сестре и Роланду. Стараясь ступать бесшумно, Макс вернулся к велосипеду и покинул берег.

Удаляясь в противоположную от пляжа сторону, он спрашивал себя, уж не ревнует ли он. Может, все дело было в том, что, пока они мирно росли вместе, он привык считать, что сестра – просто большая девочка, у которой нет никаких секретов, и она, конечно, не может целоваться с парнями. Собственная наивность даже рассмешила его. Не сразу, а как-то постепенно, он начал радоваться тому, что увидел. Он не мог предсказать, что произойдет через неделю, а тем более к концу лета, однако в тот день и час не сомневался, что сестра счастлива. Впервые за много лет Макс мог хоть что-то сказать о ней с уверенностью.

Мальчик опять приехал в центр городка и остановил велосипед у здания местной библиотеки. У входа находился старый застекленный стенд, где были указаны часы работы библиотеки, а также висели другие сообщения, включая месячную афишу единственного на всю округу кинотеатра и карту городка. Макса заинтересовала карта, и он внимательно ее изучил. Топографию города он примерно так себе и представлял.

Карта показывала во всех деталях порт, городской центр, северный берег, где находился дом семьи Карвер, бухту «Орфея», маяк, спортивную площадку рядом с вокзалом и городское кладбище. Макса внезапно осенило. Городское кладбище! Ну как он раньше не подумал? Макс сверился с часами – было десять минут третьего. Он сел на велосипед и покатил по центральному бульвару города, направляясь к маленькому кладбищу, где предполагал найти могилу Якоба Флейшмана.

Местное кладбище представляло собой прямоугольник, обнесенный оградой. Оно было разбито на пригорке в конце длинной аллеи, засаженной кипарисами. Ничего особенного. Каменная стена выглядела слегка обветшалой, само кладбище по виду ничем не отличалось от любого другого погоста в маленьком поселении, где навещают усопших лишь два раза в год, а в остальное время посетителей мало – не считая церемоний похорон. Ворота были открыты, и металлическая табличка, тронутая ржавчиной, сообщала, что посетители допускаются на территорию с девяти до пяти часов дня летом и с восьми до четырех зимой. Если на кладбище имелся сторож, Макс его не заметил.

По дороге на кладбище воображение рисовало ему мрачное, зловещее место, но сияющее солнце первого летнего месяца сообщало обителю усопших сходство с монастырским двориком, благостным и проникнутым светлой печалью.

Макс прислонил велосипед к стене с внешней стороны и ступил на освященную землю. На небольшом пространстве теснились скромные усыпальницы, принадлежавшие, наверное, семьям, чья история в этом городе исчислялась многими поколениями. Вокруг высились более современные по архитектуре стены с нишами для урн.

Макс не исключал возможности, что Флейшманы в свое время пожелали похоронить маленького Якоба подальше от этих мест. Но внутренний голос подсказывал ему: останки наследника доктора покоятся в том же городке, где мальчик родился. Макс искал могилу Якоба около получаса и все-таки нашел в дальнем конце кладбища, под сенью двух старых кипарисов. Это оказался маленький каменный мавзолей, на котором оставили отпечатки время и непогода. Его окружала аура заброшенности и забвения.

Склеп был сооружен в форме узкого одноэтажного домика из мрамора, ныне почерневшего и покрытого грязными разводами. По бокам кованых ворот портала высились статуи двух ангелов, обративших скорбный взор к небесам. Между ржавыми балясинами ворот с незапамятных времен лежал букет засохших цветов.

Это место навевало грусть. Отголоски боли и трагедии, казалось, еще витали в воздухе, хотя было очевидно, что сюда очень давно никто не приходил. Ко входу в мавзолей вела короткая тропка, выложенная каменными плитами. Макс прошел по плитам и остановился у порога. Ворота были приоткрыты, из глубины склепа исходил затхлый запах. Вокруг стояла мертвая тишина. Макс в последний раз посмотрел на ангелов, охранявших покой Якоба Флейшмана, и вошел, осознавая, что если промедлит еще минуту, то пустится наутек.

Камера мавзолея тонула в полумраке. Макс смутно различил увядшие стебли цветов на полу, выстилавшие ковер к подножию могильного камня, на котором рельефными буквами было начертано имя Якоба Флейшмана. Но обнаружилось кое-что еще. Под именем ребенка, у плиты, под которой покоились останки, красовалась шестиконечная звезда, вписанная в круг.

Макса пронизала дрожь, и впервые он задался простым вопросом: с какой стати он пришел на кладбище один? Солнечный свет за спиной как будто слегка померк. Макс достал часы и взглянул на циферблат. Ему вдруг стало не по себе от абсурдной мысли, что он, забыв о времени, пробыл на кладбище слишком долго, а теперь сторож запер ворота, поймав его в ловушку. К счастью, стрелки показывали лишь начало четвертого. Макс перевел дух и расслабился.

Он в последний раз окинул взором камеру и, удостоверившись, что ничего нового о докторе Каине тут не узнает, собрался уходить. И в этот момент он заметил, что находится в склепе не один. По потолку крадучись, как неведомое насекомое, двигалась темная тень. Часы выскользнули из вмиг вспотевших пальцев. Макс поднял голову. Один из каменных ангелов, которых мальчик видел у входа, шел по потолку! Статуя остановилась, повернула голову, свисавшую вниз, к Максусу и, ощерившись в злобной улыбке, обвиняющим жестом указала на него точеным пальцем. Медленно черты изваяния стали расплываться, и лицо ангела преобразилось в знакомую физиономию клоуна, маску доктора Каина. Макс прочитал ярость и ненависть в его пылающих глазах. Мальчик подался к выходу, порываясь бежать, но ноги его не слушались. Спустя мгновение призрак растворился в сумраке. Пять бесконечных секунд Макс стоял словно парализованный.

Как только к нему вернулась способность нормально дышать, он ринулся к выходу и бежал, не задерживаясь и не оглядываясь назад, пока не добрался до велосипеда и ворота кладбища не остались далеко позади. Безумная гонка помогла мало-помалу взять себя в руки. Макс понял, что злую шутку с ним сыграло неумное воображение и он стал жертвой собственных страхов. Тем не менее он решительно отверг саму мысль прямо сейчас вернуться в склеп за оброненными часами. Успокоившись, Макс снова выехал на берег. На сей раз он спешил повидаться не с Алисией и Роландом, а со старым смотрителем маяка. Со вчерашнего вечера у Макса накопилось к нему немало вопросов.

Старик предельно внимательно выслушал рассказ о происшествии на кладбище. Когда Макс выложил все до конца, смотритель задумчиво кивнул и жестом пригласил его сесть рядом.

– Я могу говорить откровенно? – спросил Макс.

– Именно этого я и ожидаю, молодой человек, – ответил старик. – Смелее.

– Мне кажется, вчера вы нам рассказали далеко не все, что вам известно. Не спрашивайте, почему я так думаю. Просто внутреннее чувство, – сказал Макс.

Выражение лица смотрителя оставалось невозмутимым.

– Что еще ты думаешь, Макс? – спросил Виктор Крей.

– Я думаю, этот доктор Каин, или кто он там, что-то затевает. И осуществит свой замысел очень скоро, – продолжал Макс. – И я считаю, что происшествия последних дней, по сути, являются предзнаменованиями того, что грядет.

– «Того, что грядет...» – повторил смотритель. – Любопытная манера выражаться, Макс.

– Послушайте, господин Крей, – перебил Макс, – я только что чуть не умер от страха. Уже на протяжении нескольких дней происходят очень странные события, и я уверен, что моей семье, вам, Роланду и мне грозит какая-то опасность. И меньше всего я расположен разгадывать новые загадки.

– Это мне нравится. Прямо и безапелляционно, – невесело засмеялся Виктор Крей. – Видишь ли, Макс, вчера я рассказывал вам о докторе Каине не для того, чтобы вас развлечь или вспомнить прежние времена. Я сделал это затем, чтобы вы понимали, что творится, и соблюдали осторожность. Ты испытываешь тревогу всего несколько дней, а я провел двадцать пять лет на маяке с единственной целью: не выпускать из вида злобную тварь. И в этом заключается смысл моей жизни. Я тоже буду с тобой откровенен, Макс. Я не собираюсь пустить на ветер двадцать пять лет потому, что какой-то мальчишка, едва приехав, решил поиграть в детектива. Может, мне вообще не стоило вам ничего говорить. И может, тебе лучше забыть, о чем я говорил, и держаться подальше от скульптур и моего внука.

Макс открыл рот, желая запротестовать, но смотритель маяка взмахом руки заставил его замолчать.

– Я рассказал больше, чем вам следует знать, – жестко сказал Виктор Крей. – Не торопи события, Макс. Забудь о Якобе Флейшмане и сегодня же сожги пленки. Лучшего совета я тебе дать не могу. А теперь, мальчик, уходи отсюда.

Виктор Крей наблюдал, как Макс катит на велосипеде вниз с холма. Он был суров и несправедлив к мальчику, но его слова были продиктованы благоразумием, и в глубине души старик не сомневался, что иначе поступить не мог. Мальчик обладал острым умом, и обмануть его было непросто. Макс сообразил, что от них скрыли часть информации, но не подозревал, насколько важен секрет. События развивались стремительно, и сейчас, спустя четверть века, страх и тревога из-за нового пришествия доктора Каина обрели осязаемые формы. К сожалению, это случилось именно теперь, на закате жизни Виктора Крея, когда он чувствовал себя бесконечно слабым и одиноким.

Смотритель маяка попытался избавиться от горестных мыслей о своем существовании, неразрывно связанном с темной страшной личностью – от грязного предместья в городе своего детства до заключения на маяке. Владыка Тумана отнял у него лучшего друга детства, единственную женщину, которую он когда-либо любил, и, наконец, украл каждую минуту долгих лет зрелости, сделав собственной тенью. Нескончаемыми ночами во время дежурства на маяке Крей привык рисовать в воображении, как могла сложиться его жизнь, если бы волей судьбы он не встретил на пути могущественного мага. И он прекрасно осознавал, что воспоминания, которые достанутся ему в утешение под занавес, будут лишь фантазией о непрожитой жизни.

Последние надежды Виктор Крей возлагал теперь на Роланда, клятвенно пообещав себе, что подарит ему будущее, не омраченное этим навязчивым кошмаром. Времени осталось очень мало, и силы у него уже были не те, что прежде. Всего через два дня исполнялось ровно двадцать пять лет с той роковой ночи, когда «Орфей» потерпел крушение близ берега. Виктор Крей чувствовал, как с каждой минутой Каин набирает силу.

Старик подошел к окну и посмотрел на силуэт затонувшего «Орфея», темневший на дне бухты. Солнце сияло на горизонте. До сумерек оставалось несколько часов. А потом наступит ночь, возможно, последняя ночь его дозора на сторожевой башне маяка...

Когда Макс переступил порог дома на берегу, записка Алисии по-прежнему лежала на столе. Из этого следовало, что сестра пока не вернулась и наслаждается обществом Роланда. Одиночество, воцарившееся в пустом доме, было созвучно собственному душевному состоянию Макса в тот момент. В ушах мальчика все еще звучали слова старика. И хотя резкость смотрителя маяка ранила, Макс не чувствовал обиды. Он был глубоко убежден: старик многое скрывает. Но он также не сомневался, что у смотрителя имелись серьезные основания так поступать. Макс поднялся к себе в комнату и растянулся на кровати, подумав, что загадка оказалась ему не по зубам. И хотя все части головоломки лежали как на ладони, он не знал, каким образом сложить их в единое целое.

Может, следовало послушать совета Виктора Крея и забыть обо всем сверхъестественном, хотя бы ненадолго? Макс покосился на тумбочку у кровати и увидел, что там все еще лежит заброшенная несколько дней назад книга о Копернике. Она была лучшим противоядием, замешанным на рациональном мышлении, против окружавших его мистических секретов. Макс открыл книгу на странице, где остановился, и попытался вникнуть в рассуждения о законах движения планет в космосе. Возможно, помощь Коперника – именно то, чего ему не хватало, чтобы распутать клубок тайн. Однако в который уже раз стало понятно: Коперник выбрал неправильную эпоху, чтобы явиться в этот мир. В бесконечной Вселенной существовала масса явлений, недоступных пониманию человека.

Глава 13

Поздним вечером, когда Макс уже поужинал и осталось дочитать только десять страниц, послышалось шуршание шин велосипедов, въезжавших в сад перед домом. До Макса донеслось невнятное журчание голосов Роланда и Алисии – они шептались потом еще около часа на террасе внизу. Около полуночи Макс снова положил книгу на тумбочку и погасил ночник. Наконец он услышал, как Роланд уехал по прибрежной дороге, а на лестнице раздался звук негромких размеренных шагов Алисии. Она замерла на миг у двери его спальни, а потом последовала дальше до своей комнаты. Макс слышал, как сестра укладывалась на постель, сбросив туфли на деревянный пол. Он представил картину, как утром на пляже Роланд целовал Алисию, и заулыбался в темноте. Он не сомневался, что впервые в жизни сестра заснет намного позже его.

На следующее утро Макс встал чуть свет. На заре он уже катил на велосипеде, взяв курс на городскую пекарню. Макс собирался купить вкусный завтрак, чтобы Алисия, не дай Бог, не вздумала готовить сама – хлеб с джемом, маслом и молоком. Спозаранок городок был исполнен безмятежного покоя, что живо напомнило Максиму атмосферу воскресного утра в столице. Лишь редкие молчаливые прохожие нарушали глубокий сон улиц, где даже дома с закрытыми ставнями казались спящими.

Вдалеке, за рейдом порта, рыбацьи шлюпки из местной флотилии выходили в открытое море, чтобы вернуться на закате. Булочник и его дочка, розовощекая толстушка, раза в три упитаннее, чем Алисия, поздоровались с Максом и, упаковывая для него горку булочек с пылу с жару, осведомились о состоянии Ирины. Новости в городке разносились быстро. Доктор, видимо, не только ставил градусники, посещая пациентов на дому.

Макс успел вернуться, пока от сдобы еще исходил восхитительный аромат горячей выпечки. Без часов он не мог определить время точно – но, по его расчетам, выходило, что было около восьми. Ввиду малопривлекательной перспективы дожидаться пробуждения Алисии, чтобы позавтракать, Макс решил пуститься на хитрость. Оправданием служил горячий завтрак. Мальчик сервировал поднос, нагрузив его трофеями из пекарни, стаканами с молоком и парой салфеток. Поднявшись по лестнице, он подошел к спальне Алисии. Макс стучал в дверь, пока сестра не пробормотала сонным голосом что-то неразборчивое.

– Обслуживание номеров, – сказал Макс. – Можно войти?

Толкнув дверь, он ступил в комнату. Алисия лежала, спрятав голову под подушку. Макс обвел взглядом комнату, обратив внимание на одежду, висевшую на стульях, и обширную галерею личных принадлежностей сестры. Комната женщины всегда представлялась Максиму своего рода чарующей тайной.

– Считаю до пяти, – объявил Макс, – и начинаю завтракать.

Алисия высунулась из-под подушки и с наслаждением вдохнула аромат топленого масла.

Роланд дожидался друзей на берегу, одетый в старые штаны с обрезанными брючинами, порой служившие ему плавками. Рядом с ним на воде покачивалась маленькая лодка, около трех метров в длину. Лодчонка имела такой вид, словно тридцать лет провела под палящим солнцем у самого моря. Дерево приобрело сероватый оттенок, который с грехом пополам маскировали редкие пятна голубой краски, еще не успевшей осыпаться. Тем не менее Роланд взирал на суденышко с восторгом, словно оно было не хуже шикарной прогулочной яхты. Макс отметил, что Роланд вывел на носу «лайнера» название «Орфей II». Судя по тому, что буквы не высохли, приятель занимался искусством не далее как нынешним утром.

– И давно у тебя эта лодка? – спросила Алисия, кивая на утлое плавсредство, куда Роланд уже погрузил акваланги и две корзины, в которые что-то упаковал.

– Целых три часа. Один местный рыбак хотел порубить ее на дрова, но я его отговорил, и он подарил мне лодку в обмен на услугу, – пояснил Роланд.

– Услугу? – изумился Макс. – Да это он тебе был должен, а не ты ему.

– Можешь оставаться на берегу, если хочешь, – насмешливо откликнулся Роланд. – Пассажиры – на борт.

Выражение «на борт» казалось совершенно неуместным применительно к данному судну. Однако, проплыв пятнадцать метров, Макс признал, что его прогноз о немедленном кораблекрушении не оправдался. Лодка уверенно слушалась весел, которыми энергично работал Роланд.

– Я принес кое-какое изобретение. Вы удивитесь, – сообщил Роланд.

Макс покосился на одну из закрытых корзин и приподнял крышку.

– Что это? – пробормотал он.

– Подводное окно, – объяснил Роланд. – На самом деле это ящик со стеклом вместо днища. Если положить его на воду, то можно увидеть, что в глубине, без всякого погружения. Получается вроде окна.

– По крайней мере ты хоть что-то увидишь, – резюмировал Макс, обращаясь к сестре.

– А кто тебе сказал, что я останусь в лодке? Сегодня моя очередь нырять, – ответила Алисия.

– Твоя?! Да ты не умеешь нырять! – воскликнул Макс, желая позлить сестру.

– Если барахтаться, как ты пару дней назад, означает нырять, то нет, не умею, – отшутилась Алисия, не собираясь выкапывать топор войны.

Роланд продолжал грести, не вмешиваясь в перепалку брата с сестрой, чтобы не подливать масла в огонь. Метрах в сорока от берега он достал весла из воды. Под ними на дне вытянулась темная тень остова «Орфея» – словно большая акула залегла на песок в ожидании добычи.

Роланд открыл вторую корзину и вытащил ржавый якорь, привязанный к толстому и довольно потертому тросу. При виде снаряжения Макс решил, что весь этот хлам явился частью сделки, заключенной Роландом во имя спасения убогого суденышка от участи, достойной (и соответствующей) его состоянию.

– Поберегись! – крикнул Роланд, бросая якорь в море. Увесистый кусок железа вертикально упал на дно, подняв фонтанчик пузырьков и утянув за собой метров пятнадцать троса.

Роланд дал течению отнести лодку на пару метров в сторону и привязал якорный трос к колечку на носу. Суденышко слегка покачивалось, гонимое ветром, трос натянулся, отчего остов лодочки жалобно заскрипел. Макс с подозрением покосился на швы корпуса.

– Мы не утонем, поверь моему слову, – успокоил приятеля Роланд, доставая из корзины подводное окно и укладывая его на воду.

– Так говорил капитан «Титаника», прежде чем отдать швартовы, – возразил Макс.

Алисия нагнулась, чтобы заглянуть в ящик, и впервые увидела остов «Орфея», покоившийся на дне.

– Фантастика! – воскликнула она, пораженная открывшимся ей зрелищем.

Роланд довольно улыбнулся и протянул ей маску и ласты.

– Наверное, не терпится рассмотреть его вблизи, – сказал он, надевая акваланг.

Первой в воду прыгнула Алисия. Роланд бросил на Макса ободряющий взгляд:

– Не волнуйся. Я за ней присмотрю. Ничего с ней не случится, – заверил он.

Роланд соскочил в море и подплыл к Алисии, ждавшей его метрах в трех от лодки. Оба помахали Максу и тотчас скрылись в глубине.

Под водой Роланд взял Алисию за руку и стал неторопливо спускаться вместе с ней, словно паря над «Орфеем». Температура воды оказалась немного ниже, чем в тот день, когда он в последний раз тут нырял с Максом. И чем глубже ребята погружались, тем ощутимее становился холод. Роланд привык к подобным явлениям. Такое случалось в начале лета. Перепад температур особенно чувствовался на глубине шести-семи метров, в русле сильного подводного течения, приходившего из открытого моря. Оценив ситуацию, Роланд автоматически принял решение: в такой день ни Алисии, ни Максиму нельзя нырять вместе с ним на дно, где лежал «Орфей». Тем более что до конца лета у них еще будет немало возможностей для полноценных погружений.

Алисия и Роланд поплыли вдоль затонувшего судна. Время от времени они поднимались на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха и спокойно полюбоваться кораблем, омытым рассеянным отраженным светом, струившимся со дна. Роланд чувствовал, как взбудоражена Алисия, и не спускал с нее глаз. Он понимал, что удовольствия от погружения сегодня не получит.

Когда ныряешь с кем-то, особенно с неопитами вроде его новых друзей, неизбежно приходится исполнять роль подводной няньки. Несмотря на все трудности, Роланд с большой радостью был готов разделить с Алисией и ее братом волшебный мир, много лет принадлежавший ему одному. Он чувствовал себя как гид в необычном музее, который ведет посетителей на феерическую экскурсию по затонувшему собору.

Подводное путешествие включало также и другие приятные моменты. Ему нравилось смотреть, как Алисия движется под водой. С каждым гребком мышцы девочки напрягались, а кожа отливала голубоватым светом. На самом деле Роланд чувствовал себя более уверенно, наблюдая за ней под водой, когда она не замечала его взволнованного взгляда. Они снова поднимались наверх, чтобы подышать. Лодка, в которой остался Макс, лежала в дрейфе на расстоянии двадцати метров от них. Алисия восторженно улыбнулась. Роланд ответил на улыбку, но при этом подумал, что, пожалуй, лучше вернуться на лодку.

– А мы можем спуститься на корабль и забраться внутрь? – спросила Алисия, задыхаясь.

Роланд обратил внимание, что руки и ноги девочки покрылись гусиной кожей.

– Только не сегодня, – ответил он. – Возвращаемся на лодку.

Алисия перестала улыбаться, уловив тень беспокойства на лице Роланда.

– Что-то случилось?

Он непринужденно улыбнулся ей и покачал головой, не желая портить момент разговорами о подводных течениях, температура которых не превышает пяти градусов.

Алисия послушно направилась к лодке, и в этот миг сердце Роланда едва не выпрыгнуло из груди. У них под ногами по дну бухты скользила темная тень. Алисия повернулась и посмотрела на него. Роланд велел ей плыть к лодке без промедления, а сам опустил голову под воду, чтобы понять, что творится на дне.

Черный силуэт, похожий на огромную рыбу, описывал дуги вокруг остова «Орфея». Сначала Роланд принял существо за акулу, но, присмотревшись внимательнее, понял, что ошибся. Мальчик плыл за Алисией, не отрывая взгляда от извивавшейся тени, похожей, преследовавшей их. Неведомое существо держалось в тени «Орфея», избегая попадать в полосу света. Роланду удалось различить только длинное тело, как у гигантской змеи, и странные тусклые огоньки, струившиеся по нему, словно шлейф мерцающих бликов. Обратив лицо к лодке, он определил, что до нее осталось больше десяти метров. Роланд взглянул на дно и удостоверился, что существо выходит на свет и неторопливо устремляется к ним.

Молясь, чтобы Алисия не заметила тварь, Роланд схватил девочку за руку и вместе с ней рванулся что было сил к лодке. Встревоженная Алисия растерянно посмотрела на него.

– Плыви к лодке! Быстро! – закричал Роланд.

Алисия не понимала, что происходит, но лицо Роланда было искажено страхом, и она не стала терять время на размышления или споры, сделав, как он велел. Крик Роланда насторожил Макса, заметившего, что его друг и сестра во весь дух плывут к суденышку. А мгновение спустя он увидел темную тень, поднимающуюся из глубины.

– Боже мой! – прошептал он, оцепенев.

Роланд толкал Алисию вперед, пока не почувствовал, что она коснулась борта. Макс поспешил схватить сестру под мышки и стал вытаскивать ее из воды. Алисия с силой оттолкнулась ластами и, перевалившись через борт, упала на Макса. Роланд глубоко вздохнул и приготовился тоже забраться в лодку. Макс уже протягивал ему руку, явно увидев нечто кошмарное за его спиной. На лице друга Роланд прочитал ужас. Пальцы Роланда выскользнули из руки Макса, и его охватило нехорошее предчувствие, что живым он из воды не выйдет. Вокруг ног медленно сжимались ледяные объятия, а затем его с неукротимой силой повлекло в глубину...

Преодолев первый приступ паники, Роланд открыл глаза и смог наконец разглядеть, что за тварь тащила его в темную пучину вод. На миг ему показалось, что он в плену галлюцинации. То, что находилось у него перед глазами, являлось не твердым телом, а некой странной формой, образованной из субстанции, похожей на жидкость очень высокой плотности. Роланд понаблюдал за водяной химерой, порождением кошмара, непрерывно извивавшейся и сворачивавшейся кольцами, а потом попытался высвободиться из смертоносных объятий.

Водяная тварь изогнулась, и к Роланду обратилось фантастическое лицо – лицо клоуна, которое много раз ему снилось. Клоун разинул огромную пасть с торчащими клыками, длинными и острыми, точно нож мясника, глаза его стали увеличиваться, пока не достигли размера чайного блюдца. Роланд почувствовал, что начинает задыхаться. Тварь, чем бы она ни была, могла изменять облик по желанию, и ее намерения не вызвали сомнений: затащить Роланда в затонувший корабль. Пока Роланд прикидывал, как долго он еще сможет задерживать дыхание, прежде чем сдастся и наглотается воды, свет вокруг него померк. Он находился в недрах «Орфея», окруженный непроницаемой темнотой.

Натянув маску, Макс судорожно сглотнул, мысленно приготовившись к погружению. Он хотел попытаться спасти Роланда, прекрасно осознавая, что его отвага не имеет смысла. Во-первых, он едва умел нырять. Во-вторых, даже если бы умел, Макс даже представить боялся, что произойдет, если на дне за ним погонится жуткое существо, схватившее Роланда. Однако он не мог спокойно сидеть в лодке, бросив друга на произвол судьбы. Пока Макс надевал ласты, в его голове крутились сотни логичных объяснений случившегося. Роланда свела судорога, от перепада температуры начался какой-то приступ... Любое предположение казалось лучше, чем признание факта, что существо, у него на глазах утащившее Роланда в пучину, было реальным.

Прежде чем нырнуть, Макс в последний раз обменялся взглядом с Алисией. На лице сестры ясно читалась борьба между желанием спасти Роланда и страхом, что брата постигнет та же участь. Не дожидаясь момента, когда здравый смысл одержит верх над решимостью, Макс прыгнул, погрузившись в прозрачные воды бухты. У него под ногами, сколько видел глаз, простирался остов «Орфея». Макс заработал ластами, поплыв к носовой части судна, – именно там, как он успел заметить, в последний раз мелькнул и пропал силуэт Роланда. Максу почудилось, что сквозь щели затонувшего корабля он видит слабое мерцание. Оно постепенно превращалось в ровное свечение, проистекая из пробоины, двадцать пять лет назад проделанной рифами в днище корабля. Макс направился к отверстию в корпусе. Создавалась иллюзия, будто кто-то зажег сотню свечей внутри «Орфея».

Зависнув прямо над дырой в корпусе, Макс поднялся на поверхность, набрал в легкие воздуха и нырнул снова, погружаясь без остановки до тех пор, пока не коснулся корабля. Спуститься на десять метров в глубину оказалось намного труднее, чем он воображал. На полпути

он ощутил болезненное давление в ушах и перепугался, что барабанные перепонки лопнут под водой. Как только мальчик попал в холодное подводное течение, мышцы всего тела напряглись, словно стальные тросы, и пришлось отчаянно работать ластами, чтобы течение не увлекло его за собой как сухой лист. Макс крепко вцепился в обшивку судна и постарался успокоиться. Легкие горели. Он находился на грани паники и прекрасно это осознавал. Подняв голову, Макс увидел крошечную точку – дно дрейфовавшей на поверхности лодки, показавшейся ему бесконечно далекой. Мальчик понял, что если он не начнет действовать немедленно, то все мучения окажутся напрасными.

Свечение явственно исходило из трюмов, и Макс поплыл, руководствуясь этим ориентиром. В призрачном освещении полость затонувшего корабля представляла фантастическим зрелищем, напоминая зловещий подводный лабиринт. Макс очутился в коридоре, где, точно стая медуз, плавали лохмотья парусины. В конце коридора он заметил приоткрытую шлюзовую дверь, за которой, похоже, скрывался источник света. Не обращая внимания на тошнотворные прикосновения гнилой парусины к коже, Макс схватился за ручку двери и налег на нее изо всех сил.

Дверь вела в один из главных грузовых отсеков трюма. В центре помещения Роланд боролся, пытаясь высвободиться из хватки водяной твари, теперь принявшей обличье клоуна из сада скульптур. Свечение, которое видел Макс, излучали глаза шута, жестокие и непропорционально большие для его физиономии. Макс ворвался в отсек. Тварь вскинула голову и посмотрела на него. Макса охватило инстинктивное желание немедленно исчезнуть отсюда. Но друг попал в беду, и Макс мужественно выдержал обращенный на него взгляд, исполненный безумной ярости. Черты лица твари изменились, и Макс в следующий миг узнал каменного ангела с местного кладбища.

Роланд прекратил извиваться и замер без движения. Тварь выпустила его, и Макс, не дожидаясь дальнейших действий существа, поплыл к другу и схватил его за руку. Роланд лишился сознания. Если его не поднять на поверхность прямо сейчас, то он лишится и жизни. Макс потянул Роланда к двери. И в этот момент тварь с телом ангела и лицом клоуна с длинными острыми клыками бросилась на него, вытянув вперед когтистые лапы. Макс выпрямил руку и вонзил кулак в лицо твари: это была всего лишь вода, такая холодная, что мальчик ощутил жгучую боль. Доктор Каин снова проделывал грязные трюки.

Макс отдернул руку, и кошмарное видение исчезло, а вместе с ним и свет. Макс, почти исчерпав запас кислорода, потащил Роланда по коридору к выходу. Когда он выбрался из корабля, его легкие были готовы лопнуть. Не в силах сдерживать дыхание ни секунды, Макс выпустил изо рта весь воздух. Крепко схватив бесчувственного Роланда, он устремился к поверхности моря, с силой отталкиваясь ластами. Макс понимал, что от недостатка воздуха может потерять сознание в любой момент.

Подъем с десятиметровой глубины был сплошной мукой и казался бесконечным. Когда Макс наконец вынырнул на поверхность, он словно родился заново. Алисия бросилась в воду и поплыла к ним. Макс глубоко дышал, пытаясь преодолеть острую боль в груди. Поднять Роланда в лодку оказалось непросто. Макс заметил, что Алисия, стараясь вытолкнуть из воды их неподвижного друга, царапает кожу рук о зазубренные борта.

Как только брату и сестре удалось затащить Роланда в лодку, они перевернули его ничком и принялись нажимать на спину, чтобы из легких вылилась вода. Алисия, обливаясь потом, исцарапанная до крови, схватила Роланда за руки и стала делать ему искусственное дыхание. Отчаявшись, она вдохнула поглубже и, зажав ноздри мальчика, выдохнула весь воздух ему в рот. Процедуру пришлось повторить пять раз, прежде чем она возымела должный эффект. Роланд резко дернулся и стал в конвульсиях извергать морскую воду, Макс же пытался его удержать.

Наконец Роланд открыл глаза, и на его смертельно бледное лицо стала медленно возвращаться краска. Макс помог ему сесть и поддерживал, пока ритм дыхания мало-помалу не восстановился.

– Я в порядке, – пробормотал заплетающимся языком Роланд, вскинув руку, чтобы успокоить друзей.

Алисия уронила руки и громко расплакалась. Макс ни разу не видел, чтобы она так отчаянно рыдала.

Макс подождал пару минут, желая убедиться, что Роланд способен сидеть самостоятельно, затем сел на весла и взял курс к берегу. Роланд молча смотрел на него. Макс спас ему жизнь. Этот растерянный, исполненный благодарности взгляд друга Макс запомнит навсегда.

Брат с сестрой уложили Роланда на кровать в хижине на пляже и укутали одеялами. Никто из них не испытывал желания обсуждать происшествие, во всяком случае, в тот момент. Впервые угроза, исходившая от Владыки Тумана, сделалась столь болезненно осязаемой, и было невозможно подобрать слова, чтобы выразить в полной мере тревогу, которую они все ощущали. Здравый смысл подсказывал: прежде всего следует заняться насущными проблемами. Так они и поступили. Роланд хранил в хижине аптечку первой помощи, и Макс воспользовался ею, чтобы продезинфицировать ранки сестре. Роланд заснул в считанные минуты. Алисия смотрела на него с жалостью и беспокойством.

– С ним все будет хорошо. Он вымотался, вот и все, – сказал Макс.

Алисия перевела взгляд на брата.

– А ты как? Ты спас ему жизнь, – прошептала она дрожащим голосом, выдававшим волнение. – Никто не смог бы сделать того, что сделал ты, Макс.

– Он сделал бы то же самое для меня, – уточнил Макс, которому не хотелось говорить на эту тему.

– Как ты себя чувствуешь? – не унималась сестра.

– Честно? – спросил Макс.

Алисия кивнула.

– Думаю, меня вот-вот стошнит, – невесело улыбнулся мальчик. – В жизни себя хуже не чувствовал.

Алисия пылко обняла брата. Макс стоял неподвижно, опустив руки, не понимая, что это означает: проявление сестринской любви или реакция после пережитого ужаса, когда они пытались вернуть к жизни Роланда.

– Я люблю тебя, Макс, – шепнула Алисия. – Слышишь?

Макс молчал в растерянности. Алисия выпустила его из объятий и повернулась к нему спиной, встав лицом к двери. Макс догадался, что она плачет.

– Не забывай об этом, братец, – пробормотала девочка. – А теперь поспи. Я тоже лягу.

– Если я сейчас засну, то буду спать вечность, – вздохнул Макс.

Через пять минут вся троица крепко спала в хижине на пляже, и ничто в мире не смогло бы их разбудить.

Глава 14

На закате Виктор Крей остановился в ста метрах от дома, где Ева Грей, единственная женщина, которую он любил по-настоящему, произвела на свет Якоба Флейшмана. Снова увидев белый фасад виллы, он разбередил душевные раны, казалось, давно и навсегда закрывшись. Свет в доме не горел, и жилище выглядело покинутым. Виктор решил, что дети до сих пор развлекаются с Роландом в городке.

Смотритель маяка приблизился к дому и зашел за окружавший его белый забор. Хорошо знакомые дверь и окна сверкали в последних лучах солнца. Он пересек сад и задний двор и вышел на луг, простиравшийся за домом. Вдалеке вставал лес, а на опушке виднелся сад скульптур. Крей очень давно не бывал в этом месте. Он опять остановился, рассматривая сад скульптур издали. То, что находилось за его стенами, внушало старику трепет. Сквозь темные прутья ворот просачивались языки плотного тумана, стелившегося по направлению к дому.

Виктор Крей боялся и чувствовал себя дряхлым. Страх, разъедавший душу, был сродни тому, что терзал его десятки лет назад в переулках промышленного пригорода, где он впервые услышал голос Владыки Тумана. И теперь, под занавес жизни, круг замыкался, и с каждым новым ходом в игре он все отчетливее понимал, что у него не осталось тузов для заключительной ставки.

И все же смотритель маяка решительным шагом дошел до ворот сада скульптур. Туман, наплывавший из сада, моментально окутал его до пояса. Виктор Крей дрожащей рукой вынул из кармана пальто старый револьвер, который тщательно зарядил перед выходом из дома, и мощный фонарь. Вскинув оружие, он ступил за каменную ограду, зажег фонарь и осветил сад. В ярком луче перед ним открылась поразительная панорама. Виктор Крей опустил револьвер и протер глаза, решив, что стал жертвой галлюцинации. Произошла какая-то ошибка! Во всяком случае, такого он не ожидал увидеть. Он снова прорезал лучом фонаря туман. Нет, зрение его не обмануло: сад скульптур был пуст.

Виктор Крей растерянно обошел покинутые пьедесталы. Пытаясь привести в порядок свои мысли, он уловил отдаленные раскаты вновь надвигавшейся бури и поднял взор к горизонту. Угрожающая пелена черных клубящихся туч заволакивала небо, словно расплывающееся пятно чернил, пролитых в воду. Молния рассекла небо надвое, и над побережьем грянул гром, как барабанная дробь боевой тревоги перед битвой. Прислушиваясь к литании бури, набиравшей силу в открытом море, Виктор Крей внезапно вспомнил, что уже наблюдал подобное зрелище на борту «Орфея» двадцать пять лет назад. И он понял, что должно произойти.

Макс проснулся в холодном поту и в течение нескольких секунд соображал, где находится. Он чувствовал, что сердце в груди стучит с перебоями, как мотор старого мотоцикла. На расстоянии вытянутой руки он различил знакомое лицо: Алисия спала рядом с Роландом. Макс все еще был в хижине на пляже. Мальчик мог бы поклясться, что его сон длился всего пару минут, хотя на самом деле он проспал около часа. Макс бесшумно встал и вышел на пляж подышать свежим воздухом, пока видения тягостного кошмара – муки удушья на затонувшем «Орфее», где они с Роландом оказались в ловушке, – не выветрятся из головы.

Пляж был пустынным. Высокая волна прилива слизнула с песка лодку Роланда и унесла в открытое море, а там маленькое суденышко подхватило течение и безвозвратно увлекло на просторы безбрежного океана. Макс подошел к кромке берега и смочил лицо и шею прохладной морской водой. Потом он направился к крошечной заводи, образованной излучиной, сел на скалы и опустил ноги в воду в надежде обрести спокойствие, которого не принес ему сон.

Макс интуитивно чувствовал, что в цепи последних событий заключена определенная логика. Воздух был пропитан тревожным ощущением нависшей опасности. И если задуматься,

в явлениях доктора Каина прослеживалась определенная закономерность. С каждым часом его силы как будто прибывали, а его присутствие становилось все более осязаемым. С точки зрения Макса, все это являлось частью сложного механизма, который по деталям, одна за другой, складывался в единое целое, причем его стержнем было покрытое мраком прошлое Якоба Флейшмана. Все укладывалось в единую схему, начиная от загадочных посещений сада скульптур, запечатленных на пленках, найденных в гараже, до неопишуемой твари, чуть не расправившейся с ними нынче.

Учитывая, как обернулось дело днем, Макс пришел к выводу, что они не могут позволить себе роскошь дожидаться новой встречи с доктором Каином, ничего не предпринимая. Было необходимо предвосхищать его действия, научиться предвидеть каждый его шаг. Макс видел для себя лишь одну возможность проникнуть в замыслы доктора Каина: идти по следу, много лет назад оставленному Якобом Флейшманом своими фильмами.

Не считая нужным будить Алисию и Роланда, Макс сел на велосипед и помчался к дому на пляже. Вдалеке, на линии горизонта, из ниоткуда возникла черная точка. Она быстро разбухла и расплзалась в стороны, словно облако смертоносного газа. Надвигалась буря.

Вернувшись домой, Макс зарядил бобину с фильмом в проектор. Пока он доехал от бухты до северной оконечности побережья, температура воздуха заметно понизилась и все продолжала падать. В промежутках между порывами шквального ветра, ударявшего в ставни, слышались первые раскаты грома. Прежде чем расположиться у проектора, Макс сбегал наверх и надел сухую теплую одежду. Деревянные половицы скрипели под ногами, старый дом словно ходил ходуном, угрожая рухнуть под напором ветра. Переодеваясь, Макс увидел из окна своей комнаты, что небо почти полностью потемнело и сумерки стусились часа на два раньше положенного срока. Макс проверил запоры на окне и спустился обратно в гостиную, чтобы посмотреть фильм.

И вновь на стене ожили картины. Макс сосредоточился на изображении. На сей раз камера путешествовала по знакомому интерьеру, показывая коридоры дома на пляже. Макс узнал гостиную, где находился в настоящий момент, сидя рядом с проектором. Отделка и мебель были другими, и дом представал богатым и ухоженным перед оком камеры, медленно перемещавшейся по кругу. В кадре появлялись стены и окна... Казалось, вдруг открылась дверца в ловушке времени, приглашая зайти в гости в дом, каким он был почти десять лет назад.

Ненадолго задержавшись на первом этаже, камера перенесла зрителя наверх.

Очутившись в коридоре, оператор приблизился к двери в дальнем его конце. Эта дверь вела в комнату, где жила Ирина. Створка отворилась, и камера проникла в помещение, окутанное полутьмой. В комнате никого не было. Камера остановилась у стенного шкафа.

Некоторое время на экране ничего не происходило, в пустой комнате не было заметно ни малейшего движения. Но вот внезапно дверь шкафа распахнулась, ударились о стену и закачались на петлях. Макс напряг зрение, тщетно стараясь рассмотреть смутную тень в темном шкафу. Из сумрака вынырнула рука в белой перчатке, державшая блестящий предмет, висевший на цепочке. Макс догадался, что произойдет дальше: из шкафа вышел доктор Каин и улыбнулся в объектив.

Макс узнал овальный предмет, сверкавший в руках Владыки Тумана. Это были часы, подаренные ему отцом на день рождения, часы, которые он выронил в склепе Якоба Флейшмана. Теперь они находились в распоряжении мага, неведомым образом принесшего его самое ценное сокровище в фантастический мир черно-белых картин, рождавшихся из старого проектора.

Камера показала часы крупным планом, и Макс ясно увидел, что стрелки на циферблате крутятся вспять с неправдоподобной скоростью, возраставшей до тех пор, пока различить

их стало невозможно. Вскоре механизм задымился, посыпались искры, и, наконец, луковица вспыхнула. Макс завороженно следил за этой сценой, не в силах отвести взгляд от объятых пламенем часов. Через мгновение камера резко повернулась, и в кадр попали стена комнаты и старый туалетный столик, над которым висело зеркало. Камера приблизилась к зеркалу и замерла, показав изображение ребенка, державшего аппарат у серебристого стекла.

Макс проглотил комок в горле: наконец он встретился лицом к лицу с тем, кто давным-давно делал съемки в этом самом доме. Макс узнал детское улыбающееся лицо мальчика, снимавшего самого себя. На экране он был младше на несколько лет, но черты лица и глаза остались прежними, и за последние дни Макс имел массу возможностей их изучить: Роланд.

Пленка застряла в проекторе, и кадр, застопорившийся перед линзой, начал медленно расплываться на экране. Макс выключил проектор и сжал кулаки, чтобы побороть внезапную дрожь в руках. Роланд оказался Якобом Флейшманом.

Вспышка молнии озарила полутемную гостиную на доли секунды, но Макс успел заметить, что за окном какой-то человек стучит в стекло и жестами просит позволения войти. Макс зажег люстру в комнате и узнал Виктора Крея с мертвенно-бледным, искаженным от ужаса лицом. Судя по его виду, он повстречался с привидением. Макс шагнул к двери и впустил старика. Им было о чем поговорить.

Глава 15

Макс протянул смотрителю маяка чашку горячего чая и стал ждать, когда тот согреется.

Виктор Крей дрожал как осиновый лист, и Макс не знал, что явилось причиной такого его состояния – холодный ветер, пригнанный бурей, или страх, который старик уже был не способен скрывать.

– Что вы там делали, господин Крей? – спросил Макс.

– Я ходил в сад скульптур, – ответил он, взяв себя в руки.

Виктор Крей отпил маленький глоток чая из дымившейся чашки и поставил ее на стол.

– Где Роланд, Макс? – взволнованно спросил старик.

– Зачем он вам? – поинтересовался Макс. Его тон недвусмысленно выражал подозрение.

Смотритель маяка почувствовал его недоверие и принялся беспомощно жестикулировать, будто хотел что-то объяснить, но не находил слов.

– Макс, этой ночью может случиться катастрофа, если мы не вмешаемся, – вымолвил наконец Виктор Крей, осознавая, что это прозвучало не очень убедительно. – Я должен знать, где Роланд. Его жизни угрожает страшная опасность.

Макс молчал, пристально глядя на умоляющее лицо старика. Он не верил ни единому его слову.

– Чья жизнь, господин Крей? Роланда или Якоба Флейшмана? – потребовал ответа Макс, с нетерпением ожидая реакции Виктора Крея.

Старик возвел глаза к небу и удрученно вздохнул.

– По-моему, ты не понимаешь, Макс, – процедил он.

– Думаю, что понимаю. Я знаю, что вы солгали мне, господин Крей, – заявил Макс, с упреком глядя на старика. – Я знаю, кто Роланд на самом деле. Вы с самого начала нас обманывали. Зачем?

Виктор Крей поднялся и подошел к окну, бросив встревоженный взгляд на улицу, точно ожидал кого-то в гости. Новый раскат грома сотряс дом. Буря приближалась к побережью, и Макс расслышал рокот штормовых волн.

– Скажи мне, где Роланд, Макс, – настаивал старик, не покидая наблюдательный пост у окна. – Дорога́ каждая минута.

– Не уверен, можно ли вам доверять. Если хотите, чтобы я вам помог, сначала расскажите мне правду, – упорствовал Макс. Он не мог допустить, чтобы смотритель маяка вновь ограничился недомолвками.

Старик повернулся и сурово посмотрел на мальчика. Макс твердо выдержал тяжелый взгляд, давая понять, что ни капли его не боится. Виктор Крей, как будто внезапно поняв, что Макса ему не переубедить, опустился в кресло, признавая поражение.

– Хорошо, Макс. Я расскажу правду, если ты этого хочешь, – пробормотал он.

Макс уселся напротив старика и приготовился внимательно слушать.

– Почти все из того, что я вам на днях рассказывал, соответствует истине, – начал старик. – Мой старинный приятель Флейшман обещал доктору Каину отдать первого ребенка за то, что тот поможет ему добиться Евы Грей. Через год после свадьбы, когда я уже потерял с супругами связь, доктор Каин начал наносить визиты Флейшману, напоминая об условиях их договора. Флейшман всеми способами пытался помешать появлению ребенка, что в результате едва не разрушило его брак. После крушения «Орфея» я почувствовал необходимость написать бывшим друзьям и сообщить обо всем, чтобы освободить от нависавшего над ними проклятия, делавшего их несчастными. Я думал, доктор Каин навсегда погребен под толщей воды. Или я оказался настолько глуп, чтобы убедить себя в этом. Флейшман испытывал чувство вины, считал себя в долгу передо мной и постарался, чтобы мы втроем – Ева, он и я – вновь

стали неразлучны, как в студенческие годы. Конечно, это было нелепо. Слишком много воды утекло. Тем не менее Флейшману взбрело в голову построить дом на берегу моря, и вскоре под крышей нового дома родился его сын Якоб. Малыш стал благословением небес, вернувшим обоим супругам радость жизни. Но с самой ночи его рождения я начал подозревать, что дела обстоят не лучшим образом. С той ночи мне снова начал сниться доктор Каин. Пока малыш подрастал, Флейшман и Ева были настолько ослеплены счастьем, что не сумели распознать сигналы надвигающейся опасности. Они из кожи вон лезли, чтобы порадовать мальчика, и потакали всем его капризам. Не было на земле ребенка, которого баловали и лелеяли так, как Якоба Флейшмана. Но постепенно признаки присутствия Каина стали проявляться все более осязаемо. Однажды пятилетний Якоб, игравший во дворе позади дома, исчез. Флейшман и Ева в отчаянии искали сына несколько часов, но его нигде не было. С наступлением ночи Флейшман взял фонарь и отправился в лес, опасаясь, что малыш заблудился в густых зарослях и стал жертвой несчастного случая. Флейшман вспомнил, что, когда строили дом, шесть лет назад, он видел на опушке леса небольшой огороженный загон, совершенно пустынный. По-видимому, давным-давно он служил скотным двором, который в начале века был разрушен. Там некогда держали животных, предназначенных в жертву. Флейшмана осенило, что ребенок мог забрести за ограду и не сумел выйти. Его догадка оказалась отчасти верной, но он обнаружил за стеной не только своего сына.

Место, где еще несколько лет назад ничего не было, оказалось заполнено скульптурами. Якоб играл среди статуй, когда отец нашел его и забрал домой. Дня через два Флейшман навестил меня на маяке и рассказал о случившемся. Он заставил меня поклясться, что я позабочусь о малыше, если с ним самим что-то случится. И это было только начало. Флейшман скрывал от жены необъяснимые события, происходившие вокруг ребенка, но в глубине души он осознавал: выхода нет, рано или поздно Каин вернется и потребует то, что ему причиталось.

– Что произошло в тот вечер, когда Якоб утонул? – прервал старика Макс. Он уже знал ответ, но хотел верить, что ошибся.

Виктор Крей опустил голову и помедлил с ответом.

– Того же числа, что и сегодня, то есть 23 июня – в годовщину дня, когда «Орфей» потерпел крушение, на море разразилась страшная буря. Рыбаки бросились крепить лодки, а местные жители надежно запирали двери и окна, в точности как в ночь кораблекрушения. В разгар бури городок стал похож на призрачное поселение. Я находился на маяке, и меня вдруг охватило страшное предчувствие: жизнь мальчика под угрозой. Пробежав по пустынным улицам, я со всех ног примчался сюда. Якоб вышел из дома и шагал к берегу, на который с яростью обрушивались огромные волны. Хлестал ливень, сужая видимость почти до нуля, но мне удалось разглядеть светившуюся фигуру, выступавшую из воды и тянущую к мальчику длинные руки, походившие на щупальца. Якоб как под гипнозом шел к этой водяной твари, едва видимой в темноте. Это был Каин, я уверен, однако на сей раз он выглядел так, будто все его обличья слились в один переменчивый образ... Мне трудно передать, что предстало моим глазам...

– Я видел это существо, – перебил Макс, избавив старика от описания твари, с которой сам повстречался всего несколько часов назад. – Продолжайте.

– Я поразился, почему нет Флейшмана с женой, почему они не пытаются спасти ребенка, и повернулся к дому. Банда циркачей – они напоминали движущиеся каменные фигуры – не выпускала их с террасы.

– Скульптуры из сада, – догадался Макс.

Старик кивнул.

– В тот момент я думал только о спасении мальчика. Это существо схватило его в объятия и поволокло в море. Я бросился на тварь и... прошел сквозь нее. Колосс из воды растворился в сумраке. Якоб утонул. Мне пришлось нырять несколько раз, прежде чем я нащупал в темноте тело и поднял его на поверхность. Я вытащил мальчика на песок, подальше от волн,

и попытался вернуть к жизни. Скульптуры циркачей исчезли вместе с Каином. Флейшман с Евой бросились ко мне. Но пульс у малыша уже не прощупывался. Мы перенесли его в дом и перепробовали все средства реанимации, но тщетно: ребенок был мертв. Флейшман потерял голову, выскочил из дома и, перекрикивая бурю, предлагал Каину свою жизнь взамен жизни мальчика. Через несколько минут произошло чудо: Якоб открыл глаза. Он находился в глубоком шоке, не узнавал нас и, кажется, даже не помнил своего имени. Ева прижала малыша к груди и унесла наверх, где уложила его. Вскоре она снова спустилась, подошла ко мне и сказала – очень спокойно, – что если ребенок останется с ними, его жизни постоянно будет грозить опасность. Она попросила меня позаботиться о нем и воспитать так, как я воспитывал бы собственного сына, как сына, который мог бы быть нашим, если бы судьба распорядилась иначе. Флейшман не осмелился войти в дом. Я согласился выполнить просьбу Евы Грей и увидел в ее глазах, с какой болью она отрекается от того единственного, что составляло смысл ее жизни. На другой день я забрал мальчика с собой. Флейшманов я больше не видел.

Виктор Крей умолк, и пауза длилась долго. Максу почудилось, что старик с трудом сдерживал слезы, тот закрыл лицо руками – бледными, с морщинистой кожей.

– Через год я услышал, что Флейшман умер от какой-то неизвестной инфекции в результате укуса бродячей собаки. И я до сих пор не знаю, где Ева, жива ли она еще.

Макс посмотрел на убитого горем старика и понял, что неверно судил о нем. Но лучше бы зритель действительно оказался негодяем. Это было бы легче, чем принять то, что следовало из его слов.

– Вы придумали историю о гибели родителей Роланда и дали ему новое имя... – подвел итог Макс.

Крей кивнул, выдавая свою самую сокровенную тайну тринадцатилетнему мальчишке, которого видел третий раз в жизни.

– Значит, Роланд не знает, кто он на самом деле? – спросил Макс.

Старик резко покачал головой, и Макс заметил, что на глазах у него наконец выступили слезы гнева, накопившиеся за долгие годы службы на башне маяка.

– А кто тогда похоронен на кладбище в склепе Якоба Флейшмана? – задал вопрос Макс.

– Никто, – ответил старик. – Склеп не строили, церемонии похорон не было. Мавзолей, который ты вчера видел, появился на местном кладбище через неделю после бури. В городе решили, что Флейшман заказал склеп для сына.

– Не понимаю, – признался Макс. – Если не Флейшман, кто тогда его возвел?

Виктор Крей с горечью улыбнулся мальчику.

– Каин, – ответил он наконец. – Могилу давным-давно приготовил Каин, и с тех пор она дожидается Якоба.

– Боже мой, – прошептал Макс, сообразив, что зря потратил драгоценное время на то, чтобы заставить старика сказать всю правду. – Нужно немедленно увести Роланда из хижины...

Алисию разбудил грохот волн, с яростью бившихся о берег. Уже спустилась ночь, и, судя по тому, как барабанил дождь по крыше хижины, над побережьем, пока они спали, разразилась мощная гроза. Алисия встала, еще не до конца опомнившись, и убедилась, что Роланд по-прежнему лежит на раскладушке и что-то неразборчиво бормочет во сне. Макса в хижине не было. Алисия решила, что Макс вышел на пляж посмотреть на ливень над морем: брата завораживал дождь. Девочка шагнула к двери и, приоткрыв ее, окинула взглядом пляж.

Густое облако голубоватого тумана ползло с моря к хижине, словно крадущийся призрак. Алисии показалось, будто она слышит хор голосов, исходящих из глубины облака. Алисия резко захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, стараясь не поддаться панике. Роланд, разбуженный хлопком двери, открыл глаза и с трудом сел, плохо понимая, как тут очутился.

– Что происходит? – невнятно пробормотал он наконец.

Алисия хотела ответить, но не смогла. Роланд ошеломленно наблюдал, как густой туман сочится сквозь все щели хижины и обволакивает Алисию. Девочка за кричала, и створка двери, к которой она прислонилась, вывалилась наружу, сорванная с петель невидимой силой. Роланд спрыгнул с кровати и кинулся к Алисии: гигантская лапа, соткавшаяся из клубившегося тумана, схватила девочку и потащила к кромке моря. Путь Роланду преградила тень, и он узнал водяной фантом, утянувший его днем в пучину. Волчье лицо клоуна просияло.

– Привет, Якоб, – сорвалось со студенистых губ. – Сегодня мы славно повеселимся.

Роланд ударил кулаком по водяной твари, и образ Каина распался в воздухе, разлив в пространстве литры воды. Роланд ринулся вон из хижины. Ураганный ветер сбивал с ног. Над бухтой раскинулся купол плотных багряных туч. Из самой его верхней точки ударил ослепительный луч. Коснувшись вершины одного из утесов, он обратил в пыль тонны скальной породы, осыпав берег дождем раскаленных осколков.

Алисия закричала, отчаянно пытаясь освободиться от державшей ее мертвой хваткой лапы, и Роланд побежал по камням к морю. Он почти дотянулся до руки Алисии, как вдруг могучий вал опрокинул его. Когда мальчик вновь поднялся, всю бухту трясло и берег ходил ходуном у него под ногами. Роланд услышал оглушительный рев, рожденный, казалось, в сердце пучины. Мальчик отступил назад, пытаясь сохранить равновесие, и увидел, как со дна моря на поверхность всплывает светящийся объект. Во все стороны от него бежали волны высотой в несколько метров. Роланд узнал очертания мачты, поднимавшейся из воды в середине бухты. Он не верил своим глазам: на воду медленно вставал «Орфей», окруженный призрачным ореолом. На мостике стоял Каин, завернувшийся в плащ. Он воздел к небу серебряный жезл, и вниз ударил второй луч – корпус «Орфея» тотчас налился ослепительным светом. Призрачная лапа швырнула Алисию к ногам Каина, и бухта наполнилась эхом злобного смеха мага.

– Мне нужен ты, Якоб, – зазвучал в мозгу Роланда шепот Каина. – Если не хочешь, чтобы она умерла, приходи за ней...

Глава 16

Макс мчался во весь дух под проливным дождем на велосипеде. Сверкающий луч заставил его вздрогнуть и открыл изумленному взору явление «Орфея», восставшего из бездны. Корпус судна излучал завораживающий свет, исходивший от самого металла. Старый корабль Каина вновь плывал по бурным волнам залива. Макс гнал велосипед вперед из последних сил. Он боялся, что, когда доберется до хижины, будет уже слишком поздно. Он намного опередил старого смотрителя маяка, который никоим образом не мог состязаться с ним в скорости. Доехав до края пляжа, Макс бросил велосипед и устремился к хижине Роланда. Он обнаружил, что дверь вырвана с корнем, и различил силуэт друга, стоявшего в оцепенении на пляже. Роланд зачарованно смотрел на корабль-призрак, рассекавший высокие волны. Макс поблагодарил небеса и подбежал, чтобы обнять Роланда.

– Ты в порядке? – прокричал он сквозь ветер, бушевавший на пляже.

Роланд бросил на него взгляд, как у загнанного раненого животного, которое не может убежать от преследователя. Вздрогнув, Макс узнал в его лице черты ребенка, державшего камеру перед зеркалом.

– Он схватил Алисию, – вымолвил наконец Роланд.

Макс не сомневался: друг не имеет понятия, что на самом деле происходит, и чувствовал, что все попытки объяснить ему это только усложнят дело.

– Будь что будет, – сказал Макс, – не приближайся к нему. Слышишь? Держись подальше от Каина.

Роланд не обратил внимания на предостережение и вошел в бурное море по пояс. Прыгнув за ним, Макс успел его остановить. Роланд, обладавший большей силой, с легкостью освободился и с силой оттолкнул его, а потом пустился вплавь.

– Стой! – крикнул Макс. – Ты не понимаешь, что происходит! Ему нужен ты!

– Я знаю, – откликнулся Роланд, не тратя времени на дальнейшие объяснения.

Макс видел, как друга с головой накрыли волны, потом он вынырнул на несколько метров дальше и поплыл к «Орфею». Разумнее всего для Макса было бы побежать в хижину и прятаться под кроватью, пока все не кончится. Но как всегда, отбросив доводы рассудка, он бросился в воду вслед за другом, убежденный, что на сей раз тому не суждено вернуться на берег живым.

Длинные пальцы Каина, затянутые в перчатку, сомкнулись на запястье Алисии, словно клещи. Девочка почувствовала рывок: ее потащили куда-то по скользкой палубе «Орфея». Алисия попыталась выдернуть руку, сопротивляясь изо всех сил. Каин повернулся и, подняв девочку в воздух без малейшего труда, вплотную приблизил к ней лицо: Алисия увидела, как зрачки горящих злобой глаз расширяются и меняют цвет, превратившись из голубых в золотистые.

– Не вздумай сделать так еще раз. Веди себя тихо или пожалеешь, – пригрозил маг металлическим голосом, лишенным жизни. – Поняла?

Маг стиснул пальцы сильнее, причиняя Алисии боль. Она испугалась, что если Каин сожмет ей руку чуть крепче, то раздавит кости, как комок сухой глины. Девочка поняла: оказывать сопротивление бесполезно, и беспокойно закивала. Каин ослабил хватку и растянул губы в улыбке, в которой не было ни тени сочувствия или любезности, только ненависть. Маг отшвырнул Алисию, и она снова упала на палубный настил, ударившись лбом о металл. Она почувствовала резкую боль и, потрогав ушиб, поняла, что рассекла кожу при падении. Не давая девочке опомниться, Каин снова вцепился в ее покрытую синяками руку и потянул во внутренние помещения корабля.

– Вставай, – приказал маг, выталкивая ее в длинный коридор, который начинался за мостиком «Орфея» и вел к каютам верхней палубы.

Стены почернели, покрылись ржавчиной и вязким темным слоем ила. Вода, заливавшая помещения «Орфея» по щиколотку, превратилась в настоящее болото, от которого поднимались тошнотворные испарения. В этой топи плавали сотни обломков, они качались и плясали на поверхности, когда корабль кренило на волнах. Доктор Каин, схватив Алисию за волосы, открыл шлюзовую дверь одной из кают. Воздух там был пропитан скопившимися за двадцать пять лет газами и застоявшейся вонью протухшей воды. Алисия задержала дыхание. Маг, с силой дернув ее за волосы, подтащил к двери каюты.

– Лучший салон на корабле, милочка. Капитанская каюта для почетной гостии. Надеюсь, общество тебе понравится.

Каин грубо втолкнул девочку в каюту и запер за ее спиной дверь. Упав на колени, Алисия начала шарить по стене в поисках точки опоры. Каюта была почти полностью погружена в сумрак, слабый свет пробивался лишь сквозь узкий иллюминатор, покрывшийся за долгие годы толстой полупрозрачной коростой из водорослей и органических останков. Корабль непрерывно сотрясался под натиском бури, и девочку то и дело бросало на стены каюты. Алисия ухватилась за какую-то проржавевшую трубу и всмотрелась в темноту, стараясь не обращать внимания на зловоние. Глазам потребовалось несколько минут, чтобы привыкнуть к сумеречному освещению, и тогда Алисия смогла рассмотреть каюту, «любезно» предоставленную в ее распоряжение Каином. Другого выхода, кроме двери, которую тот задрал, не наблюдалось. Алисия в отчаянии искала металлическую палку или другое крепкое орудие, чтобы взломать дверь, но ничего подходящего под руку не подворачивалось. Передвигаясь ощупью в полумраке в поисках инструмента, который открыл бы ей путь к свободе, она случайно коснулась чего-то странного у стены. Алисия испуганно отдернула руки. Останки капитана «Орфея» упали к ее ногам, и Алисия поняла, на кого намекал Каин, посулив ей приятное общество. Судьба сдала старому Летучему Голландцу плохие карты. Крики девочки потонули в грохоте штормовых волн и грозových раскатов.

Через каждый метр, отвоеванный Роландом на пути к «Орфею», разъяренное море утягивало его под воду и выбрасывало на поверхность на гребне волны в пенном водовороте, мощь которого он был не в силах преодолеть. Прямо перед ним корабль боролся с напором гигантских валов, обрушивавшихся на палубы.

Чем ближе Роланд подплывал к судну, тем труднее становилось среди неистовства стихии контролировать направление, в котором увлекало его течение. Мальчик боялся, что волна может внезапно подхватить его и ударить о борт «Орфея». Если он потеряет сознание, то море жадно поглотит его и больше не выпустит из глубины. Роланд нырнул, ускользя от высокой волны, гребень которой нависал над ним. Вынырнув снова, он убедился, что вал катит к берегу, оставив за собой полосу бурлящей и пенящейся воды.

«Орфей» вздымался теперь на расстоянии метров десяти от Роланда, и, увидев стальную стену, налитую белым светом, он понял, что не в состоянии вскарабкаться на палубу. Единственный доступный путь на борт лежал через пробоину, которую скалы проделали в борту, отправив судно на дно двадцать пять лет назад. Пробоина находилась на уровне ватерлинии и под напором волн то появлялась на поверхности, то исчезала под водой. Дыра, обрамленная ключьями обшивки корпуса, напоминала пасть морского чудовища. Одна мысль о том, чтобы сунуться в этот капкан, повергала Роланда в ужас, но у него не было иной возможности добраться до Алисии. Он напряг все силы, чтобы следующая волна не унесла его. Как только вал прокатился над его головой, Роланд сделал рывок к пробоине в корпусе и как торпеда стремительно скользнул в темноту.

Виктор Крей, задыхаясь, пересек полосу луговых трав, отделявшую бухту от дороги к маяку. Ливень и ветер неистовствовали, не позволяя старику продвигаться дальше, словно невидимые руки удерживали его, не пуская на пляж. Когда смотритель маяка наконец вышел на берег, «Орфей», осененный нимбом неясного света, бороздил воды посреди залива. Корабль плыл прямо на скалистую грядку. Нос судна разрезал волны, которые раз за разом окатывали палубу, выбрасывая облака белой пены. Тоскливое отчаяние охватило старика: сбылись его худшие опасения, и он потерпел поражение. Годы притупили остроту ума Крея, и Владыка Тумана вновь его обманул. Он горячо молился только о том, чтобы не оказалось слишком поздно, чтобы избавить Роланда от участи, уготованной ему магом. Он с радостью отдал бы свою жизнь, если бы его жертва гарантировала Роланду минимальный шанс на спасение. Но смотрителя терзало мрачное предчувствие, что он не сумел сдержать клятву, данную матери мальчика.

Виктор Крей поспешил к хижине Роланда в тщетной надежде найти воспитанника. В поле зрения не было ни Макса, ни его сестры, а сорванная дверь, валявшаяся на песке, наводила на самые горестные мысли. Внезапно он заметил свет в хижине, и в сердце вспыхнула искра надежды. Смотритель маяка бросился к дверному проему, громко выкрикивая имя Роланда. Ему навстречу выступила фигура метателя ножей из белого ожившего камня.

– Поздновато лить слезы, дедуля, – промолвил он, и старик узнал голос Каина.

Виктор Крей шагнул назад, но за его спиной уже кто-то стоял, и, не успев повернуться, старик почувствовал резкий удар по затылку и провалился в темноту.

Макс заметил, как Роланд проник на «Орфей» через дыру в корпусе. Силы Макса с каждой новой волной убывали. Плавал он значительно хуже Роланда и понимал, что лишь с большим трудом сможет продержаться на воде в разгар шторма еще какое-то время. Было необходимо найти способ подняться на борт корабля. В то же время чем дальше, тем больше крепла его уверенность, что на корабле их всех подстерегает смертельная опасность. Макс прекрасно осознавал, что маг заманивает их на свою территорию, как мух на мед.

Грянул оглушительный гром, и Макс увидел, как за кормой «Орфея» вырастает высокая стена воды и несется с огромной скоростью на корабль. Чудовищная волна подхватила судно и понесла к отвесному берегу. «Орфей» врезался в скалы носом, содрогнувшись всем корпусом. Мачта с сигнальными огнями, освещавшими мостик, обрушилась за борт, ее верхушка упала всего в нескольких метрах от Макса, ушедшего под воду.

Мальчик из последних сил подплыл к мачте, уцепился за нее и отдохнул пару мгновений, переводя дыхание. Подняв голову, он скользнул взглядом вдоль стрелы поверженной мачты и понял, что она стала для него мостом до палубы корабля. Не дожидаясь момента, когда очередная волна смоет и унесет его в море навсегда, Макс пополз к «Орфею». Он не подозревал, что, облокотившись на перила правого борта, за ним терпеливо наблюдает неподвижная фигура.

Мощный поток подхватил Роланда и пронес через затопленный трюм «Орфея». Мальчик закрыл лицо руками, защищаясь от болезненных столкновений, неизбежных при передвижении по искореженному судну. Роланд был игрушкой волн, пока корпус не потрянуло с такой силой, что его отбросило к стене, где он успел уцепиться за металлическую лесенку, поднимающуюся из трюма в верхнюю часть корабля.

Роланд вскарабкался по узкому трапу и пролез через люк, выходящий в окутанный темнотой машинный зал, кладбище разрушенных двигателей «Орфея». Он пересек помещение, заполненное обломками механизмов, и добрался до шахты, выходящей на палубу. Очутившись наверху, Роланд бегом миновал коридор, вдоль которого располагались каюты, и выскочил на капитанский мостик. Со странным чувством Роланд узнавал каждый уголок рубки и все предметы, которые столько раз рассматривал, ныряя под воду. С этого наблюдательного

пункта он как на ладони видел переднюю палубу «Орфея»: волны накатывали на площадку и разбивались об основание рубки. Внезапно Роланд почувствовал, что корабль с невероятной силой толкнуло вперед. Мальчик ошеломленно наблюдал, как перед носом корабля из темноты вырастают отвесные скалы. Столкновение было неизбежным, счет шел на секунды.

Роланд поспешил ухватиться за штурвал, но поскользнулся на ковре водорослей, покрывавших настил. Он кубарем пролетел несколько метров и ударился о допотопную рацию. Мальчик всем телом ощутил, как страшно содрогнулся «Орфей», столкнувшись со скалами. Как только худшее осталось позади, Роланд встал и тут услышал рядом крик – человеческий голос, прорывавшийся сквозь гул шторма. Крик повторился, и мальчик узнал голос: где-то в недрах корабля Алисия громко звала на помощь.

Десять метров, которые Макс пришлось ползти по мачте до палубы «Орфея», показались бесконечными. Дерево прогнило насквозь, растрескалось и было испещрено заусенцами и зазубринами. Поэтому руки и ноги Макса к тому моменту, когда он дополз наконец до борта корабля, сплошь покрывали ранки и царапины. Они отчаянно саднили, но Макс, не обращая на это внимания, потянулся к металлическим поручням.

Покрепче ухватившись за перила, он неловко прыгнул на палубу и упал ничком. Перед ним мелькнула темная тень, и он поднял голову в надежде увидеть Роланда. Каин распахнул плащ и показал мальчику золотистый диск, висевший на конце цепочки. Макс узнал свои часы.

– Ищешь это? – спросил маг, присев на корточки перед Максом и помахав у него перед носом часами, которые тот потерял в склепе Якоба Флейшмана.

– Где Якоб? – спросил Макс, игнорируя шутовскую гримасу, казалось, приклеившуюся к лицу Каина, как восковая маска.

– Актуальный вопрос, – отозвался маг. – И ты сможешь мне ответить на него.

Каин сжал часы Макса в кулаке, и мальчик услышал хруст металла. Когда маг вновь раскрыл ладонь, от подарка отца осталась лишь кучка искореженных колесиков и болтиков.

– Время, дорогой Макс, не существует. Оно – иллюзия, мираж. Даже твой друг Коперник сообразил бы это, но как раз времени ему и не хватило. Забавно, верно?

Макс мысленно прикинул свои шансы: успеет ли он прыгнуть за борт, чтобы спастись. Он глазом не успел моргнуть, как рука Каина в белой перчатке сомкнулась на его горле.

– Что вы собираетесь со мной сделать? – прохрипел Макс.

– А что на моем месте сделал бы ты сам? – любопытствовал маг.

Хватка Каина была столь сильной, что очень скоро Макс стал задыхаться.

– Хороший вопрос, не так ли?

Маг швырнул Макса на палубу. От удара о ржавый металл у мальчика помутилось в глазах, его затошнило.

– Почему вы преследуете Якоба? – пролепетал Макс, пытаясь выиграть время.

– Договор есть договор, Макс, – ответил маг. – Я свою часть сделки выполнил.

– Но зачем вам его жизнь? – выпалил Макс. – Кроме того, вы уже отомстили, убив доктора Флейшмана, разве нет?

Лицо доктора Каина просияло, как будто он услышал вопрос, ответить на который жаждал с самого начала разговора.

– Если заем не погашен, нужно платить проценты. Но проценты не аннулируют долг. Таков мой закон, – свистящим голосом сказал маг. – И моя пицца. Жизнь Якоба и многих таких, как он. Знаешь, как много лет назад я пришел в этот мир, Макс? Знаешь, сколько было у меня имен?

Макс покачал головой, благословляя каждую секунду, что маг тратил на разговор с ним.

– Расскажите, – едва слышно попросил он, изображая трепетное восхищение собеседником.

Каин блаженно улыбнулся, и в этот миг произошло то, чего Макс больше всего боялся. Сквозь грохот бури послышался голос Роланда, звавшего Алисию. Взгляды мага и Макса скрестились: они оба его услышали. Улыбка Каина растворилась, и его лицо тотчас вновь обрело угрожающее выражение. Голодный кровожадный хищник вышел на охоту.

– Очень умно, – пробормотал Каин.

Макс проглотил комок в горле, приготовившись к худшему.

Маг протянул к Максy руку и разжал кулак. В ужасе Макс смотрел, как пальцы Каина превращаются в длинные острые иглы. Где-то совсем рядом снова раздался крик Роланда. Каин оглянулся через плечо, и Макс не мешкая бросился к борту корабля. Когтистая лапа мага стиснула его затылок и медленно развернула. Макс оказался лицом к лицу с Владыкой Тумана.

– Жаль, что твой друг и вполонину не так умен, как ты. Возможно, выгоднее было бы заключить сделку с тобой. Ну, в другой раз, – фыркнул маг. – До свидания, Макс. Надеюсь, с недавних пор ты научился нырять.

С силой паровой машины маг вышвырнул Макса за борт, далеко в море. Мальчик, по дуге пролетев в воздухе метров десять, погрузился в бурные волны. Под водой его подхватило сильное холодное течение. Макс пытался вырваться на поверхность, отчаянно загребая руками и ногами, чтобы одолеть смертоносную силу засасывавшей его в черную бездну воронки. Макс плыл вслепую, чувствуя, что легкие вот-вот разорвутся, и вынырнул в нескольких метрах от скал. Вдохнув полной грудью свежий воздух, он ценой невероятных усилий удержался на плаву и, маневрируя на волнах, добился того, что прибой вынес его к кромке скалистого обрыва. Максy удалось уцепиться за выступ, с которого можно было вскарабкаться на берег. Острые края скал раздирали кожу, и Макс догадывался, что с ног до головы покрывается ссадинами и порезами, но настолько замерз, что не чувствовал боли. Он держался из последних сил, надеясь, что не потеряет сознание. Поднявшись на несколько метров по отвесному обрыву, он нашел небольшое углубление в скалах, куда не достигали волны. И лишь тогда он, обессиленный, распростерся на твердых камнях. Макс был так напуган, что не мог сразу поверить в свое спасение.

Глава 17

Дверь каюты медленно отворилась. Алисия сидела, сжавшись в комок в темном уголке. Она не шевелилась и затаила дыхание. Тень Владыки Тумана легла на пол каюты. Его глаза, горевшие как угли, изменили цвет, из золотистых сделавшись темно-красными. Каин ступил в каюту и приблизился к девочке. Алисия усилием воли подавила дрожь, сотрясавшую тело, и обратила на гостя вызывающий взгляд. Маг изобразил волчью улыбку, одобряя подобное проявление мужества.

– Должно быть, это семейное. Все имеют склонность к геройству, – добродушно заметил маг. – Вы мне начинаете нравиться.

– Что вам нужно? – спросила Алисия, попытавшись выразить дрожащим голосом все презрение, на какое была способна.

Каин будто размышлял над вопросом, не спеша снимая перчатки. Алисия обратила внимание на его ногти – длинные и острые, как кончик даги. Каин угрожающе выставил палец вперед.

– Это зависит от обстоятельств. Что ты можешь мне предложить? – вкрадчиво спросил он, не спуская глаз с лица Алисии.

– Мне нечего вам дать, – ответила она, украдкой поглядывая на открытую дверь каюты. Каин погрозил пальцем, угадав ее намерения.

– Это было бы неразумно, – предостерег он. – Но ближе к делу. Почему бы нам не заключить договор? Соглашение между взрослыми людьми, если можно так выразиться.

– Какой договор? – спросила Алисия, старательно уклоняясь от гипнотического взгляда Каина, казалось, поглощавшего ее волю с алчностью пожирателя душ.

– Вот это мне нравится. Деловой разговор. Скажи, Алисия, ты хотела бы спасти Якоба, пардон, Роланда? Он юноша видный, что греха таить, – сказал маг, смакуя каждое произнесенное слово с бесконечным удовольствием.

– Что вы хотите взамен? Мою жизнь? – Фразы слетали с языка Алисии словно сами собой, сумбурно, прежде чем она успевала их обдумать.

Маг скрестил руки на груди и задумчиво нахмурил брови. Алисия отметила, что он ни разу не моргнул.

– Я имел в виду совсем другое, милочка, – развеял он ее заблуждения, поглаживая кончиком указательного пальца нижнюю губу. – Как насчет жизни твоего первенца?

Каин неторопливо подошел к Алисии и близко наклонился к ней. Алисия чуть не задохнулась от вязкого, сладковатого, тошнотворного запаха, исходившего от Каина. Выдержав его взгляд, Алисия плюнула в лицо магу.

– Убирайся в ад, – сдерживая ярость, сказала она.

Капли слюны испарились, словно попали на лист раскаленного железа.

– Детка, это моя колыбель, – ответил Каин.

Он медленно протянул бледную руку к лицу Алисии. Девочка закрыла глаза и почувствовала на лбу ледяное прикосновение его пальцев и острых ногтей. Оно длилось несколько мгновений, показавшихся ей вечностью. Наконец Алисия услышала удаляющиеся шаги, и дверь каюты снова захлопнулась. Запах разложения улетучился сквозь стыки люка каюты, точно пар из компрессионного клапана. Алисии хотелось плакать и стучать кулаками в стены, пока не утихнет гнев, но она запретила себе распускаться, постаравшись сохранить самообладание и ясную голову. Нужно было выбираться из западни, и времени оставалось совсем немного.

Она подошла к двери и ощупала ее по периметру в поисках отверстия или щели, чтобы попробовать взломать запор. Ничего. Каин замуровал ее в саркофаге из ржавого железа в компании со скелетом бывшего капитана «Орфея». Судно жестоко трянуло, и Алисия упала на

пол лицом вниз. Через несколько секунд из недр корабля донесся мерный приглушенный звук. Алисия прижалась ухом к двери и внимательно прислушалась. Она узнала характерное журчание льющейся воды. Большого количества воды. Алисию охватила паника, она поняла, что происходило: корпус корабля заливало водой, начиная с трюмов. «Орфей» снова тонул. На сей раз она не сумела сдержать вопль ужаса.

Роланд безрезультатно облазил корабль, разыскивая Алисию. «Орфей» превратился в запутанный подводный лабиринт искореженных дверей и бесконечных коридоров. Существовали десятки мест, где маг мог ее спрятать. Роланд вернулся на мостик и попытался логическим путем вычислить, где Алисия. Корпус корабля словно охватила дрожь, Роланд потерял равновесие и упал на влажный скользкий пол. Из полумрака, окутывавшего рубку, возник Каин: его силуэт словно вырос из потрескавшегося металлического настила.

– Мы тонем, Якоб, – невозмутимо пояснил маг, поводя рукой вокруг. – Ты ведь никогда не задумывался о целесообразности происходящего, не так ли?

– Не понимаю, о чем вы говорите. Где Алисия? – потребовал ответа Роланд, готовый броситься на врага.

Маг закрыл глаза и сложил вместе ладони, точно собирался вознести молитву.

– Где-то тут, на корабле, – спокойно ответил он. – Если ты был настолько глуп, чтобы явиться сюда, нет смысла все испортить теперь. Хочешь спасти ей жизнь, Якоб?

– Меня зовут Роланд, – перебил мальчик.

– Роланд, Якоб... Какая разница, одно имя или другое? – засмеялся Каин. – Лично у меня их несколько. Чего ты желаешь, Роланд? Хочешь спасти свою подружку? Ведь так?

– Куда вы ее дели? – повторил Роланд. – Будьте вы прокляты! Где она?

Маг потер руки, как будто согреваясь.

– Знаешь, долго ли будет тонуть такой корабль, как этот, Якоб? Можешь не отвечать. Две минуты от силы. Поразительно, верно? Так что ты скажешь? – усмехнулся Каин.

– Вам нужен Якоб или как там вы меня называете, – твердо сказал Роланд. – Я здесь. Я не собираюсь бежать. Отпустите ее.

– Оригинально, Якоб, – изрек маг, приближаясь к мальчику. – Время истекает. Одна минута.

«Орфей» начал медленно крениться на правый борт. Вода, затоплявшая судно, ревела у них под ногами, и прогнивший металлический остов содрогался и вибрировал под яростным натиском стихии, которая прокладывала себе путь в чреве корабля с той же легкостью, с какой кислота прожигает картонную игрушку.

– Что я должен сделать? – взмолился Роланд. – Чего вы от меня хотите?

– Прекрасно, Якоб. Вижу, мы образумились наконец. Я хочу, чтобы ты выполнил часть договора, которой пренебрег твой отец, – ответил маг. – Не более. Но и не менее.

– Мой отец погиб в автокатастрофе, я... – принялся с отчаянием объяснять Роланд.

Маг по-отечески положил руку на плечо паренька. Роланд ощутил стальное прикосновение его пальцев.

– Полминуты, мальчик. Поздновато для семейных историй, – прервал его Каин.

Вода с силой обрушивалась на палубу, над которой возвышалась командная рубка. Роланд обратил умоляющий взгляд на мага. Каин присел перед ним на корточки и улыбнулся.

– Так мы заключаем договор, Якоб? – проворковал он.

Слезы брызнули из глаз Роланда, и он медленно кивнул.

– Прекрасно, Якоб, – пробормотал Каин. – Добро пожаловать домой.

Маг поднялся и указал на один из коридоров, начинавшихся от капитанского мостика.

– Последняя дверь по этому проходу, – пояснил Каин. – Но послушай доброго совета. Когда тебе удастся открыть ее, мы уже будем под водой и у твоей подружки не останется ни

капли воздуха, чтобы дышать. Ты хороший ныряльщик, Якоб, поймешь, что нужно сделать. Помни о договоре...

Каин улыбнулся напоследок и, завернувшись в плащ, растворился в темноте. Под его шагами плавился металл настила старого корабля. Роланд стоял в оцепенении несколько секунд, переводя дух. Он опомнился, когда корабль снова тряхнуло, и он упал на истлевший штурвал. Вода уже плескалась у мостика.

Роланд бросился по проходу, который указал ему маг. Вода хлестала из люков шахт, спускавшихся в трюмы, и заливала коридор. «Орфей» стремительно погружался в море. Роланд в бессилии ударил кулаками в дверь.

– Алисия! – закричал он, хотя догадывался, что она едва ли услышит его сквозь толстую металлическую плиту. – Это Роланд. Задержи дыхание! Я вытащу тебя оттуда!

Роланд вцепился в колесо, открывавшее дверь. Налегая на колесо изо всех сил, он пытался его повернуть, но только содрал ладони. Тем временем ледяная вода поднялась выше пояса и продолжала прибывать. Колесо уступило его усилиям, но подалось всего на пару сантиметров. Роланд вдохнул поглубже и вновь принялся крутить его, добившись того, что оно стало поворачиваться быстрее. Холодная вода омыла мальчику лицо и наконец заполнила весь коридор. На «Орфее» воцарилась темнота.

Когда дверь открылась, Роланд заплыл в окутанную сумраком каюту и, вытянув руки, ошупью стал искать Алисию. На один страшный миг он вообразил, будто маг обманул его и в каюте никого нет. Борясь с болью и разочарованием, Роланд открыл глаза под водой и попытался хоть что-нибудь рассмотреть сквозь воду. Наконец ему под руку попала оборка ткани на платье уже задыхавшейся Алисии. Роланд обнял девочку и, отдавая себе отчет, что в их распоряжении считанные секунды, обвил ее рукой за шею и поплыл к выходу в коридор.

Корабль неумолимо погружался в пучину со стремительно возрастающей скоростью. Алисия, не осознавая, кто ее тащит, сопротивлялась, и Роланд с трудом увлекал ее к мостику по коридору, где плавали обломки, вымытые водой из самых глубин «Орфея». Роланд знал, что им нельзя покидать судно, пока оно не ляжет на дно. Иначе их необратимо затянет в мощную воронку, которая образуется, когда корабль тонет. Однако Роланд не забывал, что прошло по меньшей мере тридцать секунд с тех пор, как Алисия сделала последний вдох. Учитывая глубину и паническое состояние девочки, она наверняка наглотается воды. Вполне возможно, что подъем на поверхность станет для нее дорогой к верной смерти. Каин тщательно продумал партию.

Ожидание момента, когда «Орфей» коснется дна, длилось бесконечно. А когда он наступил, от удара часть крыши капитанской рубки обрушилась на Роланда с Алисией. По ноге Роланда поднялась волна жгучей боли, и он увидел, что обломки металла защемили ему лодыжку. Свечение «Орфея» постепенно гасло в глубине.

Роланд, преодолевая мучительную боль, как клещами раздиравшую придавленную ногу, нащупал в су мраке лицо Алисии. Глаза ее были широко открыты, и она балансировала на грани удушья. Она больше ни секунды не могла сдерживать дыхание, и пузырьки воздуха выскользнули у нее из губ, словно жемчуг, уносивший с собой последние мгновения угасающей жизни.

Роланд взял в руки ее лицо и заставил девочку посмотреть себе в глаза. Их взгляды встретились, и она тотчас поняла, что он хочет сделать. Алисия замотала головой и попыталась оттолкнуть Роланда. Он показал ей на лодыжку, намертво закованную в колодки из металлических балок кровли. Алисия сквозь ледяную воду нырнула к поваленной балке и, вцепившись в нее, попыталась освободить Роланда. Мальчик и девочка безнадежно переглянулись. Не существовало силы, способной сдвинуть тонны железа, державшие Роланда в плену. Алисия снова подплыла к нему и обняла его, чувствуя, как от недостатка воздуха ее покидает сознание. Роланд не стал медлить. Он взял в ладони голову Алисии и, прижавшись губами к ее губам,

вдохнул в рот воздух, который сберег для нее, – так, как предсказывал Каин с самого начала. Алисия вдохнула воздух из губ Роланда и крепко сжала его руки, слившись с ним в прощальном поцелуе.

Мальчик послал Алисии исполненный отчаяния взгляд и вытолкнул из капитанской рубки. Оказавшись за пределами корабля, Алисия начала медленно всплывать на поверхность. И это был последний раз, когда Алисия видела Роланда. Через несколько мгновений девочка вынырнула посреди бухты: гроза неторопливо удалялась в открытое море и уносила с собой все ее надежды на будущее.

* * *

Как только Макс заметил Алисию, появившуюся на поверхности, он снова бросился в волны и быстро поплыл к ней. Сестра едва держалась на воде, бормотала несвязные слова и надрывно кашляла, выплевывая воду, которой успела наглотаться, поднимаясь из глубины. Макс обхватил ее за плечи и дотащил до того места в двух метрах от берега, где под ногами нащупывалось дно. Старый смотритель маяка, ждавший на пляже, бросился на помощь детям. Вместе с Максом они вынесли Алисию из воды и уложили на песок. Виктор Крей стал искать пульс на запястье девочки, но Макс мягко отвел дрожащую руку старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.